

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 3 (81)
2025

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

М. О. Акишин Византийское влияние на становление философии права в Древней Руси	8
И. В. Бородушко, И. С. Кокорин Теоретико-правовые основы института экспертизы в Российской Федерации	29
Т. А. Кандыба Понятие источника права в трудах зарубежных правоведов	47
Д. В. Ливенцев Юридическая ответственность российских подданных за оскорбление правящего императора в XIX – начале XX вв.	64

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В. П. Очерedyкo Конституционные ценности как основания развития судебной власти: проблемы определенности и реализации	80
Ю. М. Литвинова, Е. А. Шпитальная Понятие и сущность внутреннего финансового аудита	102
М. Н. Пригон Феномен времени в праве	122
Р. А. Ромашов, З. Ф. Сафин Рецепция латинской юридической терминологии в системах европейского (романо-германского) и российского публичного права	138

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Е. А. Нахова К вопросу о преюдициальности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу	156

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. А. Ромашов, С. В. Архипов

Государственно-правовая система: опыт теоретического моделирования, структурирования, функционирования (аналитический обзор выступлений участников межвузовского научно-теоретического семинара с международным участием: Санкт-Петербург (г. Пушкин), 30 апреля 2025 г.)

176

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Mikhail O. Akishin Byzantine Influence and Formation Philosophy of Law in Ancient Russia	8
Irina V. Borodushko, Igor S. Kokorin Theoretical and Legal Basis of the Institute of Expertise in the Russian Federation	29
Timofey A. Kandyba The Concept of the Source of Law in the Works of Foreign Legal Scholars	47
Dmitry V. Liventsev The Legal Responsibility of Russian Subjects for Insulting the Reigning Emperor in the 19th and Early 20th Centuries	64

PUBLIC LAW SCIENCES

Viktor P. Ocheredko Constitutional Values as the Basis for the Development of Judicial Power: Problems of Certainty and Implementation	80
Iuliia M. Litvinova, Elena A. Shpitalnaya The Concept and Essence of Internal Financial Audit	102
Maksim N. Prigon The Phenomenon of Time in Law	122
Roman A. Romashov, Zavdat F. Safin The Reception of Latin Legal Terminology in the Systems of European (Romano-German) and Russian Public Law	138

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Elena A. Nakhova On the Issue of the Prejudice of Facts Established by a Judicial Act That Entered Into Force in a Previously Considered Case	156

REVIEWS

Roman A. Romashov, Sergei V. Arkhipov
State and Legal System: Experience of Theoretical Modeling, Structuring,
and Functioning (Analytical Review of the Presentations
by Participants of the Interuniversity Scientific and Theoretical
Seminar With International Participation:
Saint Petersburg (Pushkin), April 30, 2025)

176

Византийское влияние на становление философии права в Древней Руси

М. О. Акишин

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью установления философско-правовых истоков правовой системы России. В статье рассматривается крещение и связанное с ним влияние философии права Византии на христианское просвещение и становление политико-правовой мысли Древней Руси. Устанавливается, что мыслителям Древней Руси удалось решить проблемы сочетания сильной княжеской власти со свободой подданных, ограничения княжеской власти идеей правды, обязанностей государства в социальной сфере, чем была заложена основа для становления философии права, определяющая развитие правовой системы России вплоть до современности.

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, крещение, христианское просвещение, философия права.

Для цитирования: Акишин М. О. Византийское влияние и становление философии права в Древней Руси // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 8–28. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_8. EDN: GHGLLK

Original article
UDC 4414
EDN: GHGLLK
DOI: 10.35231/18136230_2025_3_8

Byzantine Influence and Formation Philosophy of Law in Ancient Russia

Mikhail O. Akishin

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the research topic is due to the need to establish the philosophical and legal origins of the Russian legal system. The article examines baptism and the associated influence of the philosophy of law of Byzantium on the Christian enlightenment and the formation of political and legal thought in Ancient Russia. It is established that the thinkers of Ancient Russia managed to solve the problems of combining strong princely power with the freedom of subjects, limiting princely power to the idea of justice, and the duties of the state in the social sphere, which laid the foundation for the formation of the philosophy of law, which determines the development of the Russian legal system up to the present.

Key words: Byzantium, Ancient Russia, baptism, Christian enlightenment, philosophy of law.

For citation: Akishin, M. O. (2025) Vizantiyskoe vliyaniye na stanovleniye filosofii prava v Drevney Rusi [The Byzantine Influence and the Formation of the Philosophy of Law in Ancient Russia]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 8–28. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_8. EDN: GHGLLK

Введение

В российской науке уже более двух столетий продолжается дискуссия о значении культурного наследия Древней Руси. Начало ей положил П. Я. Чаадаев, который в 1830-х гг. писал, что в «прожитых нами веках» он не находит «ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом» [19, с. 42–43]. В XIX–XX вв. эта позиция отрицания значения культуры Древней Руси была опровергнута благодаря введению в науку сочинений древнерусских авторов. Однако в литературе по истории политических и правовых учений до 70-х гг. XX в. обзоры политико-правовой мысли Древней Руси отсутствовали. Это пренебрежительное отношение сохранилось и в наше время. Так, по мнению С. В. Липень, «отечественная политико-правовая мысль как самостоятельный феномен формируется лишь с XIX в.» [9, с. 146].

Только в 80-х гг. XX в. Н. М. Золотухиной удалось доказать, что в Древней Руси сложились «...традиции политической культуры и юридического мышления», которые «...представляют собой тот фундамент, на котором впоследствии стала создаваться политико-юридическая культура Нового времени» [7, с. 192]. Е. В. Тимошина доказывает, что «азбучной истиной» является положение «о том, что русская философия права сформировалась под определяющим влиянием восточно-христианского богословия» [18, с. 6].

Целью настоящей статьи является продолжение исследований византийского влияния на становление философско-правовой мысли Руси. Для этого будут рассмотрены вопросы формирования религиозной философии в Византии, христианское просвещение и становление философско-правовой мысли в Древней Руси. Хронологические рамки исследования ограничиваются 862–1237 гг., т. е. периодом от времени возникновения Древнерусского государства до начала монгольского нашествия.

Православное богословие и философия права в Византии

Становление Эллинистического мира, а затем Римской империи привело к столкновению культурно-исторических традиций народов, попавших под их власть. В этих условиях в греческой философии наступила «эпоха разочарования», возник феномен эклектизма, получил распространение скептицизм [14]. Реакцией на эти процессы стало появление термина «*καθ' ἡμᾶς φιλοσοφία*» (др.-греч. – философии по-нашему) в сочинениях христианских апологетов. В частности, он встречается в послании Мелитона Сардикского к императору-стоику Марку Аврелию.

Одним из центров становления философского богословия стала Александрия. С момента ее основанная Александром Македонским в 332–331 гг. до н. э., как отмечает В. Я. Саврей, в нее «...приглашались ученые со всего греческого мира, так что она уже в начале своего развития стала городом ученых». Уже в IV в. до н. э. в Александрии возникла школа перипатетиков, в которой преподавалось учение Аристотеля, а «...дух Ликия на долгое время стал родным для столицы Птолемеев» [14, с. 4]. В I в. до н. э. в центре внимания александрийских философов оказалось наследие Платона, философия Аристотеля стала использоваться для его интерпретации.

В конце II – начале III вв. появляется александрийская школа богословов, основателем которой был Климент Александрийский. Он поставил проблему «христианского гносиса» – рационального обоснования веры. Наиболее ярким представителем этой школы был Ориген Адамант (ок. 185–254). Именно он ввел в христианскую литературу форму экзегезы (истолкования библейских текстов). Ориген был неоплатоником, а его толкования Св. Писания были настолько рациональны, что в 231 г. он был отлучен от церкви Александрийским

поместным собором. Однако влияние неоплатонизма на христианское богословие получило развитие. Учениками Оригена были Дионисий Александрийский и святой Григорий Чудотворец.

Другим центром христианской философии стала Антиохия основанная в 300 г. до н. э. В Новом Завете сказано, что именно в Антиохии ученикам Христа впервые было дано имя «христиане» (Деян. 11:26). В конце III в. епископ Лукиан основал Антиохийскую экзегетическую школу. Если александрийскими богословами использовался аллегорический метод толкования Св. Писания, то основным методом толкования в антиохийской школе стал историко-грамматический. В основе первого метода была философия Платона, второго – Аристотеля.

В 313 г. император Константин Великий своим эдиктом провозгласил терпимое отношение к христианам, что стало основанием прекращения гонений против них. После завоевания в 476 г. Рима «варварами» восточная часть Римской империи – Византия – продолжила ее историю, став наследницей традиции античной философии и наиболее развитой державой Европы и Ближнего Востока.

Объявление христианства государственной религией Византийской империи не привело к гонениям против языческой философии. Показательна судьба Фемистия (317–387), знатного ромея, сенатора и одно время епарха Константинополя. Он остался привержен языческой вере, но поддерживал хорошие отношения со святым Григорием Богословом, который называл его «великим» и «царем слов». Важным вкладом Фемистия в историю права стало создание учения о религиозной свободе. Он доказывал, что богопочитание находится за пределами государственного принуждения. Во-первых, законы не должны уничтожать соревнования религиозной веры, потому что к Богу ведет не один путь. Во-вторых, за вся-

ким законом стоит физическое принуждение, а никакая религия его не допускает [3, с. 75–87].

Благодаря каппадокийским отцам Церкви святым Григорию Богослову (335–394), Василию Великому (330–379), Григорию Нисскому (335–394) происходило становление византийской религиозной философии. Отмечу, что Григорий Богослов и Василий Великий в юности обучались в Академии Платона и влияние неоплатонизма проявилось в их последующем творчестве. Каппадокийские отцы Церкви ввели и разграничили понятия природа (сущность) и ипостась (личность), что стало основой догматического учения о Лицах Св. Троицы. Греческий термин *prosopon* («лицо») обозначал только внешний вид индивида, латинский *persona* – индивида как субъекта права. Каппадокийцы предпочли термину «персона» термин «ипостась» в значении персонального бытия. Личность (ипостась) является изначальной предпосылкой бытия (сущности). Бог, будучи Личностью, свободно определяет собственную природу. На основе учения каппадокийцев в 325 г. на Никейском Вселенском соборе был утвержден догмат, согласно которому каждая из ипостасей Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа мыслится как Личность равная с двумя другими, обладающая всей полнотой божественной природы и вместе с тем отличная от двух других [18, с. 9].

В 855 или 856 г. была основана Магнаврская высшая школа (Константинопольский университет или академия). В ней преподавались грамматика, риторика, философия, арифметика, геометрия, музыка и астрономия для подготовки чиновников, дипломатов, военачальников. В связи с ее открытием появляется новое понимание термина «философ» как выпускник этой школы [5, с. 25].

В центре внимания христианских богословов, как прежде философов эллинистического мира и Рима, оставались

вопросы этики. Каппадокийцы учили, что человек в силу своего богоподобия также обладает личностной свободой, даром Божим. Согласно Григорию Нисскому, отличие человека от остальных «тварей» состоит в том назначении, которое ему дал Бог – быть посредником между миром вещей и Богом, что порождает двойственность природы человека. Как тварь, он обладает чувственной и физической природой, как человек – духовной. Отсюда возникает проблема свободы воли. Когда воля не контролируется разумом, душа человека утопает в «гнусности вещества», порождая зло. Если человек, руководствуясь разумом, выполняет назначение Божие, то он приближается к Богу [18, с. 10].

Православная этика стала основой византийской философии права. Из всего обширного объема византийских политико-правовых сочинений, рассмотрим только сочинения трех авторов – «Изложение наставительных глав» Агапита императору Юстиниану I, «Учительные главы» Василия I и «Послание» патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу. Именно эти сочинения привлекли внимание древнерусских мыслителей и были переведены на церковнославянский язык [17, с. 98–99].

Дьяк Софийского Константинопольского собора Агапит, живший в правление императора Юстиниана I (527–565), следуя Платону, писал, что император должен быть философом, но под влиянием христианского мировоззрения уточнял, что философия – это любовь к мудрости, а начало мудрости – страх Божий. Император-философ должен обеспечивать поданным «право, безопасность, равенство, милость» на основе требований законности. Агапит сформулировал учение о социальных задачах государства. Государственная власть должна заботиться об ослаблении социального неравенства («отнимает и прибавляет»), добиваясь равномерного распределения богатства [3, с. 165–175].

Под влиянием христианского богословия и античной философии написал два наставления сыну Льву император Василий I (867–886), основатель Македонской династии. Особое внимание Василий I обращал на законность и справедливость правления. Он говорил, что соблюдение законов – обязанность не только подданных, но и императора. Развивая учение Агапита о социальных задачах государства, Василий I специальное внимание уделил налоговой политике [3, с. 226–235].

Фотий (ок. 820 – ок. 891), современник императоров Василия I Македонянина и Льва VI Мудрого, был патриархом Константинополя в 858–867 и 877–886 гг. В послании Фотия к новообращенному болгарскому князю Борису патриарх писал «о том, что есть дело правителя». Он указывал, что задачей государственной власти является улучшение государства («из худшего сделать превосходное»). Порядок в государстве должен быть основан на законе, которому подчинена и княжеская власть («законнейшая власть»). Развивая учение Агапита, Фотий упоминал социальную задачу государства – «подавать помощь» подданным в их нуждах [17].

Крещение и христианское просвещение Древней Руси

Географическое положение Руси на пути «из варяг в греки» стало важнейшим фактором консолидации восточно-славянских племен и становления у них государственности. Торговые отношения славянских племен с Византией начались не позднее VI в. Торговля требовала вооруженной защиты. Именно этим, думается, объясняется призвание Рюрика на княжение в Новгород в 862 г. и поход Олега на Киев в 882 г., что и стало основой создания Древнерусского государства.

Но культурное влияние Византии на Русь тогда было еще незначительным. После похода русов на Константинополь в 860 г. патриарх Фотий писал о них, что ранее это было «племя неизвестное» [1, с. 43]. Византийское культурное влияние резко возросло с началом православной миссионерской деятельности в славянских землях. В 60-е гг. IX в. патриарх Фотий учредил в Константинополе первую епархию для славян и варягов. В 863 г. по приглашению князя Ростислава прибыли в Великую Моравию монахи-миссионеры святые Константин-Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885), которые создали славянскую письменность (сначала «глаголицу», а затем «кириллицу»). Отмечу, что Кирилл обучался в Магнарской высшей школе и именовался «Философом» [5, с. 26].

После изобретения славянской письменности, ее принятия в 893 г. в качестве государственной в Болгарии, она начала проникать на Русь. В X в. кириллическая письменность на Руси была уже официальным языком княжеской канцелярии. Попытку крестить Русь предприняла великая княгиня Ольга. В 945 г. она совершила поездку в Константинополь, крестилась и заключила договор о крещении Руси. При заключении договора 946 г. с греками русские клялись уже не только языческим богам, но и Святой Троице. Это позволяет заключить, что в середине X в. христианство уже стало одной из официальных религий Руси.

Окончательно исторический выбор, благодаря которому произошло крещение Руси, был сделан великим князем Владимиром (980–1015). Выбор веры изображается в «Повести временных лет» как осознанный процесс. Автор летописи сообщает о миссионерских посольствах из разных концов к русскому князю-язычнику и ответных посольствах, отправленных Владимиром для испытания различных религий. Под 986 г. помещена «Речь философа» – летописное изложение беседы греческого

миссионера с великим князем Владимиром о выборе веры. В 988 г. великий князь Владимир провозглашает христианство государственной религией.

Константинопольские патриархи уделяли большое внимание распространению на Руси христианского просвещения, отбирая митрополитов и священнослужителей из ученых греков. Так, в свите митрополита Георгия при князе Изяславе Ярославиче в 1062–1063 гг. прибыл из Царьграда Григорий Философ. Современником великого князя Владимира Мономаха был Никифор, митрополит Русской Церкви в 1104–1120 гг., «родом грек». Будучи последователем философии Платона, он поставил гносеологическую проблему о познавательных способностях человека [6, с. 134–135].

Крестив Русь, Владимир заимствовал античную модель школьного образования. Расцвет просвещения Древнерусского государства относится к середине XI в. и связан с деятельностью великого князя Ярослава Мудрого. После смерти Ярослава Мудрого просветительскую деятельность продолжили его наследники.

В 70-х гг. XI в. при великом князе Святославе, сыне Ярослава, были составлены первые «учительные книги» – «Изборники» 1073 г. и 1076 г. В «Изборнике Святослава» 1073 г. была частично переведена «Диалектика» преподобного Иоанна Дамаскина, которая включала «Категории» Аристотеля. Именно «Диалектика» заложила основу терминологии логики на русском языке [4, с. 94–96].

Переводная литература Древней Руси свидетельствует об интересе к трудам античных философов. В «Хронике» Георгия Амартола сообщается о «премудром Платоне». В «Изборнике» 1076 г. с похвалой упоминаются Пифагор, Диоген и Платон. В XIII в. узнать о представителях античной философии можно было из сборников изречений «Пчел», в которых приводились высказывания Сократа, Платона, Аристотеля и др.

Таким образом, крещение Руси поставило проблему осмысления богословско-философских вопросов, что привело к становлению школьного образования и распространению книжности. Как установил Б. В. Сапунов, в середине XIII в. совокупный объем книжного фонда Древней Руси был в пределах 130–140 тыс. томов [15, с. 231].

Под влиянием христианского просвещения на Руси произошло становление философии. М. Н. Громов доказал, что термин «философ» понимался на Руси полисемантически. Он выделил 20 его значений, включая «...мудрого правителя, придворного советника, книжника, истолкователя природных явлений и самого мироздания». Термин «философ» применялся и к «книжникам» Древней Руси [6].

Политико-правовая мысль Древней Руси

Наиболее крупными сочинениями политико-правовой мысли Древней Руси являются «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Иллариона, «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника. В этих сочинениях обсуждались близкие темы, взгляды авторов были схожими, что, с одной стороны, объясняется влиянием византийской философии; с другой – особенностями становления государственности в Древней Руси. Это позволяет рассмотреть указанные сочинения не по отдельности, а по тем темам, которые в них поднимались. Предварить изучение поднятых проблем хотелось бы характеристикой жизненного пути авторов.

Биографические сведения об Иларионе скудны. В «Повести временных лет» о нем сказано, что в 1051 г. великий князь Ярослав Мудрый «поставил ... Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов». Объясняя выбор великого князя, летописец пишет: «... князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим,

среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благостный, книжный и постник». Летописец также сообщает, что будучи священником Иларион «...ходил ... из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил» [2, т. 1, с. 197–199].

Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), занимавший великокняжеский престол в 1113–1125 г., был современником начала эпохи удельной раздробленности на Руси. В 1097 г. Мономах выступил одним из инициаторов княжеского съезда в Любиче, который замирил враждовавших князей и принял решение «каждый да держит отчину свою». Заняв престол великого князя, Владимир Мономах сумел на краткое время восстановить единство Руси и проявил себя мудрым законодателем.

Биографических сведений о Данииле Заточнике не сохранилось. Его сочинение дошло до настоящего времени в 19 списках, которые не только переписывались, но и перерабатываясь. Эти списки объединены исследователями в две редакции. Списки первой редакции озаглавлены «Слово» и обращены к князю Ярославу Владимировичу, княжившему в Новгороде в 1182–1199 гг. Списки второй озаглавлены «Моление» или «Послание» и обращены к князю Ярославу Всеволодовичу, княжившему в Переяславле Северном в 1213–1236 гг. Таким образом, автор жил в условиях удельной раздробленности, а, возможно, был и современником ордынского нашествия на Русь.

Сведения об авторе «Слова» можно почерпнуть только из самого текста произведения, его социальное положение вызывает дискуссии. Поддержу позицию Б. А. Романова о том, что Даниил – «бывший слуга князя, или дружинник, притом уже не “отрок”, а “муж”, у которого “отрочество” было за спиной, а “упость”, т. е. молодость, еще не прошла...» [13, с. 18]. Не вызывает дискуссий высокая образованность Даниила. О себе он пишет: «Я, княже,

за море не ходил, у философов не учился, // Но был как пчела, припадающая к разным цветам // И собирающая <их нектар> в соты; // Так и я, из многих книг выбирая сладость словесную и мудрость» [2, т. 4, с. 283].

Мировоззренческой основой учения Илариона, Владимира Мономаха и Даниила Заточника являлась православная вера, согласно которой сущность бытия определена Божественной волей. Онтологическую основу историософии и религиозной философии права заложил Иларион в учении о преемственности и противоположности закона и благодати, которую он связал с правдой.

Учение Илариона опиралось на высказывание апостола Иоанна: «закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоанн. 1, 17). Отмечу, что в византийской религиозной философии продолжали использоваться термины «общее благо» и «справедливость», лежавшие в основе учения Аристотеля о государстве и праве. Иларион заменил их на термины «благодать» и «правда». Можно предположить, что Иларион в духе христианской доктрины истолковал силлогизм Аристотеля: «Пусть А будет наука (о чем-то), как о благе, Б – благо, В – справедливость. В таком случае А правильно приписывается Б, ибо есть наука о благе как о благе, но и Б правильно приписывается В, ибо справедливость есть как раз благо» [1, с. 191].

Иларион выделил в истории человечества три стадии – язычества, когда человечество пребывало «во власти идольской тьмы» и погибало «в служении бесовском»; закона, данного Богом через пророка Моисея еврейскому народу; правды и благодати, которые принес всему миру Иисус Христос. Закон – это лишь «тьма» правды, переходное состояние между «идольским мраком» и «солнцем благодати». Иларион акцентирует внимание на национальной ограниченности закона и вселенском характере

«благодати». Благодать распространилась «во все края земные» и во «множестве народов» и «достигла нашего народа русского» [2, т. 1, с. 27, 29].

Историософская интерпретация Иларионом соотношения «закона» и «благодати» имеет принципиальное значение для исследования понимания им соотношения этики и права. Целью закона является пресечение зла, для чего и нужно регулирование внешнего поведения человека посредством запретов. Но подзаконное состояние, согласно Илариону, – это состояние духовного рабства: «теснится человечество в ярме закона» [2, т. 1, с. 29]. Благодать обращена к совести человека, посредством которой он обретает духовную свободу, которая только и дает возможность преодолеть зло путем исполнения заповеди Христа о любви к ближнему.

Это философское обоснование соотношения закона и благодати оказало фундаментальное влияние на правотворчество Древней Руси. В языческой Руси термин «закон» означал нормативное предписание князя, с помощью которого преодолевался партикуляризм обычного права. После «Слова» Илариона для обозначения свода княжеских нормативных предписаний используется термин «Русская Правда», а термин «закон» применяется только для обозначения писаных юридических установлений Византии и стран Европы [16, с. 20].

Крещение Руси привело к усвоению доктрины сакральности государственной власти. Иларион уподоблял великого князя Владимира апостолам Петру и Павлу, Иоанну, Фоме и Марку, применял к нему эпитет «блаженный». Восхваляя князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого, он пишет, что их «соделал Господь» носителями власти. При этом Иларион указывал и на то, что Владимир был «...рожден от славных, благородный – от благородных» [2, т. 1, с. 43, 45].

Владимир Мономах обращается к своим наследникам с призывом страх Божий иметь в сердце своем: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра». Мономах подчеркивал сакральный характер княжеской власти и писал: «Хвалю я Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани» [2, т. 1, с. 457].

При этом русские мыслители понимали, что православная миссия Византии преследовала и политические цели. Император Константин Багрянородный писал о Василии I Македоняnine, что тот «не щадил усилий, золота, серебра и шелковых одежд для христианизации Руси». В послании патриарха Фотия к князю Борису последний назван «архантом», как в Византии именовались чиновники, стоявшие во главе провинциального управления. Отсюда, можно сделать вывод, что, по мнению Фотия, только один византийский император может притязать на титул «василевса» и «автократора», а другие государи православных стран принуждены довольствоваться титулом подчиненного ему провинциального чиновника.

Русские мыслители отстаивали независимость власти великого князя. Иларион говорил, что великий князь Владимир стал «самодержцем ... своей земли, покорив себе окружные народы, одни – миром, а непокорные – мечом» [2, т. 1, с. 45]. Одним из приемов, подчеркивавших независимость власти великого князя, было указание на его равенство с византийским императором. Иларион, восхваляя великого князя Владимира, говорит: «О подобный великому Константину, равный умом, равный любовью Христу, равный почтительностью к служителям его!» [2, т. 1, с. 49]. По справедливому замечанию А. Н. Робинсона, «уподобление Владимира во всем византийскому императору

Константину Великому не могло быть воспринято в Византии иначе, как полемический выпад против нее» [12, с. 80].

Владимир Мономах писал о своем происхождении: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов...» [2, т. 1, с. 457]. Таким образом, он подчеркивал легитимность своей власти тем, что он – внук Ярослава Мудрого, а его мать, «греческая царица» Мария происходит из дома византийского императора Константина IX Мономаха (1042–1055). Отмечу, что, став великим князем, Мономах называл себя на греческий манер архонтом всея земли Русской [10].

Даниил Заточник также пишет, что князь должен проводить политику охраны и защиты своей земли. При этом он не видел различий в статусе князя и статусе царя (византийского императора, цесаря). Для Даниила эти титулы тождественны. Он пишет: «Не имей двора близ царского двора. И не держи села близ княжьего села» [2, т. 4, с. 277].

Стремлением обеспечить независимость Руси, видимо, объясняется и отказ от византийской доктрины симфонии светской и церковной власти. Древнерусские мыслители были знакомы с этой теорией, но уже Иларион обосновывал идею о том, что принятие народом божественной благодати осуществлялось через княжескую власть. Именно князь является хранителем правды на земле и проводником божьей воли [2, т. 1, с. 45].

Будучи ревнителем православной веры, Владимир Мономах наставлял своих наследников: «Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение» [2, т. 1, с. 463]. Но, как доказала Н. М. Золотухина, в «Поучении» «...нет даже намек на возможность какой-либо формы выхода церкви за пределы чисто

церковной компетенции». Иными словами, Мономах был противником доктрины «симфонии властей» [7, с. 22].

Из сакральной природы государственной власти вытекали правомочия великого князя в сферах правотворчества, управления и судопроизводства. Владимир Мономах исходит из сложившихся полномочий великого князя: он ходил с дружиной на полюдье и собирал дани, был высшим судьей, возглавлял дружину в военных походах [2, т. 1, с. 463].

Важнейшим полномочием князей были вопросы о войне и мире, руководство дружиной в военных походах. Владимир Мономах писал о мирном способе ведения политики как о заповеданной Богом. Но понимая, что война неизбежна, он наставлял вести себя как можно более терпимо по отношению к мирным жителям и требовать того же от войска, дабы народ не ополчился против своей власти [2, т. 1, с. 463].

Право князя быть верховным судьей обозначалось термином княжеской «грозы», которая должна быть основана на «правде». Князь охраняет «правду» на земле и вправе применять «грозу». Рассматривая вопросы правосудия, Владимир Мономах использовал термин «праведное». Термины «неправедное» и «беззаконие» он употреблял как синонимы. Мономах был противником смертной казни: «Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души» [2, т. 1, с. 463]. Эта позиция основывалась, во-первых, на православной вере, которая отвергала смертную казнь; во-вторых, была связана с борьбой с кровной местью, которая велась княжеской властью с начала создания «Русской Правды».

Древнерусские мыслители осознавали, что для обеспечения единства Руси и противостояния внешним угрозам

необходима сильная княжеская власть, но при этом понимали и угрозу перерастания ее в тиранию. Отсюда, они восприняли византийские теории «идеального» правителя, о чем, свидетельствует, например, описание Иларионом великого князя Владимира, которого он называл «учитель наш и наставник благочестия». Но при этом Иларион настаивали на том, что князь должен принимать решения в совете, учитывая мнение подданных [2, т. 1, с. 49, 51]. Владимир Мономах неоднократно повторял, что все дела в государстве великий князь должен решать совместно с дружиной [7, с. 22].

Даниил Заточник настаивает на усилении власти князя как верховного правителя своей земли: «...дуб удерживается множеством корней; так же и град наш – твоею властью» [2, т. 4, с. 275]. Но при этом особое внимание он обращал на подбор членов Думы. Ответственность за государственные промахи он возлагал на советников, а не на князя: «С мудрым советником совещаюсь, князь высокий престол займет, // А с плохим советником совещаюсь – меньшего лишен будет» [2, т. 4, с. 279].

Христианское мировоззрение делало особый акцент на обязанность правителя быть милостивым. В византийской философии оно было развито до учения о социальных задачах государства. Это учение было воспринято на Руси. Иларион писал, что великий князь Владимир правил «...просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всяческим утешая, должников выкупая, рабам даруя свободу» [2, т. 1, с. 49]. Владимир Мономах наставлял, что обязанность князя – защищать «бедного смерда и убогую вдовицу» [2, т. 1, с. 463]. Даниил Заточник писал: «Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согнута на подаяние неимущим... Ведь щедрый князь – отец всем слугам своим» [2, т. 4, с. 275, 277].

Заключение

Распространение христианства и превращение его в государственную религию в Византии привело к становлению и развитию религиозной философии, впитавшей в себя наследие Античности. Синтез христианского гуманизма и античной философии привел к созданию византийскими мыслителями учений об «идеальном» правителе, его обязанностях, ответственности государства перед подданными и правах подданных, социальных задачах государства.

Крещение Руси привело не только к принятию христианства, но и наследованию традиции античной философии. При этом на Руси произошло становление собственной религиозной философии и, в частности, философии права. В центре политико-правовых учений древнерусских мыслителей оказались проблемы единства Русской земли под княжеской властью, образ «идеального» князя и его обязанностей, соотношение «закона», «правды» и «благодати» с точки зрения свободы воли и прав личности.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 685 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997 – Т. 1: XI–XII век. – 1997. – 542 с.; Т. 4: XII век. – 685, [2] с.
3. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 536 с.
4. Гаврюшин Н. К. «Изборник Святослава» 1073 г. и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. – 1983. – № 4. – С. 94–96.
5. Гранстрем Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XV: Памятники литературы X–XVII вв. – Л.: Наука, 1970. – С. 20–28.
6. Громов М. Н. Образы философов в Древней Руси. – М.: ИФ РАН, 2010. – 190 с.
7. Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1985. – 200 с.
8. Изборник 1076 года / под. ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1965. – 1091 с.
9. История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. образование, 2008. – 917 с.

10. Ищенко А. С. Византийское наследие Владимира Мономаха // Вопросы истории. – 2017. – № 5. – С. 74–90.
11. Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма. – СПб.: Алетейя, 2012. – 376 с.
12. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
13. Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – 2-е изд. – М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.
14. Саврей В. Я. Александрийская философия // Философское образование. – 2006. – № 15. – С. 3–20.
15. Сапунов Б. В. Книги в России в XI–XIII вв. – Л.: Наука, 1978. – 231 с.
16. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4-е, доп. и поправл. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – VIII, 667 с.
17. Синицына Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 21: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – С. 96–125.
18. Тимошина Е. В. История русской философии права: эпоха Средневековья. – СПб.: ЛЕМА, 2014. – 70 с.
19. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

References

1. Aristotel' (1978) *Sochineniya: v 4 t.* [Essays: in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow: Mysl. (In Russian).
2. Likhachev, D. S. et al. (ed.) (1997) *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 1: XI–XII centuries; Vol. 4: XII century St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
3. Val'denberg, V. E. (2008) *Istoriya vizantijskoj politicheskoj literatury v svyazi s istoriej filosofskih techenij i zakonodatel'stva* [The history of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical trends and legislation]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).
4. Gvryushin, N. K. (1983) «Izbornik Svyatoslava» 1073 g. i «Dialektika» Ioanna Damaskina [«The Election of Svyatoslav» in 1073 and «Dialectic» by John of Damascus]. *Sovetskoe slavyanovedenie – Soviet Slavic Studies*. No. 4. Pp. 94–96. (In Russian).
5. Granstrem, E. E. (1970) Pochemu mitropolita Klimenta Smolyaticha nazyvali «filosofom»? [Why was Metropolitan Kliment Smolyatich called a «philosopher»]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury – Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Leningrad: Nauka. Vol. XV. Pp. 20–28. (In Russian).
6. Gromov, M. N. (2010) *Obrazy filosofov v Drevnej Rusi* [Images of philosophers in Ancient Russia]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
7. Zolotuhina, N. M. (1985) *Razvitie russkoj srednevekovoj politiko-pravovoj mysli* [The development of Russian medieval political and legal thought]. Moscow: Jurid. lit. (In Russian).
8. Kotkov, S. I. (ed.) (1965) *Izbornik 1076 goda* [The Electoral College of 1076]. Moscow: Nauka. (In Russian).
9. Lazarev, V.V. (ed.) (2008) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij* [History of political and legal doctrines]. Moscow: Higher education. (In Russian).

10. Ishchenko, A. S. (2017) Vizantijskoe nasledie Vladimira Monomaha [The Byzantine Legacy of Vladimir Monomakh]. *Voprosy istorii – History Questions*. No. 5. Pp. 74–90. (In Russian).
11. Kazhdan, A. P. (2012) *Istoriya vizantijskoj literatury (850–1000 gg.). Epoha vizantijskogo enciklopedizma* [The History of Byzantine Literature (850–1000). The Era of Byzantine Encyclopedism]. St. Petersburg: Alethea. (In Russian).
12. Robinson, A. N. (1980) *Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe srednevekov'ya XI–XIII vv.: Oчерki literaturno-istoricheskoy tipologii* [Literature of Ancient Russia in the Literary Process of the Middle Ages of the XI–XIII centuries: Essays on Literary and historical Typology]. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Romanov, B. A. (1966) *Lyudi i nrawy drevnej Rusi: Istoriko-bytovye oчерki XI–XIII vv.* [People and customs of ancient Russia: Historical and everyday sketches of the XI–XIII centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russian).
14. Savrej, V. Ya. (2006) Aleksandrijskaya filosofiya [Alexandrian Philosophy]. *Filosofskoe obrazovanie – Philosophical education*. No. 15. Pp. 3–20. (In Russian).
15. Sapunov, B. V. (1978) *Knigi v Rossii v XI–XIII vv.* [Books in Russia in the XI–XIII centuries]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
16. Sergeevich, V. I. (1910) *Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's typ. (In Russian).
17. Sinicyna, N. V. (1965) Poslanie konstantinopol'skogo patriarha Fotiia knyazyu Mihailu Bolgarskomu v spiskah XVI v. [The epistle of Patriarch Photius of Constantinople to Prince Michael of Bulgaria in the lists of the XVI century]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury – Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 21. Pp. 96–125. (In Russian).
18. Timoshina, E. V. (2014) *Istoriya russkoj filosofii prava: epoha Srednevekov'ya. Uchebnoe posobie* [The History of Russian Philosophy of Law: the Era of the Middle Ages]. St. Petersburg: LEM. (In Russian).
19. Chaadaev, P. Ya. (1989) *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow: Sovremennik. (In Russian).

Об авторе

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

About the author

Mikhail O. Akishin, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.07.2025
Принята к публикации: 03.08.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 10 July 2025
Accepted: 03 August 2025
Published: 29 September 2025

Теоретико-правовые основы института экспертизы в Российской Федерации

И. В. Бородушко^{1,2} И. С. Кокорин³

¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

При нарастании востребованности, сложности и многообразия видов экспертизы происходит одновременно отставание в разработке ее теоретико-правовых основ от решения прикладных вопросов. Сохранению данного дисбаланса способствует доминирование в научных исследованиях анализа частных аспектов института экспертизы в ущерб продвижению в области познания проблем и фундаментальных закономерностей правового регулирования экспертной деятельности. В результате проведенного в статье исследования выявлены незавершенность процесса создания нормативной правовой базы экспертной деятельности и его чрезмерно высокая дифференциация по разным категориям экспертиз. Показано наличие пробелов в разработке и законодательном закреплении понятийного аппарата института экспертизы. Раскрыта недостаточная синхронизация прикладных и фундаментальных научных разработок в области экспертизы. Определены возможные направления дальнейших исследований по теме статьи.

Ключевые слова: институт экспертизы, экспертная деятельность, виды экспертиз, судебная экспертиза, юридико-техническая экспертиза, правовая экспертиза, экспертный кодекс.

Для цитирования: Бородушко И. В., Кокорин И. С. Теоретико-правовые основы института экспертизы в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 29–46. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_29. EDN: JFSUTY

Theoretical and Legal Basis of the Institute of Expertise in the Russian Federation

Irina V. Borodushko,^{1,2} Igor S. Kokorin³

¹ Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

³ Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation

With the increasing demand, complexity and diversity of types of expertise, there is a simultaneous lag in the development of its theoretical and legal foundations from the solution of applied issues. The maintenance of this imbalance is facilitated by the dominance in scientific research of the analysis of private aspects of the institute of expertise to the detriment of progress in the field of understanding the problems and fundamental laws of legal regulation of expert activity. As a result of the research conducted in the article, the incompleteness of the process of creating a regulatory framework for expert activity and its excessively high differentiation among different categories of expertise were revealed. The presence of gaps in the development and legislative consolidation of the conceptual apparatus of the institute of expertise is shown. Insufficient synchronization of applied and fundamental scientific developments in the field of expertise is revealed. Possible directions for further research on the topic of the article are determined.

Key words: institute of expertise, expert activity, types of expertise, forensic expertise, legal and technical expertise, legal expertise, expert code.

For citation: Borodushko, I. V., Kokorin, I. S. (2025) Teoretiko-pravovye osnovy instituta ekspertizy v Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and Legal Basis of the Institute of Expertise in the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 29–46. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_29. EDN: JFSUTY

Введение

В современном обществе возрастает актуальность и востребованность продуктов экспертной деятельности во всем многообразии их видов и целевого назначения. Институт экспертизы играет существенную роль в информационном обеспечении управления и реализации функций организаций и предприятий в самых различных сферах, но одновременно с качественным и количественным прогрессом в области экспертной деятельности, возрастает разрыв между состоянием прикладных разработок и ее теоретико-правовых основ. Институт экспертизы в целом все более усложняется и приобретает междисциплинарный характер. Однако решение прикладных вопросов экспертизы опережает формирование ее фундаментальных теоретико-правовых основ.

Институт экспертизы как эффективный инструмент делового оборота, к какой бы сфере общественной деятельности он ни относился, обладает рядом обязательных общих базовых свойств. В их число входят следующие: обязательная правовая регламентация порядка ее назначения и проведения; предметом экспертизы является вопрос, решение которого требует выполнения специального исследования на основе специальных знаний в соответствующей области науки, техники, искусства, ремесла; процедуру экспертизы осуществляют обладающие профессиональными знаниями компетентные эксперты или экспертные организации; обязательные принципы экспертизы – законность, компетентность, объективность, независимость; результаты экспертизы оформляются специальным письменным документом – заключением эксперта (экспертной организации).

Применительно к конкретным видам экспертизы данные общие положения реализуются в специфических формах и специфическими методами, что должно быть

закреплено в соответствующих нормативных правовых актах. Однако, как показывает анализ реальной ситуации, формирование теоретико-правовых основ экспертизы остается неполным, незавершенным, противоречивым и носит системный характер.

Системные проблемы нормативного правового регулирования института экспертизы в Российской Федерации и возможные подходы к их решению

Если обратиться к истокам формирования института экспертизы, то следует признать, что возникшие еще в глубокой древности процедуры, близкие к экспертизе, очень долгое время оставались чисто правовым инструментом и не выходили за пределы судопроизводства. В судебной системе Российской империи в XVIII–XIX вв. активно развивались и закреплялись законодательно методы графологической, химической, медицинской экспертизы, формировались научно-методологические основы судебно-экспертной деятельности. В начале XX в. в России существенно расширился круг объектов судебно-криминалистической экспертизы, стала применяться дактилоскопическая экспертиза, создавались специализированные службы по проведению экспертных исследований. В XIX–XX вв. научно-технический прогресс способствовал совершенствованию методического аппарата экспертных исследований и возникновению новых видов судебных экспертиз [7, с. 89].

В СССР заново формировалась система экспертизы для целей судебно-следственной и оперативно-следственной работы [5, 12]. Активно развивалась область контрольно-ревизионной деятельности в разных сферах общественной жизни с использованием процедур судебной экспертизы, но без выделения методов экспертизы как ее отдельного сегмента.

Установление новой системы общественно-политических и правовых отношений, смена экономического и технологического уклада России в 90-е гг. XX в. обусловили переход на новые модели управления государством и всеми сферами общественной жизни. Стремительно нарастала востребованность экспертизы как правового механизма и как инструмента управления, способного решать новый класс задач, не свойственных и не доступных иным средствам управления и правового регулирования. Предписания о проведении экспертизы методами, идентичными судебной экспертизе, закреплялись в Федеральных законах и иных нормативных правовых документах, регламентирующих управление в разных сферах общественной жизни.

Однако, формирование теоретико-правовых основ экспертизы протекает неравномерно в разных сегментах института экспертизы. Глубокие исторические корни и высокий научно-методологический уровень судебной экспертизы предопределили ее развитую теоритическую базу при одновременном законодательном закреплении основных понятий, принципов и методологии экспертизы. Например, формируется общая теория судебной экспертизы как самостоятельная область научных знаний [1]. В ней интегрирована информация о предмете и объекте, о междисциплинарном характере, о концептуальных, правовых и методологических основах судебной экспертизы. Активно развиваются частные теории судебной экспертизы [4, с. 116]. Однако, и в нормативно-правовом регулировании судебной экспертизы остаются нерешенные проблемы – отсутствие единого реестра судебных экспертов, относительно низкое качество негосударственных экспертиз, отсутствие обязательной сертификации компетентности государственных судебных экспертов [2, с. 102]. Но в целом ситуация в области судебной экспертизы вполне благо-

получная в сравнении с различными видами экспертиз в иных сферах общественной жизни. В области создания теоретико-правовых основ экспертизы в сфере социально-экономических отношений намечаются лишь первые шаги и они ограничены отдельно взятыми ее видами [1].

Обязательной и основополагающей частью теоретико-правовых основ экспертизы является определение ее понятия и содержания как правовой категории. В нормативных правовых актах и в сфере практической деятельности отсутствует единое толкование термина «экспертиза» как в России, так и в зарубежных странах. Например, в США одни авторы даже массовые опросы населения именуют экспертизами [17], другие понимают под экспертизами только выполняемые специалистами экспертные исследования [16].

В Российской Федерации по ряду наиболее значимых видов экспертиз их определения законодательно закреплены. В Федеральном законе от 31.05.2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024 г.) определены правовые основы и принципы судебной экспертизы. В ст. 2 Федерального закона № 73 задача государственной судебно-экспертной деятельности определяется как «оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Понятие «судебная экспертиза» закреплено в ст. 9 указанного Федерального закона в следующей формулировке: «предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим

специальных знаний в области науки, техники или ремесла». Заключение эксперта, как указано в указанной статье, представляет собой «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом». Вместе с тем, остается немало нерешенных проблем правового регулирования судебной экспертизы [10].

Существенную роль в обеспечении качества российского законодательства играет экспертиза правовых актов, осуществляемая по ряду направлений – антикоррупционная, бюджетного законодательства, проверки законности сделок, нормативных правовых актов субъектов РФ и др. Например, приказом Минюста РФ от 31.05.2012 г. № 87 утверждены «Методические рекомендации по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации».

В целом состояние правового регулирования правотворческой экспертизы, по мнению ряда авторов научных публикаций, остается незавершенным и противоречивым. Например, отмечаются неполнота, фрагментарность, слабое методическое обеспечение правовой экспертизы и предлагается принять закон, предусматривающий обязательность экспертизы как этапа правотворческого процесса [14, с. 102]. Подчеркивается необходимость устранения терминологической неопределенности понятия правовой экспертизы в федеральных и региональных законодательных актах. В частности, законодательно не закреплено понятие правовой экспертизы, не определено ее отличие от юридико-технической экспертизы [15, с. 25]. Правовая экспертиза может и должна стать одним из приоритетных инструментов предупреждения возможных угроз со стороны искусственного интеллекта, таких как нарушение прав человека, переход на модель технократического общества, размывание традиционных духовно-нравственных ценностей [9, с. 33].

Существует огромное количество видов экспертиз, никак не фигурирующих в судопроизводстве или иных сегментах сферы правовой деятельности. Они не имеют единого общего названия, остается недостаточно исследованной их правовая природа. Экспертиза широко представлена во всех сферах современной общественной жизни – правовой, экономической, социальной, культурной, политической, экологической, духовной.

Исключительно велики различия между разными видами экспертиз по их значимости, содержанию, методам правовой регламентации. Особой стратегической значимостью различаются, например, экспертиза промышленной безопасности и таможенная экспертиза. В ст. 13 п. 2 Федерального закона от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (ред. от 08.08.2024 г.) указано, что экспертизу вправе проводить только экспертные организации, имеющие лицензию на осуществление именно данного вида экспертиз. Законом установлен конкретный перечень возможных объектов, подлежащих экспертизе промышленной безопасности. Федеральными нормами и правилами регламентированы порядок проведения экспертизы, требования к заключению экспертизы промышленной безопасности, сроки внесения заключения в реестр заключений.

Таможенная экспертиза является одним из приоритетных механизмов, обеспечивающих успешную реализацию функций Федеральной таможенной службы. Порядок назначения и проведения таможенной экспертизы четко регламентирован положениями главы 53 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.). Дано определение понятия таможенной экспертизы, установлен порядок ее назначения и проведения, детально регламентирован вопрос о заключении таможенного эксперта.

Обширную группу составляют экспертизы узко отраслевого характера, например, экспертиза качества медицинской помощи (ст. 64 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»), государственная религиоведческая экспертиза (Приказ Минюста РФ от 18.02.2029 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»), экспертизы учебников (Постановление Правительства от 28.03.2025 № 402 «Об утверждении единых принципов экспертизы учебников ...»), экспертиза лифтов (Постановление Правительства от 2.10.2009 № 782) и многие другие. Такие экспертизы необходимы для информационной поддержки принятия управленческих решений или вследствие производственной необходимости в организациях различных отраслей экономики и социальной сферы. Их правовая регламентация, как правило, является ограниченной, поверхностной, носит преимущественно формальный характер. Данному классу экспертиз присущи следующие особенности:

- среди них подавляющую часть составляет государственная экспертиза;
- данный класс экспертиз носит ярко выраженный междисциплинарный характер;
- их понятийный аппарат и регламент крайне скудно урегулированы нормативными правовыми актами самого различного правового статуса – от Федеральных законов до ведомственных актов;
- научные исследования подобных экспертиз носят преимущественно локальный характер, ограничены отдельными их видами.

Анализ нормативного правового регулирования различных видов экспертизы свидетельствует о наличии нерешенных проблем и необходимости его совершенствования. Предлагается, например, в части научно-технической экспертиз законодательно ввести ограниче-

ния для экспертов в целях предупреждения конфликта интересов, способного нарушить требование объективности и беспристрастности экспертов [13, с. 222]. Актуален вопрос повышения качества и независимости экспертных заключений. Не приняты единые критерии определения компетентности экспертов. Ряд российских государственных вузов успешно осуществляют экспертную деятельность, однако, реализация их потенциала была бы более высокой при решении проблемы правового статуса вузов как участников экспертной деятельности.

При огромном многообразии видов экспертиз и порядка их проведения почти отсутствуют какие-либо научные исследования обобщающего характера об организационно-правовых и научно-методологических принципах. В этих условиях актуальны следующие связанные с указанным классом экспертиз вопросы: 1) их место в общей структуре института экспертизы и 2) особенности и проблемы их организационно-правового регулирования.

Среди крайне ограниченного числа авторов научных публикаций по данным вопросам, особого внимания заслуживают Н. Е. Муженская и А. В. Нестеров В 2014 г. была опубликована (переиздана в 2021 г.) книга Н. Е. Муженской, в которой отмечена тенденция усиления более полного правового регулирования различных аспектов экспертной деятельности: порядка назначения и выполнения экспертизы; правил аттестации, лицензирования, аккредитации экспертов и экспертных организаций; требований к заключению эксперта и включения заключения в реестр и др. [6, с. 11]. В работе обобщена информация об основах правового регулирования более 150 видов экспертиз, которые подразделяются автором на два класса: судебные и иные. Такая классификация представляется чрезмерно упрощенной, тем не менее нельзя не согласиться с мнением Муженской о том, что

пробелом в российском законодательстве является отсутствие нормативного правового акта, определяющего единые правовые и организационные основы, единые принципы экспертной деятельности в России.

Другая книга обобщающей направленности этого же 2014 г. издания, что и работа Муженской, – монография А. В. Нестерова, в которой автор подвергает острой критике нормативные правовые акты, содержание нормы о том или ином виде экспертизы. Подчеркивается общая закономерность нормативно-правового регулирования экспертизы: правовые нормы об экспертизе в различных сферах общественной жизни неоправданно фрагментарны и противоречивы, сформированы без учета общих правовых требований к объектам экспертизы. Это происходит в силу доминирования узко ведомственного (отраслевого) подхода в нормотворческом процессе [8, с. 17]. В монографии Нестерова большое внимание уделяется вопросам видовой структуры экспертной деятельности и законодательства об экспертизе. Предлагается разделить все законодательные акты об экспертизе на две группы: акты, специально посвященные экспертизе, и акты, в которых представлены только отдельные разделы или статьи об экспертизе.

Уникальность подхода к исследованию в монографии Нестерова состоит в детальном критическом анализе всех категорий экспертной деятельности с позиций их правовой природы – от экспертизы до экспертных опросов, различных классов экспертных советов, комиссий и экспертного консультирования. Особое внимание автор обращает на проблемы и пути их решения в законодательстве и правоприменительной практике, связанные с различными видами экспертной деятельности. Выделены и исследованы такие компоненты в сфере экспертной деятельности, как ее предмет, продукт,

методика, субъект, экспертное сообщество, рыночные отношения, государственное правовое регулирование. Отмечается некорректное расширительное толкование и применение в законодательстве термина «экспертиза». Нестеров обращает внимание на то, что «легальная дефиниция термина «экспертиза» в законодательстве России отсутствует, но известны легальные определения некоторых видов экспертизы, которые характеризуют видовые свойства экспертизы, но не раскрывают значения самого юридического явления экспертизы» [8, с. 73]. Нестеров обосновывает целесообразность создания экспертного кодекса. Сформулированные в книге Нестерова теоретико-правовые конструкции могут, по мнению ее автора, служить основанием для определения требований к экспертам, для выявления закономерностей и прогнозирования в области экспертного дела [8, с. 261].

К сожалению, оригинальные и ценные для юридической науки выдвигаемые А. В. Нестеровым идеи незаслуженно обделены вниманием исследователей института экспертизы. Особый интерес представляют его выводы о правовых основах экспертизы в сферах судебной, законодательной и исполнительной власти. При всей широте и многообразии конкретных разновидностей экспертиз и разнообразии разных подходов к их нормативному правовому регулированию возможно и необходимо выявить их важнейшие общие закономерности развития и функциональные позиции.

Характеристика подходов к определению теоретико-правовых основ экспертизы была бы неполной, если не принять во внимание международный аспект данного вопроса. Проведенные рядом авторов исследования свидетельствуют о многообразии подходов к нормативному правовому регулированию различных видов экспертизы [3]. Вопросы правового регулирования экспертизы актуальны в рамках СНГ и ЕАЭС. В целях создания

фундамента рекомендаций для гармонизации законодательства об экспертизе и формирования правовой основы для международного сотрудничества в данной сфере стран-участниц СНГ была принята серия модельных законов. Постановлением 20-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 07.12.2002 г. № 20–7 был принят модельный закон «О государственной экспертизе». Данный закон призван, как указано в его преамбуле, содействовать применению экспертизы в целях соблюдения принципов государственного приоритета, объективности и законности решений, принимаемых органами власти в странах СНГ. Имеются в виду решения, относящиеся к сферам международного сотрудничества, национальной безопасности, социально-экономического, научно-технического и культурного развития. В контексте нашей статьи данный закон интересен, главным образом, тем, что может служить примером максимально полного охвата категориального аппарата и перечня организационных вопросов, являющихся необходимыми компонентами теоретико-правовых основ института экспертизы.

В СНГ приняты также модельные законы «Об экспертизе и экспертной деятельности» от 13.04.2018 г. № 47–7, «О судебно-экспертной деятельности» от 19.04.2019 г. № 49–8» и «О научной и научно-технической экспертизе» от 15.11.2003 г. № 22–17 (с изменениями от 28.10.2022 г.). Вклад законов СНГ в создание теоретико-правовых основ экспертизы заключается, в частности, в разработке понятийного аппарата. В законе № 47–7 закреплены определения терминов «экспертная деятельность» и «экспертиза». В модельном законе 49–8 представлено определение понятия «метод судебно-экспертного исследования».

В ЕАЭС отсутствуют модельные законы об экспертизе, но нормативными правовыми актами урегулированы

вопросы правил применения ряда наиболее значимых видов экспертиз. Например, в таможенном кодексе ЕАЭС представлена глава об экспертизе. Решением Совета евразийской экономической комиссии установлены правила экспертизы медицинских изделий.

Заключение

В ходе проведенного в статье исследования получены следующие результаты анализа основных закономерностей в области развития теоретико-правовых основ института экспертизы в Российской Федерации:

- показана объективная обусловленность историческим процессом тенденции опережающего развития судебной экспертизы в сравнении с иными видами экспертизы;
- обоснован вывод о незавершенности формирования системы нормативно-правовой регламентации экспертизы при существенных различиях достигнутых результатов по разным категориям экспертиз;
- доказано, что понятийный аппарат и его законодательное закрепление как первооснова теоретико-правовой базы экспертизы сохраняют признаки неопределенности, незавершенности, резкой дифференциации качества по разным классам экспертиз;
- раскрыта тенденция доминирования тематики научных разработок по частным вопросам и отдельным категориям экспертиз при ограниченности исследований фундаментального обобщающего характера;
- представлена информация о механизмах регулирования экспертизы в зарубежных странах, которая доказывает отсутствие единого подхода к вопросам нормативного правового регулирования института экспертизы;
- ограниченность объема статьи не позволила раскрыть во всей полноте затронутые в ней проблемы института экспертизы. Предметом дальнейших исследований

по теме статьи могут быть следующие вопросы: выявление и систематизация базовых единых для всех видов экспертиз положений об их нормативном правовом регулировании; разработка классификации видов экспертиз по основным типам механизмов их правовой регламентации; анализ общих закономерностей взаимосвязи и синхронизации прикладных и фундаментальных разработок в области теоретико-правовых основ экспертизы.

Список литературы

1. Ганченко Д. Н., Белова Е. В. Экономическая экспертиза: возможности и проблемы реализации // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 12. – С. 6239–6254.
2. Диканова Т. А. Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 96–105.
3. Красулина К. А. и др. Правовое регулирование научной (научно-технической) экспертизы в зарубежных странах // Управление наукой и наукометрия. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 449–482.
4. Михалева Н. В. К вопросу о частной теории судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 115–119.
5. Морозов Л. П. Страницы истории ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 122–129.
6. Муженская Н. Е. Экспертиза в российском законодательстве: руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи. – М.: Издательство РГ-Пресс, 2021. – С. 744.
7. Неретина Н. С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 5. – С. 88–94.
8. Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы: монография. – М.: ВШЭ, 2014. – С. 262.
9. Овчинников А. И. и др. Цели и задачи правовых экспертиз в сфере применения цифровых технологий: обеспечение безопасности общества и человека // Философия права: научно-теоретический журнал. Ростов-на-Дону. – 2024. – № 4 (111). – С. 27–34.
10. Попова Н. И. Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 32–37.
11. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд. – М.: Норма. ИНФРА-М, 2022. – 576 с.
12. Россинская Е. Р., Зинин А. М. Страницы истории // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 5. – С. 183–192.

13. Соколов А. Ю. Правовое регулирование требований, предъявляемых к экспертам в научной сфере // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 214–223.

14. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 100–107.

15. Шатковская Т. В. К вопросу о терминологической неопределенности понятия «правовая экспертиза» в российском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 4. – С. 21–28.

16. Bourne L. E. Jr., Kole J. A., Healy A. F. Expertise: defined, described, explained // Front Psychol. – 2014 – Vol. 5:186. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00186.

17. Pellegrini P. A., Vilouta Rando N. A cultural theory of expertise: styles of thought in attitudes, beliefs, and expectations regarding the COVID-19 pandemic // Humanit Soc Sci Commun. – 2024. – Vol. 11, 1288. DOI: 10.1057/s41599-024-03721-y

References

1. Ganchenko, D. N., Belova, E. V. (2023) Ekonomicheskaya ekspertiza: vozmozhnosti i problemy realizacii [Economic expertise: possibilities and problems of implementation]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo – Economics, Entrepreneurship and Law*. Vol. 13. No. 12. Pp. 6239–6254. (In Russian).

2. Dikanova, T. A. (2021) Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatelstva ob ekspertnoj deyatel'nosti [Issues of improving legislation on expert activity]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University*. Vol. 7. No. 2. Pp. 96–105. (In Russian).

3. Krasulina, K. A. et al. (2022) Pravovoe regulirovanie nauchnoj (nauchno-tehnicheskoy) ekspertizy v zarubezhnyh stranah [Legal regulation of scientific (scientific and technical) expertise in foreign countries]. *Upravlenie naukoy i naukometriya – Science management and scientometrics*. Vol. 17. No. 4. Pp. 449–482. (In Russian).

4. Mihaleva, N. V. (2022) K voprosu o chastnoj teorii sudebno-ekologicheskoy ekspertizy [On the issue of the private theory of forensic environmental expertise]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy – Theory and practice of forensic expertise*. Vol. 17. No. 1. Pp. 115–119. (In Russian).

5. Morozov, L. P. (2021) Stranicy istorii FBU RFCSE pri Minyuste Rossii [Pages of the history of the Federal Budgetary Institution RFCSE under the Ministry of Justice of Russia]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy – Theory and practice of forensic examination*. Vol. 16. No. 4. Pp. 122–129. (In Russian).

6. Muzhenskaya, N. E. (2021) *Ekspertiza v rossijskom zakonodatel'stve: rukovodstvo-spravochnik dlya sledovatelya, doznatelya, sudi* [Expertise in Russian legislation. Handbook for investigators, inquiry officers, judges]. Moscow: Izdatel'stvo RG- Press. P. 744. (In Russian).

7. Neretina, N. S. (2019) Genezis novyh rodov i vidov sudebnyh ekspertiz v epohu cifrovizacii [Genesis of new types and kinds of forensic examinations in the era of digitalization]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina – Bulletin of the O. E. Kutafin University*. No. 5. Pp. 88–94. (In Russian).

8. Nesterov, A. V. (2014) *Ekspertika: obshaya teoriya ekspertizy* [Expertise: general theory of expertise]. Monography. Moscow: VShE. P. 262. (In Russian).

9. Ovchinnikov, A. I. et al. (2024) Celi i zadachi pravovyh ekspertiz v sfere primeneniya cifrovoy tehnologii: obespechenie bezopasnosti obshchestva i cheloveka [Goals and objectives of legal expertise in the field of application of digital technologies: ensuring the security of society and individuals]. *Filosofiya prava:*

nauchno-teoreticheskij zhurnal – Philosophy of Law: scientific and theoretical journal. Rostov-na-Donu. No. 4 (111). Pp. 27–34. (In Russian).

10. Popova, N. I. (2023) Problemy pravovogo regulirovaniya ekspertizy v grazhdanskom processe [Problems of legal regulation of expertise in civil proceedings]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University.* Vol. 9. No. 4. Pp. 32–37. (In Russian).

11. Rossinskaya, E. R. (2022) *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom processe* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Monography. 4th ed. Moscow: Norma. INFRA-M. (In Russian).

12. Rossinskaya, E. R., Zinin, A. M. (2019) Stranicy istorii [Pages of history]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina – Bulletin of the O. E. Kutafin University.* No. 5. Pp. 183–192. (In Russian).

13. Sokolov, A. Yu. (2023) Pravovoe regulirovanie trebovanij, predyavlyaemykh k ekspertam v nauchnoj sfere [Legal regulation of requirements imposed on experts in the scientific field]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn – Legal policy and legal life.* No. 2. Pp. 214–223. (In Russian).

14. Chernogor, N. N., Zaloilo, M. V. (2018) Ekspertiza v pravotvorchestve: problemy pravovogo regulirovaniya i voprosy ego sovershenstvovaniya [Expertise in lawmaking: problems of legal regulation and issues of its improvement]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 3 (43). Pp. 100–107. (In Russian).

15. Shatkovskaya, T. V. (2022) K voprosu o terminologicheskoy neopredelennosti ponyatiya «pravovaya ekspertiza» v rossijskom zakonodatelstve [On the issue of terminological uncertainty of the concept of “legal expertise” in Russian legislation]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasian Legal Bulletin.* No. 4. Pp. 21–28. (In Russian).

16. Bourne, L. E. Jr., Kole, J. A., Healy, A. F. (2014) Expertise: defined, described, explained. *Front Psychol.* Vol. 5:186. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00186.

17. Pellegrini, P. A., Vilouta Rando, N. (2024) A cultural theory of expertise: styles of thought in attitudes, beliefs, and expectations regarding the COVID-19 pandemic. *Humanit Soc Sci Commun.* Vol. 11, 1288. DOI: 10.1057/s41599-024-03721-y

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Бородушко Ирина Васильевна, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительного университет; Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@me.com

Кокорин Игорь Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7475-4057, e-mail: only_igor@mail.ru

About the authors

Irina V. Borodushko, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering; Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@me.com

Igor S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7475-4057, e-mail: only_igor@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.07.2025

Принята к публикации: 01.08.2025

Опубликована: 29.09.2025

Received: 07 July 2025

Accepted: 01 August 2025

Published: 29 September 2025

Понятие источника права в трудах зарубежных правоведов

Т. А. Кандыба

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Понятие «источник права» занимает ключевое место в общей теории права, однако единообразного толкования нет: это подпитывает споры и затрудняет согласование правоупонимания. Актуальность работы обусловлена развитием правового государства и усложнением правовой системы, что требует уточнения содержания и пределов термина. В статье проанализированы подходы англосаксонской, немецкой, французской, итальянской и скандинавской школ; показано, как историческая специфика формирует разные понимания и набор источников. Обосновано, что любая система нуждается в закреплённых источниках, обеспечивающих легитимность и действие норм. Проведенный анализ зарубежных концепций источника права и их сопоставление с отдельными теориями современных российских ученых позволяют сделать вывод о значительном потенциале интеграции правовых подходов. Синергетическое сочетание национальных и международных теоретических наработок углубляет понимание природы источника права и укрепляет методологические основы правоведения.

Ключевые слова: источники права, зарубежные правовые системы, законодательство, правовой плюрализм, правовая система.

Для цитирования: Кандыба Т. А. Понятие источника права в трудах зарубежных правоведов // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 47–63. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_47. EDN: PAZVCZ

The Concept of the Source of Law in the Works of Foreign Legal Scholars

Timofey A. Kandyba

Independent researcher,
Saint Petersburg, Russian Federation

The notion of the “source of law” holds a central place in theory yet lacks a uniform interpretation, fueling debate and hindering coherent legal understanding. The study is relevant due to the development of the rule-of-law state and the growing complexity of the legal system, which require clarifying the term's content and scope. The article surveys Anglo-Saxon, German, French, Italian, and Scandinavian approaches, showing how historical specificities shape differing understandings and sets of sources. It argues that any system needs established sources to secure the legitimacy and operation of norms. The analysis of foreign concepts of the source of law and their comparison with selected theories of contemporary Russian scholars indicates substantial potential for integrating legal approaches. A synergistic combination of national and international theorizing deepens understanding of the source of law and strengthens the methodological foundations of jurisprudence.

Key words: sources of law, foreign legal systems, legislation, legal pluralism, legal system.

For citation: Kandyba, T. A. (2025) Ponyatie istochnika prava v trudah zarubezhnyh pravovedov [The Concept of the Source of Law in the Works of Foreign Legal Scholars]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 47–63. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_47. EDN: PAZVCZ

Введение

Понятие «источник права» – одно из ключевых и в то же время дискуссионных в общей теории права и сравнительном правоведении. Под источниками права обычно понимаются общественные отношения (материальные источники права), правосознание, правые доктрины и правовая культура (идеальные источники права) и сформулированные и принятые в официальном порядке предписания властного характера (формально-юридические источники права)¹.

Несмотря на многообразие трактовок, любая развитая правовая система нуждается в признанных источниках, через которые нормы получают легитимность и обязательность. Будь то парламентский закон, одобренный демократически, или многовековой обычай, укоренившийся в сознании народа, или судебный прецедент, признанный профессиональным сообществом, – без такого признанного «канала» возникновения правила поведения оно не может стать юридически обязательным. В этом смысле разные правовые семьи решают, по сути, одну задачу: обеспечение устойчивости и предсказуемости правопорядка через закрепление круга источников и процедур их создания. Изучение трудов зарубежных правоведов об источниках права позволяет лучше понять и собственную правовую систему, критически взглянуть на ее сильные и слабые стороны.

Фундаментальные идеи об источниках права, выработанные в одной стране, способны незримо влиять на правовые системы других государств, обогащая их опыт. Осознавая общую природу и назначение источников права, национальные юриспруденции могут заимствовать друг у друга полезные идеи, сохраняя при этом свою уникальность.

¹ Ромашов Р. А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2018. С. 194

Такой диалог традиций способствует развитию правовой науки и приближению к более целостному, глобальному пониманию того, откуда право берет свою силу и легитимность.

Результаты

Англосаксонская правовая традиция сформировалась как плюралистическая модель: источниками права признаются и парламентские статуты, и судебные прецеденты. Первоначально, согласно позитивистской концепции Дж. Остина, право представлялось как «приказ суверена, поддержанный санкцией» [6, р. 87], что исключало прецедент как самостоятельный источник. Однако реальность быстро разошлась с теорией: практика судейского правотворчества привела к укреплению доктрины *stare decisis*. Уже У. Блэкстон утверждал, что «судебные решения – это доказательство существования права, но не сами по себе право» [7, р. 69]. Тем не менее именно суды фактически формировали нормы, а закон парламента закрепился как высший источник через правило признания, описанное Г.Хартом [12, р. 106] и переосмысленное Дж. Разом: «существование и содержание права должно определяться только на основе социальных фактов» [17, р. 51].

В дальнейшем философия права в англосаксонской традиции вышла за пределы формального позитивизма. Так, Р. Дворкин критиковал «тезис об источниках», подчеркивая, что, помимо норм, право включает ценности и принципы, раскрывающиеся через интерпретацию: «никто не должен извлекать выгоду из собственной неправоты» – это принцип, способный повлиять на решение, даже если он не закреплен в законе [9, р. 225]. Аналогично, О. У. Холмс писал: «жизнь права – не логика, а опыт» [13, р. 1], предвзяруя идеи американ-

ского и скандинавского реализма, где подлинным источником становится все, что влияет на решение суда: социальные практики, установки, контекст.

Континентально-европейская модель, напротив, характеризуется моноцентризмом. Немецкая доктрина придает закону центральное место, хотя фон Савиньи подчеркивал значение народного обычая: «важнейшим источником права является национальный обычай» [19, р. 20], Г. Кельзен выводил действительность нормы из иерархии формальных источников: «одна юридическая норма определяет способ, каким создается другая» [14, р. 110]. Французская традиция с эпохи Кодекса Наполеона отвергала судебную практику как источник: «судья – лишь уста закона» [16, р. 250], Ж. Карбоннье уточнял: «судейская практика – отражение закона или зарождение обычая, но не самостоятельный источник» [2, с. 45]. Лишь в XX в., с появлением реалистических концепций (например у М. Троппера), стали звучать идеи, что «юридический смысл рождается в процессе применения норм» [20, р. 117], тем самым сближая французскую мысль с социологическим правопониманием.

Итальянская правовая доктрина во многом близка к французской, однако имеет некоторые отличия, связанные с национальной философско-правовой мыслью и особенностями законодательной системы. Современная Италия принадлежит к романо-германской правовой семье и признает основными источниками права Конституцию (принята в 1947 г.), законы парламента и нормативные акты правительства. В Итальянской Республике сложилась четкая иерархия источников: конституционные нормы имеют высшую силу, затем идут обычные законы, далее законодательные декреты правительства, региональные законы, подзаконные акты и т. д. Такой формально-юридический порядок закреплен прямо

в положениях самих законов. Например, предварительные статьи Гражданского кодекса Италии устанавливают, что если отсутствует применимая законная норма, суд должен обратиться к аналогии закона, а при ее недостаточности – к общим принципам законодательства, и лишь затем может учитывать обычай.

Вместе с тем итальянские юристы внесли значительный вклад в общетеоретическое осмысление понятия источника права. Один из видных философов права XX в., Норберто Боббио, предложил различать «источники создания права» и «источники познания права» (*fonti di produzione vs fonti di cognizione*) [8, p. 45]. Под источниками создания понимаются те факторы и процедуры, в результате которых возникают юридические нормы (законодательный процесс, референдум, правовой обычай и т. д.). А источники познания – это формы, в которых эти нормы доводятся до сведения и могут быть обнаружены (официальные тексты законов, сборники судебной практики, юридические справочники). Данное разграничение оказалось полезным для устранения двусмысленности: к примеру, конституция выступает источником права в обоих смыслах (она и создает нормы, и является их официальным текстом), а вот сборник законов – лишь источник познания (публикации), сам по себе новых норм не порождает. В итальянской теории под источниками права чаще всего подразумевают именно источники создания, т. е. формы, наделенные правотворческой силой.

Основными формальными источниками итальянского права являются: писанный закон (в широком смысле – акты парламента и делегированные законодательные акты правительства), правовой обычай (на втором плане) и отчасти общие принципы права. Судебные решения в Италии, как и во Франции, официально не образуют новых норм, и доктрина *stare decisis* отсутствует. Тем не менее

на практике авторитет решений Конституционного и Кассационного судов очень высок. Когда эти высшие инстанции вырабатывают устойчивую линию (например, по толкованию той или иной нормы), говорят о *giurisprudenza costante*, и нижестоящие суды обычно ей следуют. Иногда итальянские ученые характеризуют стабильную судебную практику как фактический источник права, хотя формально она считается лишь толкованием.

Важной чертой итальянской правовой культуры является соединение континентальной любви к кодификации с глубокой философской традицией. Итальянские правоведы уделяли внимание не только перечислению источников, но и их легитимации. В дискуссиях XX в. звучали вопросы: почему мы считаем закон обязательным? Только ли потому, что так предписано Конституцией, или есть более глубокие основания? Эти рассуждения близки к германским (кельзеновским) вопросам об «основной норме» и к англосаксонским дебатам о «правиле признания». Однако Италия дала и оригинальные идеи. Например, еще в 1918 г. Санти Романо развил концепцию, согласно которой каждый социальный институт обладает собственным «юридическим порядком». Из этого следовало, что источники права могут быть плюральны: право создается не только государством, но и, скажем, церковью, университетом или профсоюзом, которые в рамках своей автономии издают акты (корпоративные нормативные документы, статуты) – и эти акты являются источниками права для участников данных социальных образований. Эта концепция легла в основу современного понимания автономных источников – например, договор как источник обязательств или локальные нормативные акты организаций. В итальянской системе автономные источники (например, коллективные трудовые договоры, локаль-

ные уставы) признаются, хотя и занимают более низкое положение в иерархии, чем государственный закон.

Подводя итог, отметим, что итальянский подход к источникам права сочетает строгую пирамиду государственных нормативных актов с признанием разнообразия форм, в которых рождаются и функционируют нормы, закон занимает центральное место (как и во всех странах континентального права). Обычай исторически играл большую роль, но в Новейшее время отведен на второй план и применяется субсидиарно. Судебная практика, хотя и не признается формально творцом норм, вносит существенный вклад в развитие права; однако верные романской правовой традиции итальянцы продолжают повторять: *i giudici non fanno il diritto* («судьи не творят право»). Доктрина высоко ценится – итальянские университеты славятся своими школами гражданского права – однако, опять же, считается, что она лишь объясняет право, а не создает его.

Скандинавская правовая школа известна прежде всего направлением реалистической юриспруденции (скандинавского правового реализма). Представители этой школы – шведский философ Аксель Хегерстрём, датский юрист Алф Росс, шведский юрист Карл Оливекрона и др. – в первой половине XX в. предложили свое видение права, существенно отличающееся от традиционного позитивизма. Скандинавский реализм стремился изучать право как реально действующее явление, опираясь на эмпирические методы и психологию.

В контексте темы источников права особый интерес представляют идеи датского философа права Алфа Росса, изложенные в его труде «О праве и справедливости» (1958). Росс утверждал, что теория права должна основываться на принципах эмпиризма, поэтому понятие «действительность (валидность) правовой нормы»

следует выяснять через наблюдение за поведением судей и других правоприменителей. По Россу, «правило действительно, если оно фактически применяется судами» [18, р. 14]. Иными словами, критерием юридической силы нормы является ее признание и использование в судебной практике. Это приводит к своеобразному пониманию источников права: Росс предлагал считать источниками права совокупность факторов, которые влияют на формулирование судьями конкретного решения (конкретного правового правила) [18 р. 50; 1, с. 49]. Среди таких факторов, безусловно, есть формальные – писанные законы, прецеденты: они дают судье готовое правило. Но есть и иные влияния: «нормативная идеология» судей, их представления о справедливости, устоявшиеся традиции, подготовительные материалы к законам (в Скандинавских странах последние традиционно очень важны). Росс полагал, что в сознании судей присутствует общая «идеология источников права», которая подсказывает им, к каким источникам обратиться, чтобы найти решение спора. Эта идеология включает убежденность в обязательности, например парламентского закона, а также осознание роли других материалов (например парламентских подготовительных материалов (*travaux préparatoires*), доктринальных комментариев). По сути, в каждой конкретной ситуации судья руководствуется своего рода внутренней иерархией источников, включающей как официальные тексты, так и негласные факторы.

Таким образом, скандинавы существенно расширили картину источников права. Формальными источниками в Скандинавских странах, конечно, являются законы (конституции и акты парламента), подзаконные акты, а также – в определенной мере – судебная практика (хотя без жесткого правила *stare decisis*). Так, в Швеции и Дании решения верховных судов не являются юридически

обязательными, но практически обладают авторитетом. Обычай применяется ограниченно, однако встречаются, например, отраслевые торговые обыкновения. Особенность же скандинавской правовой культуры – большая роль «подготовительных материалов»: правительственных докладов, экспозиций и объяснительных записок к законопроектам, которые судьи рассматривают как важный ориентир для толкования закона (фактически приближая их к источникам права). Доктрина также оказывает влияние: из-за небольшого размера профессиональных сообществ авторитет отдельных профессоров (например В. Лундстедта в Швеции) исторически был весьма высок.

Главное же в скандинавском подходе – акцент на фактическом действии. Право существует постольку, поскольку оно реализуется. Отсюда скандинавские реалисты склонны признавать источниками права и материальные факторы: силу привычки, социальную целесообразность, психологические мотивы поведения. Так, К. Оливекрона видел в правовых нормах лишь «привычки и мнения, направляющие поведение судей»; А. Хегерстрём и вовсе отрицал объективное существование правовых норм как таковых, называя их мистификацией, и сводил право к реальным переживаниям и воле людей. На этой основе понятие источника права как самостоятельной внешней формы практически растворяется в широком поле социальных фактов – привычек, убеждений, решений. С позиций классической юриспруденции скандинавский реализм, возможно, излишне радикально уходит от понятия формального источника. Но он позволяет взглянуть на проблему под новым углом: если правовая система есть не свод абстрактных норм, а живой процесс, то источники права – это все то, что реально направляет этот процесс и наполняет его содержанием. В самом деле, как отмечают исследовате-

ли, у Росса в классификации источников права они различаются по степени «объективации» – одни источники предоставляют уже сформулированное правило (например, статья закона), а другие дают лишь материал или вдохновение (например, культурная традиция, идеалы правосознания) [10, р. 288; 18, р. 50].

Резюмируя, подчеркнем: скандинавская школа права делает упор на том, что признание источника – акт психологический и социальный. Закон становится источником права не из-за своей логической безупречности или божественного происхождения, а потому что судьи и граждане верят в его легитимность и следуют ему. Сам по себе текст закона без практики применения – лишь мертвый набор слов. В этом смысле реалисты возвращают нас к простой истине: право черпает свою силу не только из печати на бумаге, но и из сердец и умов людей, которые готовы эту «бумагу» считать обязательной.

Различные подходы к понятию источника права в зарубежной доктрине отражают многообразие правовых культур. Для англосаксонской системы характерно плюралистическое понимание: признаются и статуты, и судебные прецеденты, а (неофициально) также основополагающие принципы и авторитетная доктрина. Континентально-европейские (немецкая, французская, итальянская) школы традиционно моноцентричны – ставят в центр закон, дополняя его субсидиарными источниками (обычаем, общими правовыми принципами) и отказывая судебной практике в нормотворческом статусе. Скандинавский реализм идет еще дальше, предлагая фактически функциональное понимание источника права как всего, что реально влияет на вынесение судебного решения.

Российская теория права, пройдя путь от дореволюционных идей через марксистско-ленинскую доктрину к современной постсоветской мысли, также выработала свои

подходы к проблеме источников. Классическая советская теория, подобно континентальной европейской, признавала основным источником нормативный правовой акт, изданный государством. Правовой обычай и судебная практика рассматривались как вспомогательные либо вовсе не признавались источниками в полноценном смысле. Однако в новейшее время отечественные ученые предпринимают попытки более широко взглянуть на вопрос, преодолеть узкий этатизм и учесть социально-идеологические аспекты права наряду с юридической формой.

Одним из таких примеров в российской науке является концепция реалистического позитивизма, разработанная профессором Р. А. Ромашовым. Она синтезировала в себе идеи юридического позитивизма и социологической школы права. В частности, Р. А. Ромашов предлагает рассматривать государство, право и даже преступность как взаимосвязанные элементы единой «государственно-правовой системы», существующей в конкретной социальной среде [4, с. 58]. Применительно к источникам права его позиция следующая: классический позитивизм верно подчеркивает необходимость официальной формы для нормы (закона, указа и т. д.), но упускает социальные «истоки» норм. Под истоками понимаются реальные процессы, из которых рождается содержание права: потребности общества, экономические отношения, правосознание, деятельность правоприменителей и т. д. Ромашов вводит термин «социальные источники права» (истоки) в противовес узко формальным источникам (законам) [4, с. 13, 59]. Он утверждает, что для полноценного понимания генезиса права необходимо учитывать оба аспекта: и формальную оболочку нормы, и то социальное содержание, которое эту норму породило и поддерживает.

Подобные идеи развивали и зарубежные правоведы. Так, Карл Ллевеллин указывал: «Право не в том, что на-

писано, а в том, как решается в судах и как применяется в жизни. Именно применение, а не формулировка, делает норму юридической» [15, р. 73]. Это подчеркивает зависимость правовой нормы от социального действия и правоприменительной практики – акцент, схожий с позицией Р. А. Ромашова. В сходном ключе рассуждает Мишель Тропер, полагая: «Право существует лишь постольку, поскольку оно принято как таковое сообществом – государством, судами, обществом. Это – вопрос признания, а не только формальной действительности» [20, р. 122].

Для сравнения обратимся к еще одной теории современной России – трудам А. В. Полякова. Его подход, называемый феноменолого-коммуникативным, значительно отличается от теории реалистического позитивизма. А. В. Поляков рассматривает право как сложную психосоциокультурную систему, возникающую в коммуникации между людьми. Применительно к источникам права это означает скепсис по отношению к восприятию права лишь как совокупности текстов. Он подчеркивает, что право не существует вне источников права, т. е. вне правовых текстов, но точно так же оно не существует и вне их интерпретации, преломляясь через структурированное языком сознание человека [3, с. 37]. По сути, эта мысль развивает идею о двусоставности права: есть объективированный правовой текст и есть его субъективное восприятие интерпретатором. Право «оживает» только при наличии и того, и другого.

Подобный взгляд находил поддержку в трудах Юргена Хабермаса, который писал: «Понимание закона возможно только через участие в его интерпретации – правовая действительность формируется в процессе дискурса» [11, р. 107]. Этот дискурсивный акцент усиливает тезис о праве как процессе коммуникации. В аналогичном направлении рассуждает Роберт Алексю, полагая, что:

«Правовая норма – это результат аргументативного процесса. Она не существует до его завершения в сознании адресатов» [5, р. 55]. Здесь право представлено как результат коллективной интерпретации, что в полной мере согласуется с представлением А. В. Полякова о праве как коммуникативной структуре.

Примечательно, что позиции Р. А. Ромашова и А. В. Полякова имеют общее: обе подчеркивают значимость человеческого фактора (социальной практики, правосознания) наряду с формой. Но есть и различие: Р. А. Ромашов сохраняет привычную терминологию «формальные источники» vs «истоки», тогда как А. В. Поляков даже формальный источник трактует через призму восприятия (текст как информация).

Заключение

Анализ концепций источника права в трудах зарубежных правоведов показывает, что это понятие не имеет универсального и однозначного содержания. Каждая правовая традиция выработала свои акценты: англосаксонская модель исторически ориентирована на плюралистическое понимание (признаются и закон, и прецедент, а неофициально также принципы и доктрина), тогда как континентальные системы (немецкая, французская, итальянская) традиционно моноцентричны, сводя источник права преимущественно к писаному закону при вспомогательной роли обычая и принципов. Итальянская школа наряду с признанием верховенства закона обращает внимание на разграничение собственно правотворческих источников и источников опубликования права. Скандинавская юриспруденция вообще трактует источники права во многом фактически: это все факторы, влияющие на решение суда, включая не только законы и прецеденты, но и устойчивые социальные

традиции, психологические установки и т. д. Формы права отступают на второй план перед вопросом о том, что реально побуждает судью вынести то или иное решение. Таким образом, акцент смещен с формальной легитимности нормы на ее реальную эффективность и признание обществом.

Сопоставление этих подходов с отечественной наукой (на примере реалистического позитивизма Р. А. Ромашова и концепции А. В. Полякова) выявляет и различия, и сближение. Советско-российская традиция долгое время придерживалась формально-юридического понимания источника права (как и континентально-европейская доктрина). Однако современные российские теоретики, не игнорируя достижения зарубежной мысли, все больше находят ответы при разработке собственных оригинальных концепций, учитывают социальный и идеальный аспекты наряду с юридической формой. В итоге прослеживается конвергенция: признается, что правовая норма приобретает обязательность лишь будучи воспринятой и поддержанной обществом (будь то через реализацию или через смысловую интерпретацию). При этом сохраняется и уважение к форме – в правопорядке необходимы официально признанные носители норм, которые служат опорой легитимности.

Список литературы

1. Васильева Н. С. Валидность и источники права: реалистическая концепция А. Росса // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 47–51.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1980. – С. 352.
3. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. – С. 843.
4. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1 (258). – С. 12–20. EDN: RMAVST.
5. Alexy R. The Argument from Injustice. – Oxford: OUP, 2002. – P. 180.

6. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. – London: John Murray, 1832. – P. 507.
7. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. – Vol. 1. – Oxford: Clarendon Press, 1765. – P. 473 (approx.).
8. Bobbio N. Teoria dell'ordinamento giuridico. – Torino: Giappichelli, 1960. – P. 276.
9. Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – P. 470.
10. Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936. – P. 509.
11. Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P. 631.
12. Hart H. L. A. The Concept of Law. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – P. 293.
13. Holmes O. W. The Common Law. – Boston: Little, Brown & Co., 1881. – P. 422.
14. Kelsen H. General Theory of Law and State. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1945. – P. 516.
15. Llewellyn K. The Bramble Bush. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2008. – P. 174.
16. Montesquieu C.-L. De l'esprit des lois. 2 volumes – Genève, 1748. – Vol. 1. – P. 408.
17. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – P. 292.
18. Ross A. On Law and Justice. – London: Stevens & Sons, 1958. – P. 383.
19. Savigny F. C. Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. – London: Littlewood & Co., 1831. – P. 92.
20. Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. – Paris: PUF, 2001. – P. 334.

References

1. Vasil'eva, N. S. (2016) Validnost' i istochniki prava: realistscheskaya koncepciya A. Rossa [Validity and Sources of Law: A. Ross's Realist Conception]. *Vestnik RUDN – RUDN Bulletin*. No. 4. (In Russian).
2. Carbonnier, J. (1980) *Yuridicheskaya sociologiya* [Legal Sociology]. Moscow: Progress. (In Russian).
3. Polyakov, A. V. (2003) *Obshchaya teoriya prava: fenomenologiko-kommunikativnyj podhod* [General Theory of Law: Phenomenological-Communicative Approach]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr Press. (In Russian).
4. Romashov, R. A. (2005) Realisticheskij pozitivizm: integrativnyj tip sovremenogo pravoponimaniya [Realistic Positivism: an Integrative Type of Modern Legal Understanding]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 1 (258). (In Russian).
5. Alexy, R. (2002) *The Argument from Injustice*. Oxford: OUP.
6. Austin, J. (1832) *The Province of Jurisprudence Determined*. London: John Murray.
7. Blackstone, W. (1765) *Commentaries on the Laws of England*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press.
8. Bobbio, N. (1960) *Teoria dell'ordinamento giuridico*. Torino: Giappichelli. (In Italian).
9. Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
10. Ehrlich, E. (1936) *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Habermas, J. (1996) *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA: MIT Press.

12. Hart, H. L. A. (1961) *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press.
13. Holmes, O. W. (1881) *The Common Law*. Boston: Little, Brown & Co.
14. Kelsen, H. (1945) *General Theory of Law and State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. Llewellyn, K. (2008) *The Bramble Bush*. N.Y.: Oxford Univ. Press.
16. Montesquieu, C.-L. (1748) *De l'esprit des lois*. 2 vols. Vol.1. Genève. (In French).
17. Raz, J. (1979) *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford: Clarendon Press.
18. Ross, A. (1958) *On Law and Justice*. London: Stevens & Sons.
19. Savigny, F. C. (1831) *Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence*. London: Littlewood & Co.
20. Troper, M. *La théorie du droit, le droit, l'État*. Paris: PUF. (In French).

Об авторе

Кандыба Тимофей Андреевич, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

About the author

Timofey A. Kandyba, Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

*Поступила в редакцию: 05.07.2025
Принята к публикации: 11.08.2025
Опубликована: 29.09.2025*

*Received: 05 July 2025
Accepted: 11 August 2025
Published: 29 September 2025*

Юридическая ответственность российских подданных за оскорбление правящего императора в XIX – начале XX вв.

Д. В. Ливенцев

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация

Оскорбление правящего императора в дореволюционной России закономерно приводило к юридической ответственности. При этом не имело значения, к какому сословию принадлежал российский подданный оскорбивший монаршую особу. Правящий русский царь являлся еще и главой православной церкви, что подразумевало сакральный смысл его государственного статуса. Однако случаи оскорбления священной монаршей особы, словесно или действием, периодически происходили у российских подданных. Нельзя не отметить, что официальная государственная власть реагировала на подобные проступки. Автором выявляются и систематизируются наиболее известные случаи оскорбления российскими подданными правящего императора и последовавшие за ними юридические санкции.

Ключевые слова: Российская империя, юридическая ответственность, правящий император, российские подданные, оскорбление царя, дознание, монаршая особа.

Для цитирования: Ливенцев Д. В. Юридическая ответственность российских подданных за оскорбление правящего императора в XIX – начале XX вв. // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 64–79. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_64. EDN: VJEJBY

The Legal Responsibility of Russian Subjects for Insulting the Reigning Emperor in the 19th and Early 20th Centuries

Dmitry V. Liventsev

State Academic University of Humanities,
Moscow, Russian Federation

Insulting the reigning emperor in pre-revolutionary Russia naturally led to legal liability. At the same time, it did not matter what class the Russian citizen belonged to who insulted the monarch. The ruling Russian tsar was also the head of the Orthodox Church, which implied the sacred meaning of his state status. However, cases of insulting the sacred royal person verbally or by action periodically occurred among Russian subjects. It should be noted that the official government reacted to such misconduct. The author identifies and systematizes the most famous cases of Russian subjects insulting the reigning emperor and the legal sanctions that followed.

Key words: Russian Empire, legal responsibility, reigning emperor, Russian subjects, insulting the tsar, inquiry, a royal person.

For citation: Livencev, D. V. (2025) Yuridicheskaya otvetstvennost' rossiyskikh poddannyykh za oskorblenie pravyashchego imperatora v XIX – nachale XX w. [The Legal Responsibility of Russian Subjects for Insulting the Reigning Emperor in the 19th and Early 20th Centuries]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 64–79. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_64. EDN: VJEJBY

Введение

Священный статус особы русского царя подразумевал юридическую ответственность за его оскорбление действием или бранными словами. Конечно, отсутствуют научные публикации, посвященные непосредственному оскорблению российского императора его поданными.

Если говорить о проблемах легитимности царской власти в Российской империи, то здесь необходимо выделить монографию [3] и научные статьи В. В. Денисенко о различных аспектах легитимности государственной власти [4, с. 23–28; 5, с. 75–82; 6, с. 86–89]. Юридические проблемы становления российской монархии анализировал в своем издании [10] и научных статьях [7, с. 16–18; 8, с. 51–55; 9, с. 42–53] известный российский ученый С. В. Ковдан. Типологию государств, в том числе и монархии, исследует в ряде публикаций Р. А. Ромашов [11, с. 86–90; 12, с. 27–35]. Различные аспекты правового статуса представителей императорской фамилии исследуются в диссертационных работах С. А. Василенко¹ и Е. В. Старовойтовой².

Роль российского императора как главы русской православной церкви досконально анализируется в монографическом издании известного дореволюционного государственного деятеля и юриста Н. Н. Корево [13]. Конкретное отношение к теме научной статьи имеют только материалы, опубликованные в 1898 г. на страницах популярного отечественного журнала «Русская старина» [2]. Базовыми юридически нормативно-правовым актами для понимания юридической ответственности за оскорбление священной монаршей особы являются Учреждение об императорской фамилии 1797 г. [1, 16], Уложение

¹ См.: Василенко С. А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX вв. Имущественное положение и общественная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 22 с.

² См.: Старовойтова Е. В. Правовой статус Императора Российской Империи (1721–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 37 с.

о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [15] и Уголовное уложение 1903 г. [14].

Непосредственно для характеристики юридической ответственности за оскорбление русского царя использовались материалы архивных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В них можно найти ряд случаев оскорбления императора следующими лицами:

- матросом 2-й статьи П. П. Садовниковым¹;
- крестьянином Николаем Ивановым Никитиным²;
- студентом Санкт-Петербургского Императорского университета П. Литвинским³;
- боцманом Добровольного флота И. И. Дульским⁴.

С привлечением документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) в рамках научной статьи рассматриваются случаи оскорблений старшего по званию вице-адмирала А. И. Русина младшим жандармским унтер-офицером Александровым⁵ и иностранной монаршей особы Вильгельма II грабителями Варшавского немецкого яхт-клуба⁶.

В настоящей научной статье автор использовал методы интерпретации, исторической реконструкции, фундаментального историзма, системности и сравнительно-правовой метод для того, чтобы с максимальной объективностью исследовать вопрос юридической ответственности за оскорбления, нанесенные поданными священной особе правящего монарха в Российской империи.

Результаты

Нанесение оскорбления вышестоящему лицу в дореволюционной России неизбежно влекло юридическую

¹ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1191.

² ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1192.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1512.

⁴ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124.

⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3411.

⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2315.

ответственность. Вопрос, состоял только в том, какой юридическая ответственность будет – дисциплинарной, административной или уголовной.

Дело в том, что Российская империя представляла собой сословное, традиционное и иерархичное общество. В ней существовала четкая сословная и служебная иерархия. В подобном обществе вышестоящие лица пресекали любое проявление неуважения к своему чину и аристократическому происхождению. Например, 16 июня 1916 г., когда поезд Севастополь – Санкт-Петербург проходил через станцию Малая Вишера, при остановке на вокзальном перроне младший жандармский унтер-офицер Александров в первый раз небрежно отдал честь начальнику Главного Морского Штаба вице-адмиралу А. И. Русину, а во второй раз совсем не стал его приветствовать. После чего, вице-адмирал А. И. Русин составил на младшего жандармского унтер-офицера служебный рапорт¹. В ходе последующего дознания выяснилось, что младший жандармский унтер-офицер Александров исполнял служебные обязанности, находясь в болезненном состоянии здоровья². В результате виновными признали чинов Бологовского отделения жандармского управления допустивших унтер-офицера Александрова в подобном состоянии здоровья к службе³.

Казалось бы, начальник Главного Морского Штаба вице-адмирал А. И. Русин мог, проявить снисходительность к младшему жандармскому унтер-офицер Александрову, однако чины российского военно-морского ведомства, как и все кадровые военнослужащие, испытывали постоянную неприязнь к жандармскому корпусу, что, скорее всего, и стало причиной подобного служебного

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3411. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3411. Лл. 5–6.

³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3411. Лл. 7–8.

рапорта от начальника Главного Морского Штаба вице-адмирала А. И. Русина.

Нанести оскорбление российской поданный мог и иностранной монаршей особе. Так, 7 декабря 1907 г. от прокурора Варшавской судебной палаты на имя министра юстиции поступил рапорт, что 1 декабря того же года в 9 часов вечера в помещение Варшавского немецкого яхт-клуба во время общего собрания его членов ворвались три неизвестных лица. Один из грабителей был вооружен револьвером системы «браунинг». К счастью, общее собрание только начиналось, и людей в помещении Варшавского немецкого яхт-клуба было немного.

Из всего имущества Варшавского немецкого яхт-клуба незадачливые грабители смогли украсть только бюсты германских императоров Фридриха III и Вильгельма II. Затем преступники убежали через окно во двор и скрылись¹. Причем впоследствии выяснилось, что грабители не взяли с собой бюст германского императора Вильгельма II, а просто выкинули его в окно. В упомянутом действии первый департамент российского министерства юстиции усмотрел прямое оскорбление иностранной монаршей особы².

20 декабря 1907 г. прокурор Варшавской судебной палаты ответил на служебный запрос министерства юстиции, что трех неизвестных лиц, виновных в оскорблении германского императора Вильгельма II, задержать не удалось³. В итоге преступники не понесли юридической ответственности за оскорбление иностранного правящего монарха.

Естественно в дореволюционной России за оскорбление правящего императора должна была непременно

¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2315. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2315. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2315. Л. 3.

наступать юридическая ответственность. Однако в юридической практике известны неоднократные случаи лояльного отношения русских царей к оскорблению собственной священной монаршей особы.

Хрестоматийным стал поступок пьяного солдата лейб-гвардии Орешкина бранившегося в кабаке на портрет императора Александра III, сказавшего, что ему плевать на царя. В ответ император Александр III вынес высочайшую резолюцию:

- 1) дело солдата лейб-гвардии Орешкина прекратить из-за отсутствия состава преступления;
- 2) впредь портреты правящего императора не вешать в питейных заведениях;
- 3) солдату лейб-гвардии Орешкину передать, что царю на него тоже плевать.

Собственно прямого подтверждения данной истории не существует. Более того, есть мнение, что данная история произошла с императором Николаем I и солдатом Агафоном Сулейкиным. Если обратиться к материалам популярного дореволюционного журнала «Русская старина», то в качестве лица, оскорбившего императора Николая I, уже фигурирует пьяный крестьянин из харчевни. Причем царствующий император милостиво прощает его, освобождая от битья кнутом и последующей каторги [2, с. 39].

В принципе правящий император имел право своей монаршей волей предотвратить любое дисциплинарное, административное и уголовное наказание.

Все вышеназванные случаи можно отнести к историческим анекдотам, т. е. абсолютно непонятна их достоверность. Определенную ясность по проблеме юридической ответственности за оскорбление правящего императора в дореволюционной России вносят материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

Известен случай, когда студент Санкт-Петербургского Императорского университета П. Литвинский не снял шапки перед императором Александром II, встретившимся с ним во время прогулки по Летнему саду в Санкт-Петербурге. Полиция завела на студента П. Литвинского уголовное дело, но по распоряжению царя проступок оставили без последствий¹.

Затем 1 февраля 1897 г. прокурор Кишиневского окружного суда подал рапорт, что в городе Рени Измаильского уезда боцман парохода Добровольного флота «Бессарабец» И. И. Дульский 27 декабря 1897 г. словесно оскорбил портрет уже покойного императора Александра III. Надо отметить, что именно портретам упомянутого русского царя постоянно не везло на бранные оскорбления. Во время нанесения оскорбления боцман Добровольного флота И. И. Дульский сказал, что в этот день никого не боится ни государя, ни Бога. После чего И. И. Дульский сорвал портрет императора Александра III со стены дома и разорвал на куски. Следствие по делу боцмана И. И. Дульского поручили проводить жандармскому ротмистру Будакову².

Дело передали прокурору Одесской служебной палаты, т. к. пароход Добровольного порта «Бессарабец» был приписан к местному торговому порту. От прокурора Одесской служебной палаты в министерство юстиции поступило служебное донесение, что боцман И. И. Дульский обвиняется в преступлении по 246 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1885 г.³ Получается, что прокурор Одесской служебной палаты обвинял боцмана И. И. Дульского в преступлении против священной особы правящего императора и членов императорского дома [15, с. 56].

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1512. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Л. 2.

Вскоре боцман И. И. Дульский стал находиться под особым надзором полиции¹. В ходе следствия выяснилось, что портрет императора Александра III И. И. Дульский сорвал со стены дома жителя города Рени Измайловского уезда Федора Чебанова, доложившего об этом преступлении жандармскому офицеру. Надо отметить, что И. И. Дульский пребывал, находясь в доме Федора Чебанова, в состоянии сильного алкогольного опьянения. Боцман Добровольного флота, помимо сорванного портрета императора, разбил окно и посуду, грозился перестрелять всех окружающих. Сбежавшиеся на крики скандала соседи смогли связать пьяного боцмана И. И. Дульского. Обвиняемый утверждал на следствии, что свидетели его оговорили.

4 марта 1897 г. следственное дело боцмана парохода Добровольного флота «Бессарабец» И. И. Дульского было завершено². Боцман И. И. Дульский был наказан административным полицейским арестом на три недели³. После завершения срока административного ареста его выпустили на волю⁴.

Практически боцман парохода Добровольного флота «Бессарабец» И. И. Дульский отделался за словесное оскорбление правящего императора только трехнедельным административным арестом под полицейским надзором.

Для понимания правоприменения юридической ответственности за оскорбление правящего императора можно привести два следственных дела, которые практически одновременно велись Московским жандармским управлением.

¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Лл. 3–4.

² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Лл. 5–6.

³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Лл. 10–11.

⁴ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 18. Д. 124. Лл. 12–13.

Первое следственное дело было заведено жандармами 21 февраля 1907 г. по случаю оскорбления правящего императора Николая II крестьянином Николаем Ивановым Никитиным. Однако подозреваемый имел положительные характеристики как верноподданный и его проступок решили оставить без последствий¹.

Второе следственное дело было намного сложнее. 16 февраля 1907 г. жандармский унтер-офицер Егоров произвел дознание по факту оскорбительных выражений матроса 2-й статьи Балтийского флотского экипажа с учебного судна «Рига» П. П. Садовникова в адрес правящего императора Николая II².

За оскорбительные выражения в отношении правящего императора, произнесенные матросом 2-й статьи П. П. Садовниковым во время пребывания в отпуске в городе Воскресенске Звенигородского уезда, по мнению ротмистра корпуса жандармов Щегловского, инкриминировалась юридическая ответственность по 3 ч. 103 ст. Уголовного уложения 1903 г. [5, л. 5]. Данная статья в зависимости от преднамеренности и тяжести преступного деяния предусматривала наказания от административного ареста до заключения в крепости восьми лет каторги [14, с. 103–104].

Дознание по следственному делу выявило, что матрос 2-й статьи П. П. Садовников обозвал императора Николая II бранными словами в состоянии сильного алкогольного опьянения. Причем пьяный матрос 2-й статьи П. П. Садовников прилюдно утверждал, что Николай II не император, а «дурак»³. Все время следствия матрос 2-й статьи П. П. Садовников находился под арестом в Звенигородской уездной тюрьме. Кстати, 15 марта 1907 г. матрос 2-й статьи

¹ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1191. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1192. Л. 3.

³ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1192. Л. 6.

П. П. Садовников подал официальную жалобу на медленное проведение следственных мероприятий¹. Впрочем, данную жалобу П. П. Садовникова оставили без ответа.

В ходе следствия выяснилось, что матрос 2-й статьи Балтийского флотского экипажа с учебного судна «Рига» П. П. Садовников за время прохождения военной службы уже имел два серьезных проступка:

1) матрос 2-й статьи П. П. Садовников в 1905 г. был осужден на два месяца заключения в Военно-исправительной тюрьме морского ведомства за пьянство и незаконную продажу казенного обмундирования на денежную сумму в 12 руб. 05 коп.;

2) в 1906 г. матрос 2-й статьи П. П. Садовников по схожим обвинениям был осужден уже на семь месяцев пребывания в Военно-исправительной тюрьме морского ведомства².

В результате П. П. Садовников не был отпущен из Звенигородской тюрьмы, где находился под арестом. За свои прошлые служебные преступления и оскорбление действующего императора Николая II матрос 2-й статьи Балтийского флотского экипажа с учебного судна «Рига» П. П. Садовников отправился на каторгу.

Заключение

При подведении итогов исследования случаев юридической ответственности за оскорбление российскими поданными правящего императора в XIX – начале XX вв. надо выделить целый ряд ключевых выводов:

1) дореволюционная Россия представляла собой сословное, традиционное и иерархическое общество, где соблюдались обязательные правила уважения к ари-

¹ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1192. Л. 12.

² ГА РФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1192. Л. 18.

стократическому происхождению и занимаемому чину на государственной службе;

2) вышестоящие государственные служащие следили за обязательным соблюдением положенных им почестей от подчиненных и лиц, находившихся ниже по своему служебному положению. При несоблюдении принятых правил наступали различные виды юридической ответственности;

3) правящий российский император являлся одновременно и главой русской православной церкви, его монаршая особа считалась священной и любые оскорбления влекли за собой юридическую ответственность;

4) законодательство Российской империи предусматривало юридическую ответственность и для лиц оскорбивших своими словами или действиями иностранных монарших особ;

5) среди видов юридической ответственности российскими подданными правящего монарха можно выделить дисциплинарную, административную и уголовную ответственность;

6) в XIX – начале XX вв. следственные дела велись по случаям оскорбления императоров Николая I, Александра II, Александра III и Николая II;

7) правящий император мог воспользоваться собственной монаршей властью для прекращения следственного дела о нанесении ему оскорблений;

9) нередко полиция и жандармерия прекращали следственное дело об оскорблении императора, оставляя без последствий;

10) юридическая ответственность за оскорбления императора в большинстве случаев носила исключительно дисциплинарный или административный характер;

11) обычно уголовная юридическая ответственность за оскорбление российским подданным правящего импе-

ратора возникала в случае совершившихся ранее неоднократных правонарушений.

Получается, что оскорбление правящего императора в дореволюционной России не влекло за собой уголовной ответственности, если российский поданный не был последовательным политическим противником государственной власти или закоренелым уголовным преступником.

Таким образом, в российском дореволюционном обществе существовала четкая иерархия сословного и служебного чиновничества. Высшие государственные чиновники следили за исполнением предписанных правил уважения их высокого государственного статуса. Правящий император считался священной особой, и любое его оскорбление влекло за собой юридическую ответственность. Лишним доказательством недопустимости незаконной критики императорской власти в Российской империи служила присутствовавшая в отечественном законодательстве юридическая ответственность за оскорбление иностранных монархов.

В XIX – начале XX вв. велись следственные дела по случаям оскорбления практически всех правящих российских императоров. Если подобное следственное дело не оставалось без последствий, то наказание обвиняемого по нему заканчивалось дисциплинарной или административной юридической ответственностью. Оскорбление правящего императора являлось отягощающим обстоятельством для политических противников российской монархии и уголовных преступников-рецидивистов.

В результате правящие российские императоры в XIX – начале XX вв. и государственные правоохранительные органы с большой долей лояльности относились к непреднамеренным оскорблениям в адрес царя. Уголовная ответственность за оскорбление российского монарха

наступала только при наличии сопутствующих политических и уголовных деяний против государственной власти.

Список литературы

1. Акт высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора. – М., 1797. – 3 с.
2. Госпожа Г. (рожденная Спиглазова). Рассказ об императоре Николае I // Русская старина. – 1898. – Т. 95. – С. 33–40.
3. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). – М.: Проспект, 2022. – 240 с.
4. Денисенко В. В. Легитимация правовых институтов как процесс усвоения юридических ценностей // История государства и права. – 2018. – № 4. – С. 23–28.
5. Денисенко В. В. Легитимность права: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 2 (18). – С. 75–82.
6. Денисенко В. В. Легитимность как правовая категория: обоснование концепции // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. – № 2 (15). – С. 86–89.
7. Кодан С. В. Имперские параметры государства и права России // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1(88). – С. 16–18.
8. Кодан С. В. Общегосударственное и местное право в российской Империи: формирование и соотношение // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 1. – С. 51–55.
9. Кодан С. В. Свод законов Российской Империи в государственно-правовом развитии России (1820-е – 1850-е гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1 (33). – С. 42–53.
10. Кодан С. В. Становление абсолютизма в России XVIII – первая половина XIX в. – Екатеринбург, 2003. – 82 с.
11. Ромашов Р. А. К проблеме типологии государства и типы государств // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 86–90.
12. Ромашов Р. А. Теоретические концепции понимания государства // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 27–35.
13. Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. – Париж: Тип. Общества объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
14. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Тип. Книжный магазин В. П. Анисимова, 1903. – 253 с.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1885. – 714 с.
16. Учреждение об императорской фамилии. – Тип. При губернском правлении: СПб., 1797. – 77 с.

References

1. *Akt vysochajshe utverzhdenyj v den' svyashchennoj koronacii ego imperatorskago velichestva i polozhennyj dlya hraneniya na prestol Uspenskago sobora. (1797)* [An act most highly approved on the day of the holy coronation of His Imperial

Majesty and deposited on the throne of the Assumption Cathedral]. Moscow. (In Russian).

2. Gospozha, G. (rozhdennaya Spiglazova) (1898) Rasskaz ob imperatore Niko-lae I [The story of Emperor Nicholas I]. *Russkaya starina – Russian Antiquity*. Vol. 95. Pp. 33–40. (In Russian).

3. Denisenko, V. V. (2022) *Legitimnost' prava (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Legitimacy of law (theoretical and legal research)]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

4. Denisenko, V. V. (2018) Legitimaciya pravovyh institutov kak process usvoeniya yuridicheskikh cennostej [Legitimization of legal institutions as a process of assimilation of legal values]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the State and law*. No. 4. Pp. 23–28. (In Russian).

5. Denisenko, V. V. (2020) Legitimnost' prava: teoretiko-pravovoe osmyslenie [Legitimacy of law: theoretical and legal understanding]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of the state and law*. No. 2 (18). Pp. 75–82. (In Russian).

6. Denisenko, V. V. (2018) *Legitimnost' kak pravovaya kategoriya: obosnovanie koncepcii* [Legitimacy as a legal category: substantiation of the concept]. *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij – The Russian Journal of Legal Research*. Vol. 5. No. 2 (15). Pp. 86–89. (In Russian).

7. Kodan, S. V. (2013) Imperskie parametry gosudarstva i prava Rossii [Imperial Parameters of the State and Russian law]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 1 (88). Pp. 16–18. (In Russian).

8. Kodan, S. V. (2015) Obshchegosudarstvennoe i mestnoe pravo v rossijskoj Imperii formirovanie i sootnoshenie [National and local law in the Russian Empire formation and correlation]. *Voprosy rossijskoj yusticii – Issues of Russian Justice*. No. 1. Pp. 51–55. (In Russian).

9. Kodan, S. V. (2012) Svod zakonov Rossijskoj Imperii v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii (1820-e – 1850-e gg.) [The Code of Laws of the Russian Empire in the state and Legal development of Russia (1820s – 1850s)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke – Social and humanitarian sciences in the Far East*. No. 1 (33). Pp. 42–53. (In Russian).

10. Kodan, S. V. (2003) *Stanovlenie absolyutizma v Rossii XVIII – pervaya polovina XIX v.* [The formation of absolutism in Russia of the XVIII – the first half of the XIX century]. Ekaterinburg. (In Russian).

11. Romashov, R. A. (2019) K probleme tipologii gosudarstva i tipy gosudarstv [On the problem of State typology and types of States]. *Mir politiki i sociologii – The world of politics and sociology*. No. 10. Pp. 86–90. (In Russian).

12. Romashov, R. A. (2019) Teoreticheskie koncepcii ponimaniya gosudarstva [Theoretical concepts of understanding the State]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 4. Pp. 27–35. (In Russian).

13. Korevo, N. N. (1922) *Nasledovanie prestola po osnovnym gosudarstvennym zakonam* [Succession to the throne according to the basic state laws]. Paris: Tip. Obshchestva ob'edineniya russkikh v Nicce. (In Russian).

14. *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.* (1903) [The new Criminal Code, most highly approved on March 22, 1903]. Saint Petersburg: Tip. Knizhnyj magazin V. P. Anisimova. (In Russian).

15. *Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh.* (1885) [The Code of Criminal and Correctional Punishments]. Saint Petersburg. (In Russian).

16. *Uchrezhdenie ob imperatorskoj familii (1797)* [Institution of the Imperial Family]. Saint-Petersburg: Tip. Pri gubernskom pravlenii. (In Russian).

Об авторе

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

About the author

Dmitry V. Liventsev, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 11.07.2025
Принята к публикации: 15.08.2025
Опубликована: 29.09.2025*

*Received: 11 July 2025
Accepted: 15 August 2025
Published: 29 September 2025*

Конституционные ценности как основания развития судебной власти: проблемы определенности и реализации

В. П. Очередыко

Северо-Западный филиал РГУП имени В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В рамках конституционного развития России определяются новые конституционные ценности, уточняется понимание существующих, корректирующих статутный, институциональный, процессуальный элементы судебной власти. Происходящая существенная корректировка иерархии ценностей нуждается в определении и поддержании нового баланса конституционных ценностей в сфере судебной власти. В работе проанализированы коррективы, внесенные конституционными реформами в концепт судебной власти. Предлагаются подходы к достижению нового баланса в системе конституционных ценностей на основе согласованности и соразмерности между ограничением прав и свобод человека и гражданина, и защитой конституционно – значимых ценностей общего блага. Выявлены и охарактеризованы проблемы согласования нового баланса конституционных ценностей в сфере судебной власти. Сделан вывод, что судебная власть является сферой проявления возникающих коллизий в развивающейся иерархии ценностей в ходе конституционных реформ, играет важную роль в поддержании баланса конституционных ценностей, отражающего эволюцию современного российского конституционализма.

Ключевые слова: Конституция, конституционные ценности, конституционные принципы, конституционные нормы, судебная власть, судья.

Для цитирования: Очередыко В. П. Конституционные ценности как основания развития судебной власти: проблемы определенности и реализации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 80–101. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_80. EDN: PQZBDY

Original article
UDC 342
EDN: PQZBDY
DOI: 10.35231/18136230_2025_3_80

Constitutional Values as the Basis for the Development of Judicial Power: Problems of Certainty and Implementation

Viktor P. Ocheredko

North-Western Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation

Within the framework of Russia's constitutional development, new constitutional values are being defined and the understanding of existing constitutional values is being clarified, correcting the statutory, institutional, and procedural elements of judicial power. The ongoing significant adjustment of the hierarchy of values requires the definition and maintenance of a new balance of constitutional values in the sphere of judicial power. The paper analyzes the adjustments made by the constitutional reforms to the concept of judicial power. Approaches are proposed to achieve a new balance in the system of constitutional values based on consistency and proportionality between the restriction of human and civil rights and freedoms and the protection of constitutionally significant values of the common good. The problems of reconciling a new balance of constitutional values in the sphere of judicial power are identified and characterized. It is concluded that the judiciary is a sphere of manifestation of emerging conflicts in the developing hierarchy of values in the course of constitutional reforms, plays an important role in maintaining a balance of constitutional values, reflecting the evolution of modern Russian constitutionalism.

Key words: constitution, constitutional values, constitutional principles, constitutional norms, judicial power, judge.

For citation: Ocheredko, V. P. (2025) Konstitutsionnye tsennosti kak osnovaniya razvitiya sudebnoy vlasti: problemy opredelenosti i realizatsii [Constitutional Values as the Basis for the Development of Judicial Power: Problems of Certainty and Implementation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 80–101. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_80. EDN: PQZBDY

Введение

Общество и государство в своем развитии всегда руководствуется ценностными ориентирами. Как совершенно справедливо указывает Г. Заммель: «Как бы сильно ни была наша жизнь определена механикой вещей и их объективностью, мы в действительности не можем сделать ни шага, ни помыслить мысли, не оснащая свое чувствование вещей ценностями и не направляя соответственно этим ценностям нашу деятельность» [9, с. 355]. Ценности выражает предпочтения, ориентации, интересы отдельных лиц, групп и слоев общества. Они формируются на основе исторических, культурных, религиозных и политических факторов.

«Ценность» является универсальным и многомерным понятием, имеет много измерений, в частности правовое. Наиболее значимыми нравственными и юридическими принято считать конституционные ценности. Они представляют собой определенные идеи, ориентиры, идеалы, лежащие в основе общественного и государственного развития, определяют развитие принципов и норм права, обеспечивая единство и преемственность правовых подходов в разных сферах жизнедеятельности общества.

Результаты

Понятие конституционной ценности не имеет легального определения, его понимание и содержательное наполнение является предметом активных дискуссий в научном сообществе [1, с. 73–91; 14]. Не до конца определенным является также вопрос об их источниках и структуре. Трудности в содержательном наполнении конституционных ценностей в значительной мере определяются отсутствием достаточно разработанных критериев. В этих условиях рассуждения об их составе определяются научными субъективными предпочтениями исследова-

теля. В научный оборот, помимо легально существующих конституционной и высшей ценностей, вводятся понятия «главные конституционные ценности», «основные конституционные ценности» [11], ключевая конституционная ценность [18] и др. Большой вклад в разнообразие понятийного аппарата вносит Конституционный суд РФ, в решениях которого часто используются термины, производные от понятия конституционной ценности¹.

В составе конституционных ценностей принято выделять так называемые эксплицитные ценности, зафиксированные в тексте Конституции РФ, а также имплицитные ценности как результат интерпретационной деятельности органов конституционного контроля. Н. С. Бондарь, ссылаясь на постановления КС РФ, в числе последних называет следующие: «справедливость и правовая определенность, стабильность и определенность публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений» [5, с. 7].

Конституционная ценность является характеристикой Конституции в целом, ее элементов, всего механизма правового регулирования. Ценностное значение Конституции РФ наиболее полно воплощается в учредительных свойствах, когда она устанавливает приоритеты и параметры общественного развития, определяет пути и формы взаимодействия между личностью, гражданским обществом и государством. Высшая юридическая сила, прямое действие являются также важными ценностными характеристиками Конституции.

Не вдаваясь в дискуссию вокруг источников и форм конституционных ценностей, остановимся на анализе

¹ Постановления Конституционного суда РФ: от 30 июня 2001 г. № 14-П; от 21 декабря 2001 г. № 30-П; от 6 декабря 2011 г. № 26-П 3; от 20 декабря 2011 г. № 29-П.

ценностей, зафиксированных в тексте Конституции РФ, а также на ценностях как результате интерпретационной деятельности КС РФ, имеющих концептуальное значение для развития судебной власти.

В тесной связи с конституционными ценностями находятся конституционные принципы и конституционные нормы. Они являются элементами правовой системы государства, отражающими фундаментальные основы устройства общества и государственной власти. Их взаимосвязь обеспечивает целостность и последовательность правовой системы, позволяя адаптироваться к изменениям общественных условий, сохраняя при этом устойчивость базовых ориентиров государственности. Они играют ключевую роль в регулировании общественных отношений, выступая основными инструментами построения демократического правового государства и обеспечения гармоничного сосуществования различных социальных групп.

Следует указать на отсутствие четких границ между ними. Так, некоторые авторы указывают, что конституционные ценности могут быть представлены как «основополагающие, предельно обобщенные принципы» [16]. Это создает ряд теоретических и практических проблем в правотворчестве, правоприменении и толковании Конституции, порождает сложности в понимании их соотношения и применении на практике. Проблемы в разграничении в значительной мере обусловлены их многофункциональностью, когда одна и та же идея может выступать в роли и ценности, и принципа, и нормы – в зависимости от контекста её рассмотрения. Так, право на частную собственность может восприниматься как гарантия личной автономии (ценность), как основа экономической независимости (принцип) и как обязанность государства защищать имущество (норма). Неопре-

деленность границ определяется также политическими и идеологическими интерпретациями.

Однако эти категории имеют разные роли и характеристики внутри правовой системы государства, их взаимосвязь характеризуется иерархичностью. Конституционные принципы формируются на основе ценностей, направлены на создание устойчивых механизмов их реализации. Конституционные нормы конкретизируют принципы и ценности в виде чётких правил, обязательных для исполнения всеми субъектами правоотношений. Посредством норм осуществляются практические меры по реализации конституционных ценностей и соблюдению принципов.

Взаимодействие конституционных ценностей с конституционными принципами и конституционными нормами порождает искомую регулятивно-юридическую значимость, реальную способность каждой конституционной ценности оказывать воздействие на общественные отношения, практику государственного развития. Рассмотрение конституционных ценностей вне взаимодействия с конституционными принципами и конституционными нормами приобретает в значительной мере черты абстрактного теоретизирования: само по себе плодотворное, но существенно сокращающее результативность анализа.

Особый интерес вызывает выявление механизмов реализации конституционных норм и конституционных принципов в нормативную, институциональную и правореализационную сферу при рассмотрении ценностных оснований развития судебной власти в стране. Это обусловлено особым местом суда в «оживлении» норм Основного закона, реализуемым в прямом применении Конституции в правореализационной деятельности судов, в различных формах толкования конституционных

ценностей, принципов и норм, в судебном контроле, прежде всего конституционном судебном контроле.

Конституционные ценности приобретают содержательную значимость, когда выступают реальным действенным фактором развития судебной власти. На их основе формируются фундаментальные принципы деятельности судов, обеспечивается независимость судей, гарантируются права и свободы граждан, обеспечивается верховенство закона и справедливость правосудия. В конечном счете действенность конституционных ценностей определяется эффективностью выполнения судебной властью своих функций по разрешению споров о праве, снятию социальной напряженности, вызванной конфликтами, устранению юридической неопределенности.

Конституционные ценности образуют современный концепт судебной власти, понимание ее роли, предназначения, функций и институтов. Такие основополагающие начала российской государственности, как демократизм, суверенность, правовое государство с системой разделения власти, верховенство и прямое действие Конституции РФ, законность и федерализм, равенство всех перед законом и судом, в равной мере определяют общеценностную основу организации и функционирования судебной власти.

Одна из трех ветвей государственной власти (ст. 10) – судебная, осуществляемая в демократическом правовом государстве (ст. 1) судами, РФ в лице судей, самостоятельно на основе Конституции РФ, законов, общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 15). Важное место в конституционном концепте судебной власти занимает ее интеграция с включенной в содержание Конституции РФ идеей о правах и свободах человека и гражданина (ч. 2 ст. 17) как высшей ценности, неотчуждаемых и непосредственно действующих, со-

ставляющих смысл и содержание деятельности публичной власти и обеспечиваемых правосудием. Тем самым Конституция РФ дает нам понимание предназначения судебной власти. Оно состоит в защите и охране конституционно – правовых ценностей: «общественно-личных» (особо значимых для общества и отдельных лиц, не обладающих властными полномочиями) и «государственных» (связанных с функционированием государственного механизма, в т. ч. связанных с правосудием).

Конституционное развитие неизменно сопровождается поиском конституционных новаций, отражающих эволюцию социальных отношений, изменение приоритетов политико-правового развития, становление нового миропорядка. В рамках этого поиска создаются новые, уточняется понимание существующих конституционных ценностей, корректируются статутный, институциональный, процессуальный элементы судебной власти.

Значимым шагом стало институциональное преобразование судебной власти в 2014 г. в виде объединения высших судебных органов – Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ, и создания объединенного Верховного суда РФ, направленного на улучшение эффективности судебной системы и обеспечение единства правового пространства в стране.

Существенные коррективы в конституционный концепт судебной власти были внесены в рамках обновления Конституции РФ 2020 г. При этом ценности, содержащиеся в гл. 1 и 2 Конституции РФ, занимающие лидирующее положение в иерархии ценностей, которые, составляют основы конституционного строя РФ, и ценности, сформулированные как права и свободы человека и гражданина, составляющие основу конституционного понимания места и предназначения судебной власти, не изменились. Вместе с тем в Конституцию РФ, в частности гл. 3,

включены новые ценности: ценность территориальной целостности Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ); исторически сложившегося государственного единства России (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ); исторической правды (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ); детства как важнейшего приоритета государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ) и другие положения. Появление значительного количества ценностей, отражающих «другую сторону общественной жизнедеятельности», объективно корректирует существующую иерархию ценностей. Это представляет собой ординарный процесс общественного развития, проявляющийся в возникновении несовпадающих интересов, конфликтов и социальных противоречий, что предполагает эффективные правовые средства их разрешения. требует поиска нового баланса в системе конституционных ценностей, прежде всего, на наш взгляд, баланса ценностей, государственности и прав и свобод человека и гражданина. Выработка баланса является действенным инструментом согласования конституционных ценностей помимо классических способов толкования. Так, Г. А. Гаджиев поиск баланса видит в рациональном поиске решения конфликта при презумпции равноценности и отсутствия иерархии ценностей [7]. Заданная конституционная реальность в виде развивающейся иерархии конституционных ценностей формирует, на наш взгляд, дополнительные обстоятельства, но не отменяет возможностей поиска и достижения баланса.

В основе поддержания баланса конституционных ценностей лежит согласованность признания приоритетности прав и свобод человека как высшей ценности и способа ограничения государственной власти с признанием правомерности их ограничения в интересах реализации общего блага. Закрепленный в ч. 3. ст. 55 Конституции

РФ принцип соразмерности между ограничением прав и свобод человека и гражданина и защитой конституционно значимых ценностей общего блага, являющихся необходимым условием реализации прав и свобод личности, определяет механизм согласования конституционных ценностей. Расширение перечня и возрастание общественной значимости ценностей национальной безопасности в широком смысле определяют новые параметры соразмерности в ограничении прав и свобод личности как основы нового баланса в изменившейся системе конституционных ценностей.

Безусловно, определение и корректировка баланса конституционных ценностей является задачей законодательных органов. Поддержание их баланса должно осуществляться правоприменительными субъектами, вплоть до учета прямого действия Конституции, включая обязательный учет ее конституционных ценностей.

Особая содержательная нагрузка в выявлении конституционных ценностей и поддержании их баланса ложится на суды, прежде всего на правоинтерпретационную деятельность КС РФ, который прежде всего является хранителем закрепленных в отечественной Конституции фундаментальных конституционных ценностей, самостоятельно и независимо проверяющим действующие законы на их соответствие конституционным нормам. Он также развивает ее аксиологические основания в рамках толкования смысла и содержания Конституции, массива отраслевого законодательства. Генерирование новых конституционных ценностей, исходящих из существующих конституционных положений, осуществляется судом в рамках своих юрисдикционных полномочий для преодоления неопределенности понимания конституционных положений. Это оказывает существенное конституционно-правовое воздействие на функциониро-

вание системы национального права, законотворческую деятельность и правоприменительную практику.

Конституционный суд вправе признать оспариваемые нормы в определенной части противоречащими Конституции для предупреждения наступления негативных юридических последствий, вызванных повторным нарушением в правоприменительной практике основных прав и свобод личности. При этом нельзя не отметить в значительной мере субсидиарную роль Конституционного суда РФ. Трудно согласиться с мнением, что «принятие судом актов, которые вносят поправки в решения законодателя путем самостоятельного изменения баланса ценностей в пользу тех или иных прав или интересов, едва ли существенно отличается от позитивного нормотворчества. ... действия суда выходят за пределы той компетенции, которая отведена им Конституцией Российской Федерации в системе разделения властей»¹. Действительно, в результате правоинтерпретационной деятельности на основе рассмотрения дел, суд указывает на необходимость изменения законодательства в целях установления баланса ценностей, тем самым корректируя своим решением перспективы правового регулирования. В то же время полномочием Федерального собрания является определение временных и содержательных параметров внесения законодательных изменений на основе учета высказанных правовых позиций КС РФ. Примеров того, что эти правовые позиции суда, направленные на корректировку баланса ценностей, долгое время не встречают соответствующей результативной реакции Федерального собрания, достаточно много. В результате возникает недопустимая правовая неопределенность в балансе ценностей.

¹ См.: Особое мнение судьи Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова».

Конституционное развитие неизменно воспроизводит вопрос о факторной роли конституционных ценностей в развитии судебной власти, являющийся предметом обсуждения как в теоретической, так и законотворческой и правоприменительной сфере.

Непреодолимое значение имеет дискуссия вокруг определения независимости судебной власти в качестве конституционной ценности, соотношения обозначенных в Конституции РФ понятий независимости и самостоятельности в системе разделения властей [15; 10, с. 26; 21]. Различие между этими определениями весьма часто затушевывается, что создает правовую неопределенность. «Суды должны быть реально независимы от других ветвей власти – исполнительной и законодательной. Согласно ст. 10 Конституции России *de jure* так и есть: "Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны"» [17, с. 131]. Очевидное смешение понятий затрудняет определение места судебной власти в концепции разделения властей, на что указывали еще дореволюционные ученые¹ [8].

Некорректное, на наш взгляд, понимание места судебной власти влечет неоправданно завышенные ожидания, не соответствующие ее конституционно определенному статусу. Это порождает проблемы формально правового и фактического измерения судебной власти, в конечном итоге – серьезные разочарования при оценке ее результативности.

Принципы независимости и самостоятельности имеют вполне конкретное конституционное закрепление. Конституция РФ (ст. 10) определяет статус судебной власти, ее органов как самостоятельной, а не как независимой. Основополагающее значение принципа независимо-

¹ Коркунов Н. М. История философии права: пособие к лекциям. 6-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. С 196.

сти в характеристике судебной власти определяется лишь его отражением в статусе судьи в осуществлении правосудной деятельности (тем, что она осуществляется независимым судьей (ст. 120), обеспечивающим независимое осуществление правосудия (ст. 124). Тем самым независимость характеризует ограждение субъекта (судьи как носителя судебной власти) от чужой воли, влияния, определяя процессуальный элемент судебной власти. Независимость судьи как носителя судебной власти определяется формой ее осуществления – правосудием. Независимость правосудия является основой существования правового государства. Важным условием и предпосылкой независимости правосудия, лиц его осуществляющих, является самостоятельность органов судебной власти.

Принцип самостоятельности судебных органов, зафиксированный ст. 10 Конституции РФ и получивший развитие в других конституционных положениях и законодательных актах, выступает основой статуса судебной власти. Как верно отмечают исследователи, «самостоятельность судебной власти предполагает внешнюю и внутреннюю автономию с возможностями самостоятельности во всех аспектах организации и деятельности ее как ветви государственной власти» [2, с. 6]. У нее есть своя сфера реализации полномочий, своя сфера ответственности и свои возможности в сфере сдержек и противовесов, что исключает возможность концентрации власти, обеспечивает самостоятельное функционирование при неизменности взаимодействия с другими ветвями власти. Определение и реализация статуса судебной власти осуществляется в рамках ее взаимодействия с законодательной и исполнительной властью, отражающего менталитет народа, историю общественного развития, специфику российской правовой традиции и существующую правовую систему. Взаимодействием

с другими ветвями власти в значительной мере обусловлены сила и слабость судебной власти. Проблема состоит в определении границ этого взаимодействия, учете российской специфики в реализации доктрины разделения органов власти.

Очередной этап судебной реформы, оформившийся в обновленной Конституции РФ 2020 г., актуализировал вопрос неотъемлемости и всеобщности судебной защиты как конституционной ценности применительно к судебной власти в лице ее носителя – судьи. Эта актуализация обусловлена точечными корректировками конституционного текста (пункт «е» ст. 83, пункт «л» ст. 102), вводящими новый порядок прекращения полномочий судей высших звеньев судов по «порочащим» основаниям, а также в иных предусмотренных законом случаях. Полномочия этих судей прекращаются Советом Федерации РФ по представлению президента РФ. Важно отметить, что созданный механизм не предусматривает возможность судьи реализовать конституционное право на судебное обжалование такого решения.

В целом создание нового механизма прекращения полномочий судей высших звеньев судов, перевод его с ведомственного на общегосударственный уровень представляется мерой своевременной, отвечающей требованиям укрепления государственных начал, повышения уровня ответственности органов государственной власти в целом. Вместе с тем очевидно, на наш взгляд, что корректировка механизма прекращения полномочий судей высших звеньев судов порождает конфликтогенность, выражающуюся в коллизии с конституционными положениями, закрепляющими права и свободы человека и гражданина как высшую ценность. Конституционный суд в заключении от 16 марта 2020 г. № 1–325 разрешил эту коллизию, указав, что «наделение соответствующи-

ми полномочиями Совета Федерации и Президента Российской Федерации не может рассматриваться как несовместимое со ст. 10 Конституции Российской Федерации, ..., принимая во внимание, что в соответствующей процедуре участвуют Президент Российской Федерации и законодательная власть в лице Совета Федерации и она, во всяком случае, не допускает немотивированного и ничем не обоснованного прекращения полномочий судей...»¹. Мы усматриваем некую парадоксальность довода, высказанного Конституционным судом РФ в данном заключении в контексте ретроспективного анализа правовой позиции Конституционного суд РФ по этому вопросу. На заре демократического периода развития России Конституционный суд РФ исключил любую возможность ограничения гражданина в праве на судебную защиту: «Согласно Конституции РФ это право не может быть ограничено. ... Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с целями ограничения Конституции РФ (указанными в ч. 3 ст. 55 – В. О.) следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено... к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах»². В дальнейшем, Конституционный суд РФ определил условия, при которых возможно досрочное прекращение полномочий судьи, совершившего поступок, порочащий честь и достоинство, а именно: гарантированное участие органа судейского сообщества и справедливость процедуры рассмотрения

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3.

² По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна: постановление Конституционного суда РФ от 03.05.1995 № 4-П.

дела¹. В контексте рассматриваемой проблемы наиболее значимо второе условие.

Эволюция правовой позиции Конституционного суда проявилась, по сути, в уклонении от выражения своей позиции, что свидетельствует, на наш взгляд, о его поддержке столь востребованного сегодня выстраивания нового баланса в системе конституционных ценностей, прежде всего паритета ценностей государственности и прав и свобод человека и гражданина, пронизывающего все сферы конституционно-правового регулирования.

Оценивая в более широком плане обсуждаемые изменения и ряд других поправок, а также высказанные Конституционным судом позиции в заключении от 16 марта 2020 г. № 1–325, мы можем поддержать вывод, что развитие российской государственности продолжается с ориентиром на концепцию государства национальной безопасности, а не прав человека [20, с. 336]. Оценка специфики взаимосвязи, воспроизведение баланса публичного и частного является на сегодня главным вызовом для теории и практики современного российского конституционализма.

Вместе с тем признание обусловленности развивающихся процессов не отрицает, на наш взгляд, продолжения поиска компромиссных и конкретных путей формирования баланса обсуждаемой совокупности конституционных ценностей в сфере судебной власти. Возможно скорректировать принятые во исполнение конституционных новаций исполнительные нормативные акты, разработавшие регламенты, реализующие новую правовую реальность в части ответственности судей. В процессе прекращения полномочий судьи следует

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 21, 22 и 26 Федерального закона "Об органах судебного сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Г. Н. Белюсовой, Г. И. Зиминой, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой: постановление Конституционного суда РФ от 28. 02. 2008 г. № 3-П.

выделить две составляющих: инициирование вопроса о лишении статуса судьи и решение этого вопроса. Органы судейского сообщества должны быть институционально и процессуально включены в инициирование процедуры лишения статуса с функцией большого жюри в виде формулирования обвинения (вынесения импичмента судье) с рекомендацией рассмотрения на заседании Совета Федерации РФ [13, с 29]. Последнее должно быть организовано в виде парламентского расследования с необходимыми элементами судебного процесса. Только в таком случае, на наш взгляд, конституционная новелла может рассматриваться как некая аналогия порядка отрешения от должности, хорошо известного в правовой доктрине как импичмент и давно уже реализованного на практике, например в США. Без такой конкретизации в законе аналогии не просматривается, несмотря на подобные отсылки некоторых уважаемых разработчиков обновленной Конституции РФ [19].

В современных условиях актуализируются другие конституционно значимые аспекты реализации права гражданина на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ), вплоть до обращения в межгосударственные органы, при условии исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты. Разрыв наших отношений с Советом Европы и выход из-под юрисдикции ЕСПЧ не должен сокращать весь спектр возможностей граждан на судебную защиту. Идущие дискуссии вокруг возможностей создания евразийской альтернативы ЕСПЧ должны завершиться принятием конкретных институциональных и правовых шагов.

Конституирование нового порядка прекращения полномочий судей высших судебных звеньев объективно поставило вопрос формирования нового вида правовой ответственности судей – конституционно-правовой

ответственности. Можно говорить о содержательном введении конституционной ответственности судей при отсутствии ее легального закрепления. Приобретение ею категориальной определенности, на наш взгляд, требует согласованной деятельности законодательных органов и научного сообщества [14]. Предстоит доктринальная разработка этого явления, включая согласование с существующим и получившим достаточно обстоятельную разработку другим видом правовой ответственности судей, а именно дисциплинарной ответственностью.

Основой нового вида правовой ответственности явилось формирование нового механизма прекращения полномочий судей высших судебных звеньев, вписанного в модель ответственности государственной власти перед обществом, соблюдения взаимосвязанных интересов государства и общества. Их интересы состоят в справедливом и нравственном отпращивании правосудия, в защите общественно-личных и государственных ценностей. Этим определяется содержание конституционно-правовой ответственности, определенное предельно широко, а именно: действие или бездействие судьи, порочащее его честь и достоинство. Если интересы общества не соблюдаются, то высшее должностное лицо страны вправе поставить вопрос перед представительной властью об отрешении судьи от должности. Механизм конституционно-правовой ответственности судей высших судов, таким образом, выводится за пределы собственно судейского сообщества на общегосударственный уровень.

Заключение

Выработка содержания и развитие иерархии конституционных ценностей остаются теоретически значимой проблемой становления российского конституцио-

нализма, практически значимой проблемой государственного строительства. Конституционные ценности обладают серьезной регулятивно-юридической значимостью в развитии судебной власти. Конституционная реформа 2020 г. существенно умножила ценности, в частности отражающие «публичную сторону жизнедеятельности», корректируя их иерархию. Судебная власть является сферой проявления возникающих коллизий в развивающейся иерархии конституционных ценностей, и играет важную роль в поддержании баланса конституционных ценностей.

Список литературы

1. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6. – № 2 (22). – С. 73–91. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91.
2. Анишина В. И., Гаджиев Г. А. Самостоятельность судебной власти // Общие-ственные науки и современность. – 2006. – № 6. – С. 5–14.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; Инфра- М. 2011. – 544 с.
4. Бондарь Н. С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Серия «Библиотека судебного конституционализма». – Вып. 9. – М.: Юрист, 2018–83 с.
5. Бондарь Н. С. Феномен ценностей в современном конституционализме: основные измерения // Социология и право. – 2011. – № 2. – С. 5–7.
6. Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 3 (160). – С. 11–26.
7. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 3–17.
8. Гессен В. М. О правовом государстве. – СПб., 1906. – 62 с.
9. Зиммель Г. Философия денег // Теория общества: сборник / пер. с нем., англ. / Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. – 355 с.
10. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. – М.: Юрист. 2010. – 291 с.
11. Мамонов В. В. Конституционные ценности современной России // Вестник СГЮА. – 2013. – № 4 (93). – С. 125–132.
12. Мужиченко А. В. Правовое регулирование конституционных ценностей в системе российского права // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 174–182.

13. Очередыко В. П. Правовое государство и судебная власть: рассуждения в контексте обновленной Конституции РФ // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 22–30.

14. Очередыко В. П., Софронова К. А. Конституционно-правовая ответственность в системе юридической ответственности судей // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 52–57.

15. Панюшкин В. А., Шабанов П. Н. Конституционные основы независимости судебной власти // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 160–165.

16. Снежко О. А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2 (51). – С. 13–19.

17. Тонконогов А. В. К вопросу о самостоятельности органов судебной власти Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 125–132.

18. Третьяк И. А. Конституционно-конфликтная диагностика поправок о новых требованиях к кандидату на должность Президента Российской Федерации // Вестник СГЮА. – 2021. – № 3 (140). – С. 38–48.

19. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма, 2020. – 239 с.

20. Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2021. – 580 с.

21. Ширепов С. В. Понятие принципа независимости судебной власти // Новый юридический вестник. – 2023. – № 3 (42). – С. 86–89.

References

1. Avdeev, D. A. (2020) *Konstitucionno-pravovye cennosti: ponyatie, vidy i ierarkhiya* [Constitutional and legal values: concept, types and hierarchy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya – Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. Vol. 6. No. 2 (22). Pp. 73–91. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91. (In Russian).

2. Anishina, V. I., Gadzhiev, G. A. (2006) *Samostoyatel'nost' sudebnoj vlasti* [Independence of judicial power]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost – Social sciences and modernity*. No. 6. Pp. 5–14. (In Russian).

3. Bondar, N. S. (2011) *Sudebnyj konstitucionalizm v Rossii v svete konstitucionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma; Infra-M. (In Russian).

4. Bondar, N. S. (2018) *Konstituciya Rossii v sovremennuyu ehpokhu global'nykh peremen: ot politicheskikh illyuzij k yuridicheskomu realizmu* [The Constitution of Russia in the Modern Era of Global Change: from Political Illusions to Legal Realism]. Seriya «Biblioteka sudebnogo konstitucionalizma». Issue. 9. Moscow: Yurist. (In Russian).

5. Bondar, N. S. (2011) *Fenomen cennostej v sovremennom konstitucionalizme: osnovnye izmereniya* [The phenomenon of values in modern constitutionalism: the main dimensions]. *Sociologiya i pravo – Sociology and law*. No. 2. Pp. 5–7. (In Russian).

6. Burla, V. M. (2024) «Konstitucionnye cennosti» kak nauchnaya kategoriya: problemy definicii, formalizacii, sistematizacii [Constitutional values" as a scientific category: problems of definition, formalization, systematization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current problems of Russian law*. Vol. 19. No. 3 (160). Pp. 11–26. (In Russian).

7. Gadzhiev, G. A. (2012) Konstitucionno-pravovoe konceptual'noe prostranstvo i ego cennosti [The constitutional and legal conceptual space and its values]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki – Right. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 3–17. (In Russian).

8. Gessen, V. M. (1906) *O pravom gosudarstve* [About the rule of law]. Saint Petersburg. (In Russian).

9. Zimmel', G. (1999) Filosofiya deneg [Philosophy of money]. *Teoriya obshchestva* [Theory of society. Collection]. Sbornik/ Per. s nem., angl./ Vstup. stat'ya, sost. i obshchaya red. A. F. Filippova. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole. (In Russian).

10. Kashepov, V. P. (2010) (ed.) *Konstitucionnye principy sudebnoj vlasti Rossijskoj Federacii* [Constitutional principles of the judicial power of the Russian Federation]. Moscow: Yurist". (In Russian).

11. Mamonov, V. V. (2013) Konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii [Constitutional values of modern Russia Bulletin of the SSYAA]. *Vestnik SGYUA – Bulletin of the SSYAA*. No. 4 (93). Pp.125–132. (In Russian).

12. Muzhichenko, A. V. (2023) Pravovoe regulirovanie konstitucionnykh cennostej v sisteme rossijskogo prava [Legal regulation of constitutional values in the Russian legal system]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*. No. 1. Pp. 174–182. (In Russian).

13. Ochered'ko, V. P. (2022) Pravovoe gosudarstvo i sudebnaya vlast': rassuzhdeniya v kontekste obnovlennoj Konstitucii RF [The Rule of law and the judiciary: reflections in the context of the updated Constitution of the Russian Federation]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*. No. 9. Pp. 22–30. (In Russian).

14. Ochered'ko, V. P., Sofronova, K. A. (2021) Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' v sisteme yuridicheskoj otvetstvennosti sudej [Constitutional and legal responsibility in the system of judicial responsibility of judges]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. Pp. 52–57. (In Russian).

15. Panyushkin, V. A., Shabanov, P. N. (2013) Konstitucionnye osnovy nezavisimosti sudebnoj vlasti [Constitutional foundations of judicial independence]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process – Judicial power and criminal procedure*. No. 2. Pp. 160–165. (In Russian).

16. Snezhko, O. A. (2005) Pravovaya priroda konstitucionnykh cennostej sovremennoj Rossii [The legal nature of the constitutional values of modern Russia]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. No. 2 (51). Pp. 13–19. (In Russian).

17. Tonkonogov, A. V. (2020) K voprosu o samostoyatel'nosti organov sudebnoj vlasti Rossijskoj Federacii [On the question of the independence of the judicial authorities of the Russian Federation Law and law]. *Zakon i pravo – Law and law*. No. 1. Pp. 125–132. (In Russian).

18. Tret'yak, I. A. (2021) Konstitucionno-konfliktnaya diagnostika popravok o novykh trebovaniyakh k kandidatu na dolzhnost' Prezidenta Rossijskoj Federacii [Constitutional conflict diagnostics of amendments on new requirements for a candidate for the post of President of the Russian Federation]. *Vestnik SGYUA – Bulletin of the State Duma of the Russian Federation*. No. 3 (140). Pp. 38–48. (In Russian).

19. Khabrieva, T. YA., Kliskas, A. A. (2020) *Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii O popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti»* [Thematic Commentary to the Law of the Russian Federation On the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"]. Moscow: Norma. (In Russian).

20. Shajo, A., Uitic, R. (2021) *Konstituciya svobody: vvedenie v yuridicheskij konstitucionalizm* [Constitutional principles of the judicial power of the Russian Federation]. Moscow: In-t prava i publichnoj politiki. (In Russian).

21. Shirepov, S. V. (2023) *Ponyatie principa nezavisimosti sudebnoj vlasti* [The concept of the principle of judicial independence]. *Novyj yuridicheskij vestnik – New Legal Bulletin*. No. 3 (42). Pp. 86–89. (In Russian).

Об авторе

Очередько Виктор Пантелеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик РАН, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-9315-3457, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

About the author

Viktor P. Ocheredko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-9315-3457, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.07.2025
Принята к публикации: 05.08.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 07 July 2025
Accepted: 05 August 2025
Published: 29 September 2025

Понятие и сущность внутреннего финансового аудита

Ю. М. Литвинова,¹ Е. А. Шпитальная²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Администрация Красносельского района Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Внутренний финансовый аудит выступает в качестве важнейшего элемента в структуре системы государственного финансового контроля Российской Федерации. Его основной задачей является выявление и снижение бюджетных рисков непосредственно в ходе исполнения бюджетных процедур, что подчеркивает его превентивный характер. В данном контексте координация между финансовым контролем и аудитом, а также выявление особенностей внутреннего финансового аудита становятся особенно значимыми для бесперебойной работы государственных финансовых институтов. На основе проведенного анализа нормативной базы и теоретических исследований выявлены признаки внутреннего финансового аудита, сформулированы функции и модели его организации, предложено авторское определение внутреннего финансового аудита.

Ключевые слова: аудит, финансовый контроль, бюджетные процедуры, бюджетные риски.

Для цитирования: Литвинова Ю. М., Шпитальная Е. А. Понятие и сущность внутреннего финансового аудита // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 102–121. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_102. EDN: PRYENY

The Concept and Essence of Internal Financial Audit

Luliia M. Litvinova¹, Elena A. Shpitalnaya²

¹Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

²Administration of Krasnoselsky District of St. Petersburg,
Saint Petersburg, Russian Federation

Internal financial audit acts as the most important element in the structure of the state financial control system of the Russian Federation. Its main task is to identify and reduce budget risks directly during the execution of budget procedures, which emphasizes its preventive nature. In this context, coordination between financial control and audit, as well as identifying the features of internal financial audit become especially important for the smooth operation of state financial institutions. Based on the analysis of the regulatory framework and theoretical research, the signs of internal financial audit are identified, the functions and models of its organization are formulated, and the author's definition of internal financial audit is proposed.

Key words: audit, financial control, budgetary procedures, budgetary risks.

For citation: Litvinova, I. M., Shpitalnaya, E. A. (2025) Ponyatie i sushchnost' vnutrennego finansovogo audita [The Concept and Essence of Internal Financial Audit]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 102–121. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_102. EDN: PRYENY

Введение

Вопросы внутреннего финансового аудита (далее – ВФА) и внутреннего финансового контроля (далее – ВФК) исследовались многими отечественными и зарубежными авторами. Между тем осуществлению внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в правовой доктрине уделяется не так много внимания, а данные понятия во многом исследуются с позиций управления либо экономики и финансов.

На наш взгляд, необходимо провести разграничение данных понятий, поскольку они в некоторых случаях могут употребляться как синонимы.

К вопросу об определении понятия «внутренний финансовый аудит»

Взгляд Л. М. Калистратова на внутренний контроль (аудит) подчеркивает его роль как структурированной системы, реализуемой экономическими субъектами. Система функционирует с учетом интересов руководителей или собственников и регулируется внутренними нормативными документами. Главная задача системы – обеспечить точность и надежность внутреннего контроля. При этом особое внимание уделяется поддержанию порядка ведения бухгалтерского учета в плане удовлетворения запросов руководства и собственников. Основной акцент делается на сохранении порядка ведения бухгалтерского учета и обеспечении эффективности системы внутреннего контроля в удовлетворении потребностей руководителей или собственников. Иными словами, система построена таким образом, чтобы обеспечить прозрачность контроля финансовых операций, а также гарантировать, что все финансовые процессы ведутся согласно установленным правилам, а вся информация точна и достоверна [3, с. 256]. Внутренние документы

регламентируют все аспекты работы системы, начиная от первичной документации и заканчивая формированием отчетности. По мнению Ф. Б. Риполь-Сарагоси, внутренний финансовый аудит включает в себя непрерывный процесс наблюдения. Этот процесс направлен на мониторинг функционирования организации и проверку ее фактического состояния [9, с. 189].

Так, С. М. Бычкова подчеркивает, что внутренний аудит функционирует как жизненно важный элемент в более широкой структуре системы внутреннего контроля организации. Он сознательно структурируется и организуется руководством с основной целью тщательной проверки бухгалтерской отчетности и различной информации, связанной с контролем [1, с. 21]. Обращается внимание на понимание ВФА как инструмента всеобъемлющего контроля, а также на существующие проблемы, связанные с разграничением полномочий, организацией осуществления и взаимодействия различных форм внешнего контроля по отношению к объекту контроля [12, с. 1230].

Л. А. Сухарева и И. А. Ретюнских сходятся во взглядах, утверждая, что процесс внутреннего аудита в банке – автономное и беспристрастное мероприятие [13, с. 123]. Эта многогранная деятельность включает в себя как проверки, так и управленческие консультации. Главная цель – повысить и настроить операционную эффективность банка. Робертсон Дж. заявлял, что внутренний аудит играет важнейшую роль в качестве независимого контрольного показателя, специально разработанного для оценки и подтверждения эффективности деятельности компании [10, с. 26].

Также в экономической литературе отмечается, что «основная проблема в практическом применении состоит не в том, чтобы прояснить важность внутреннего аудита, а в том, чтобы определить, достиг ли он своей цели, которая определяется повышением эффективности работы

организации путем охвата всех затрат связанных с реализацией федеральных проектов. Международный опыт стандартизации деятельности подразделений внутреннего финансового аудита подтверждает, что необходимо разрабатывать единую методологию и методику на всех уровнях бюджетной системы» [5, с. 272–273]. В том числе особое внимание уделяется важности процесса стандартизации при разработке методов и приемов внутреннего финансового аудита [11, с. 410].

Частичное дублирование контрольных мероприятий, проводимых в рамках ревизии, а также затруднение оценки положительного влияния результатов внутреннего финансового аудита на повышение эффективности внутреннего финансового контроля и использования бюджетных средств называются в качестве проблемных вопросов [7, с. 42].

Кроме того, внутренний аудит можно рассматривать как функцию сотрудничества, а не просто инструмент надзора. В таком контексте он может значительно повысить эффективность работы организации. Данный аспект затрагивается в Лимской декларации руководящих принципов контроля, в которой отмечается, что «контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов, законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем»¹.

¹ Лимская декларация руководящих принципов контроля принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г.

Необходимо также упомянуть международные акты, содержащие положения об аудите. Так, хотелось бы обратиться к международным стандартам аудита. В ст. 1 Лимской декларации руководящих принципов аудита содержится определение аудита, который формулируется как «неотъемлемая часть системы регулирования», главной целью которой является выявление несоответствий с принятыми стандартами и нарушений следующих принципов деятельности по управлению финансами: законность, эффективность, результативность, экономичность. Таким образом, выполняя функции как финансового надзора, так и операционной поддержки, аудиторы играют важную роль связующего звена, которое усиливает подотчетность, не сковывая инициативу.

Цель и задачи внутреннего финансового аудита

В 2007 г. термин «внутренний финансовый аудит» был официально закреплен на законодательном уровне в Бюджетном кодексе Российской Федерации. В развитие системы внутреннего финансового аудита Правительством Российской Федерации 17 марта 2014 г. было принято Постановление № 193, направленное на изменение п. 1 Положения о проведении ведомственного контроля в сфере закупок с учетом федеральных требований. Первоначальный вариант Положения был утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации № 89 от 10 февраля 2014 г.¹

В последние годы многие государства изменили практику внутреннего аудита, сделав акцент на подходах, основанных на оценке рисков. Один из таких переходов произошел в России в 2018 г. Правительство РФ внесло

¹ О внесении изменения в пункт 1 Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89: постановление Правительства РФ от 17 марта 2014 г. № 193.

существенные концептуальные изменения в организацию внутреннего финансового аудита. В результате было установлено требование о проведении аудита с использованием методологии, основанной на оценке рисков. В рамках разработки нового подхода «бюджетные риски» были определены как события, которые могут негативно повлиять на внутренние процедуры бюджетирования. В качестве примера можно привести ошибки в документах, необходимых для бюджетных процессов, частичное укомплектование какого-либо подразделения или иные обстоятельства¹.

Модель аудита, основанная на оценке рисков, ориентирует бюджетное планирование на оценку этих бюджетных рисков. Аудиторы оценивают риски на основе предыдущих проблем, выявленных в ходе проверок регулирующих органов и других финансовых проверок. Значимость риска зависит от того, как часто и насколько серьезно проявлялись нарушения или недостатки в финансовой деятельности. Благодаря этой системе, внутренний аудит взял на себя координирующую роль по укреплению внутреннего контроля через системы управления рисками.

После внесения изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в 2019 г. для успешного проведения внутреннего финансового аудита Минфином России был принят ряд федеральных стандартов.

Согласно п. 2 ст. 160.2–1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, внутренний финансовый аудит проводится в целях оценки надежности системы внутреннего финансового контроля и разработки рекомендаций по ее организации. Подобно тому, как государственный аудит служит «системой раннего предупреждения» о возможных

¹ Методические рекомендации по оценке бюджетных рисков и ведению реестра бюджетных рисков: письмо Минфина России от 11.09.2023 № 02-10-08/1/86333.

ошибках в планировании и проблемах с расходованием средств, внутренний финансовый аудит выполняет важную превентивную функцию. Выявляя риски и проблемы в финансовом планировании и расходовании средств, внутренний аудит помогает обеспечить законность и соответствие бюджетных процедур.

Для получения точной информации группа внутреннего финансового аудита имеет право запрашивать документы, регулирующие финансовую деятельность организации, и проверять соответствие финансовой отчетности требованиям законодательства. По завершении аудиторских процедур отдел внутреннего финансового аудита должен подготовить заключение по результатам проверки и предложить рекомендации по устранению выявленных проблем.

Другими словами, внутренний финансовый аудит призван обеспечить надзор и гарантии для руководства в отношении исполнения бюджета и управления финансами. В частности, группа внутреннего аудита отвечает в том числе:

- 1) за оценку эффективности финансового контроля и подготовку точных выводов по бюджетной отчетности;
- 2) выработку рекомендаций по совершенствованию методов финансового управления и повышению эффективности расходования средств;
- 3) выдачу заключений о ходе выполнения предыдущих рекомендаций, направленных на повышение качества финансового управления.

Основная цель – оценить эффективность внутреннего финансового контроля, проверить точность бюджетных отчетов и повысить качество финансового управления [14, с. 34].

Внутренние финансовые аудиты проводятся специальными подразделениями, которые входят в структуру про-

веряемой организации. Такой аудит необходим для того, чтобы позволить руководству изучить и проанализировать фактическую ситуацию в организации и выявить финансовые риски (налоговые, юридические, экономические).

Внутренний финансовый аудит оценивает эффективность системы внутреннего контроля, включая проверку финансовой, управленческой, статистической и иной отчетности; с целью предвидеть ошибки как в планировании, так и в исполнении, обеспечивая легитимность бюджетных процедур, осуществляемых главным распорядителем бюджетных средств.

Функции и модели организации внутреннего финансового аудита

В процессе внутреннего аудита выявляются риски и нарушения в организации с целью снижения их уровня. Можно выделить следующие функции внутреннего финансового аудита:

1. Обеспечительная – обусловлена осуществлением в рамках ВФА глубокого анализа всей системы внутреннего финансового контроля. В данном случае особое значение имеет наличие критериев, установленных ведомственным (внутренним) актом, обеспечивающим осуществление ВФА. Реализация данной функции позволяет оценить эффективность функционирования механизма ВФА.

2. Информационно-аналитическая – сбор и анализ информации, полученной в ходе осуществления мероприятий ВФА, обеспечивает корректировку показателей, тесно взаимоувязан с функцией обратной связи. Также своевременно полученная достоверная информация нацелена на повышение эффективности ВФА.

3. Координирующая – в отношении внутреннего финансового контроля, оценивает надежность и эффективность

существующих механизмов финансового контроля; дает независимую оценку того, функционируют ли механизмы контроля так, как предполагалось, и при необходимости дает рекомендации по улучшению.

4. Функция обратной связи. Координация финансовых отношений происходит посредством применения системы управления рисками. Выполняя функции как финансового надзора, так и операционной поддержки, аудиторы играют важную роль связующего звена, которое усиливает подотчетность, не сковывая инициативу. В экономической литературе также зачастую обращается внимание на восприятие ведомственного контроля как средства обратной связи. При этом отмечается, что такая его роль позволяет обеспечить руководство информацией о состоянии объекта [2, с. 17].

5. Методологическая – способствует постоянному совершенствованию работы субъектов. Аудит нацелен не только на обнаружение недостатков, но и активное участие в разработке новых методик и процедур в соответствии с действующим законодательством. На основе анализа эффективности системы управления предлагаются рекомендации по оптимизации. В научной литературе обращается внимание на приобретение аудитом консультативного характера, что делает его еще более эффективным и целенаправленным [15, с. 99].

Внутренний аудит в данном случае это не только отношения по контролю, но и отношения партнерства, направленные на повышение эффективности деятельности субъекта в целом.

Руководство организации может по своему усмотрению решать, как будут выполняться функции внутреннего аудита. Для достижения своих целей организация должна создать модель внутреннего аудита и разработать методологию ее реализации. Традиционно выделяют три

возможные модели: 1) выделенный сотрудник, 2) выделенный отдел и 3) аутсорсинговый подход¹:

а) решение об образовании субъекта ВФА или выделении отдельной штатной единицы. В данном случае специальная группа аудиторов или отдельный специалист занимаются исключительно оценкой механизмов внутреннего контроля и соблюдения требований. Также данные полномочия могут быть распределены между несколькими структурными подразделениями;

б) в качестве альтернативы возможно принятие решения о самостоятельном выполнении руководителем главного администратора (администратора) бюджетных средств действий, направленных на достижение целей осуществления ВФА (упрощенное осуществление внутреннего финансового аудита). Возможно возложение обязанностей на нескольких должностных лиц.

Такой централизованный подход позволяет контролировать аудиторские проверки сверху вниз, но может влиять на независимость. Так, например, в 2020 г. Федеральное казначейство провело аналитические мероприятия в 30 субъектах Российской Федерации. В результате данных мероприятий был выявлен ряд нарушений принципа независимости ВФА. В подавляющем большинстве случаев (минимум 46 %) сотрудники, ответственные за внутренний аудит, одновременно участвуют в организации и проведении бюджетных процедур. Более того, в 9 % случаев вообще отсутствует отдел или лицо, отвечающее за ВФА, а в 21 % случаев обнаружено, что подразделение, проводящее ВФА, не подчиняется напрямую и исключительно руководителю главного администратора бюджетных средств граждан [4, с. 15]. Иные аналитические данные свидетельствуют также об отсутствии субъ-

¹ Об организации и передаче полномочий по осуществлению внутреннего финансового аудита: письмо Минфина России от 21 августа 2020 г. № 02-02-05/73579.

екта ВФА (или субъект образован, но в другой форме) [3 с. 11–12], либо о несоблюдении принципа функциональной независимости [6, с. 70];

в) третий вариант – принятие решения о передаче полномочий по осуществлению внутреннего финансового аудита – аудиторской группе или комиссии.

Для эффективного внутреннего аудита организации разрабатывают индивидуальные модели внутреннего контроля, учитывающие такие элементы, как организационная структура, распределение филиалов, масштаб и характер финансовой деятельности, а также присущие ей риски. Расчеты и учет этих факторов производятся в соответствии с экономическими интересами и экономической безопасностью организации. Выбор модели внутреннего аудита становится индивидуальным процессом, соответствующим особенностям и ситуации каждой организации¹.

Таким образом, внутренний финансовый аудит играет важнейшую роль в оценке эффективности и достоверности финансовой отчетности организации. Результаты аудита помогают выявить случаи несоблюдения законодательных и нормативных требований, а также предлагают рекомендации по улучшению управления финансовыми ресурсами. Благодаря аудиту обеспечивается соблюдение нормативных требований посредством выявления нарушений в целях улучшения организации финансового менеджмента.

Правовое закрепление внутреннего финансового аудита

Внутренний финансовый аудит играет важнейшую роль в обеспечении подотчетности и прозрачности государ-

¹ Герасимюк Э. В. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 47.

ственных учреждений. С помощью независимых и объективных оценок группы внутреннего аудита оценивают эффективность финансового контроля и дают рекомендации по укреплению управления.

Правовая основа внутреннего финансового аудита в России изложена в Бюджетном кодексе. Согласно ст. 160.2–1, аудит проводится для оценки различных аспектов управления финансами. Аудиторы анализируют надежность внутренних процессов для обеспечения соблюдения бюджетного законодательства. Комплексные проверки финансовой отчетности проводятся для подтверждения точности и соблюдения единой методологии учета. Результаты этих проверок помогают повысить качество бюджетного управления.

Основная цель заключается в оценке целостности систем и процедур, применяемых администраторами бюджета. Аудиторы оценивают, существует ли надлежащий контроль для выполнения уставных обязательств открытым и ответственным образом. Одной из сопутствующих целей является подтверждение того, что финансовая отчетность достоверно отражает использование ресурсов и соответствует стандартным протоколам. Результаты этих беспристрастных проверок повышают прозрачность управления государственными средствами.

Для того чтобы выделенные ресурсы были должным образом защищены и использовались разумно, необходимы надежный внутренний контроль и независимый надзор. Функция аудита обеспечивает дополнительный механизм, помимо самоконтроля, для независимой проверки финансовой практики. В то время как администраторы бюджета стремятся добросовестно выполнять свои обязанности, аудиторская проверка укрепляет принципы надзора, соответствия и подотчетности. В целом вну-

тренний аудит укрепляет управление государственными расходами на благо граждан [8, с. 487].

В последние годы наблюдается последовательное развитие регулирования бюджетного контроля в России. Основное внимание в законодательстве уделяется совершенствованию механизмов самоконтроля участников бюджетных правоотношений¹. Законом определены понятия и система субъектов внутреннего финансового аудита и мониторинга качества финансового менеджмента. Он направлен на усиление подотчетности и прозрачности в использовании государственных средств².

Кроме того, Федеральному казначейству поручено проанализировать, как руководители учреждений бюджетной сферы проводят внутренний финансовый аудит. В результате анализа будут выявлены лучшие практики и рекомендации по улучшению. Цель состоит в том, чтобы усилить надзор и обеспечить надлежащее использование средств.

Методика проведения анализа осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита³ содержит руководство по оценке того, как распорядители бюджетных средств проводят внутренний финансовый аудит. В ней указаны такие факторы, как соответствие стандартам, документированные процессы и процедуры отчетности.

Осуществление внутреннего финансового аудита соответствует федеральным стандартам, установленным

¹ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: федер. закон от 26.07.2019 № 199-ФЗ // СЗ РФ. № 30. Ст. 4101.

² О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: федер. закон от 26.07.2019 № 199-ФЗ // СЗ РФ. № 30. Ст. 4101.

³ Об утверждении Методики проведения анализа осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита: приказ Минфина России от 27 декабря 2019 г. № 1657.

п. 5 ст. 160.2–1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. В настоящее время Минфином России утверждены отдельные федеральные стандарты внутреннего финансового аудита, которые устанавливают систематизированную и стандартизированную основу для проведения внутреннего финансового аудита^{1,2,3,4,5,6}.

Внутренний финансовый аудит требует тщательности на всех уровнях. В соответствии с п. 5 ст. 160.2–1 Бюджетного кодекса РФ руководители учреждений бюджетной сферы, осуществляющих внутренний финансовый аудит, должны разработать внутренние нормативные документы, обеспечивающие соответствие аудита федеральным стандартам. Например, распоряжением Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга от 16 февраля 2023 г. № 8-п утверждены методические рекомендации по проведению внутреннего финансового аудита в комитете⁷. Надлежащий внутренний контроль и стандартизированные процессы имеют решающее значение для ответственного управления государственными средствами. Новый протокол аудита комитета опреде-

¹ Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Определение, принципы и задачи внутреннего финансового аудита: приказ Минфина России» от 21.11.2019 г. № 196н.

² Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Основания и порядок организации, случаи и порядок передачи полномочий по осуществлению внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 18.12.2019 № 237н.

³ Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Планирование и проведение внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 05.08.2020 № 160н.

⁴ Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Реализация результатов внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 22.05.2020 № 91н.

⁵ Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Права и обязанности должностных лиц (работников) при осуществлении внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 21.11.2019 № 195н.

⁶ Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Осуществление внутреннего финансового аудита в целях подтверждения достоверности бюджетной отчетности и соответствия порядка ведения бюджетного учета единой методологии бюджетного учета, составления, представления и утверждения бюджетной отчетности» и о внесении изменений в некоторые приказы Министерства финансов Российской Федерации по вопросам осуществления внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 1 сентября 2021 г. № 120н.

⁷ Об утверждении Регламента осуществления внутреннего финансового аудита в Комитете по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга: приказ Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга от 16.02.2023 г. № 8-п.

ляет процедуры и обязанности по оценке управления финансами и расходования выделенных средств.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей внутренний финансовый аудит, позволяет выявить следующие особенности. Так, на федеральном уровне правовое обеспечение ВФА представлено БК РФ и федеральными стандартами внутреннего финансового аудита, принятыми Минфином России; ведомственными¹ (внутренними) актами, а также организационно-распорядительными актами, принимаемыми на уровне субъектов ВФА².

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренний финансовый аудит является особой формой управления государственными финансами, направленной на проверку эффективности использования бюджетных средств или других государственных активов организациями, предотвращение финансовых нарушений, подтверждение достоверности бухгалтерского учета и финансовой отчетности.

Признаки внутреннего финансового аудита:

- выполняет координирующую роль в отношении внутреннего финансового контроля. Финансовый аудит оценивает надежность и эффективность существующих механизмов финансового контроля; дает независимую оценку того, функционируют ли механизмы контроля так, как предполагалось, и при необходимости дает рекомендации по улучшению;
- координация финансовых отношений происходит посредством применения системы управления риска-

¹ Пр.: Об организации и осуществлении внутреннего финансового аудита в Министерстве здравоохранения Российской Федерации: приказ Министерства здравоохранения РФ от 28.12.2020 г. № 1382

² Пр.: Об утверждении Положения об осуществлении в Комитете имущественных отношений Санкт-Петербурга внутреннего финансового аудита: Распоряжение Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 9.11.2022 г. № 219-р.

ми. Реагируя на риски, а также выполняя функции операционной поддержки, аудиторы играют важную роль связующего звена, которое усиливает подотчетность, не сковывая инициативу;

- среди прочих задач, осуществление внутреннего финансового аудита нацелено на обеспечение надежности, объединение усилий по снижению рисков;

- выявляя риски и проблемы в финансовом планировании и расходовании средств, внутренний аудит помогает обеспечить законность и соответствие бюджетных процедур, что обеспечивает поддержание стабильности, позволяя решать вопросы заблаговременно, до того, как они превратятся в системные проблемы;

- ВФА может рассматриваться как функция сотрудничества, а не просто инструмент надзора, он может значительно повысить эффективность работы организации;

- особенности нормативного регулирования обусловлены тем, что на федеральном уровне правовое обеспечение ВФА представлено БК РФ и федеральными стандартами внутреннего финансового аудита, принятыми Минфином России; ведомственными (внутренними) актами, а также организационно-распорядительными актами, принимаемыми на уровне субъектов ВФА.

Список литературы

1. Бычкова С. М. Аудиторская деятельность. Теория и практика. – СПб.: Лань, 2000. – 318 с.

2. Даниленко Н. И. Ведомственный (внутренний) финансовый контроль и аудит: эффективный инструмент управления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2015. – № 18 (378). – С. 17. EDN: UJJTAN

3. Емельянова М. В. Внутренний финансовый аудит по единым правилам // Политика, экономика и инновации. – 2021. – № 2 (37). – С. 11–12. EDN: EQYHBC

4. Исаев Э. А. Внутренний финансовый аудит: первые итоги анализа // Финконтроль. – 2020. – № 4 (22). – С. 15. EDN: WVPBPL

5. Калистратов Л. М. Аудит. – М.: Дашков и К°, 2017. – 256 с.

6. Лукашов А. И. Совершенствование внутреннего финансового контроля и аудита как механизмов повышения эффективности использования бюджетных

средств // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14. – № 6. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-59-73. EDN: WZUVIL

7. Мизиковский Е. А., Игонина Е. С. Критерии результативности внутреннего финансового аудита в органах внутренних дел // На страже экономики. – 2021. – № 2 (17). – С. 42. DOI: 10.36511/2588-0071-2021-2-41-46. EDN: YXZZVG

8. Петров А. М., Шнайдер В. В., Гаврилов Д. В. Внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит – инструменты устранения финансовых нарушений // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – № 4 (33). – Т. 9. – С. 272–273. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0064. EDN: WHRBNX

9. Риполь-Сарагоси Ф. Б., Реутов В. Ю. Внутренний аудит: организация и планирование. – Ростов н/Д.: Феникс, 2016. – С. 189.

10. Робертсон Дж. Аудит. – М.: Аудиторская фирма «Контакт», 1993. – С. 26.

11. Савина Н. В., Дуганова Е. А. Практическое применение методов и инструментов внутреннего финансового аудита // Управленческий учет. – 2024. – № 3. – С. 410. EDN: ATBIQD

12. Сикорская Л. В. Пути повышения эффективности осуществления внутреннего финансового аудита // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 1223–1236. DOI: 10.18334/ecsec. 4.4.113475 с. 1230.

13. Сухарева Л. А., Ретюнских Е. Б. Внутренний аудит международного департамента банка: методология, организация и методика: монография. – Донецк: ДонГУЭТ, 2005. – С. 123.

14. Трухина Н. В. Риск-ориентированный внутренний финансовый аудит в современной структуре государственного управления // Петербургский экономический журнал. – 2021. – № 3. – С. 34. DOI: 10.24412/2307-5368-2021-3-85-90. EDN: NQDRCA

15. Чистов И. В., Григорьев А. В. Внутренний финансовый аудит как инструмент повышения эффективности расходов бюджета на обеспечение обороноспособности государства // Военный академический журнал. – 2023. – № 2 (38). – С. 99. EDN: RBOTDR

References

1. Bychkova, S. M. (2000) *Auditorskaya deyatel'nost'. Teoriya i praktika* [Auditing Activities. Theory and Practice]. St. Petersburg: Lan'. (In Russian).

2. Danilenko, N. I. (2015) *Vedomstvennyj (vnutrennij) finansovyj kontrol' i audit: effektivnyj instrument upravleniya* [Departmental (Internal) Financial Control and Audit: an Effective Management Tool]. *Buxgalterskij uchët v byudzhethny'x i nekommercheskix organizacijax – Accounting in Budgetary and Non-profit Organizations*. No 18 (378). P. 17. (In Russian). EDN: UJJTAH

3. Emel'yanova, M. V. (2021) *Vnutrennij finansovyj audit po edinyim pravilam* [Internal Financial Audit According to Uniform Rules]. *Politika, ekonomika i innovacii – Politics, Economics and Innovation*. No 2 (37). – Pp. 11–12. (In Russian). EDN: EQYHBC

4. Isaev, E. A. (2020) *Vnutrennij finansovyj audit: pervye itogi analiza* [Internal Financial Audit: The First Results of The Analysis]. *Finkontrol' – Fin control*. No. 4 (22). P. 15. EDN: WVPFBL

5. Kalistratov, L. M. (2017) *Audit* [Audit]. Moscow: Dashkov i K°, 2017. P. 256.

6. Lukashov, A. I. (2022) *Sovershenstvovanie vnutrennego finansovogo kontrolya i audita kak mekhanizmov povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya byudzhethnyh sredstv* [Improvement of Internal Financial Control and Audit as Mechanisms for Increasing the Efficiency of Using Budget Funds]. *Finansovyj zhurnal – Financial Journal*. Vol. 14. No. 6. P. 70 (In Russian). DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-59-73. EDN: WZUVIL

7. Mizikovskij, E. A., Igonina, E. S. (2021) Kriterii rezul'tativnosti vnutrennego finansovogo audita v organah vnutrennih del [Criteria for The Effectiveness of Internal Financial Audit in The Internal Affairs Bodies]. *Na strazhe ekonomiki – On Guard of the Economy*. No. 2 (17). P. 42. (In Russian). DOI: 10.36511/2588-0071-2021-2-41-46. EDN: YXZZVG.

8. Petrov, A. M., SHnajder, V. V., Gavrilov, D. V. (2020) Vnutrennij finansovyj kontrol' i vnutrennij finansovyj audit – instrumenty ustraneniya finansovyh narushenij [Internal Financial Control and Internal Financial Audit – Tools for Eliminating Financial Violations]. *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie – Azimut Scientific Research: Economics and Management*. No. 4 (33). Vol. 9. Pp. 272–273. (In Russian). DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0064. EDN: WHRBNX

9. Ripol'-Saragosi, F. B., Reutov, V. YU. (2016) *Vnutrennij audit: organizaciya i planirovanie* [Internal Audit: Organization and Planning]. Rostov on Don: Feniks. P. 189. (In Russian).

10. Robertson, Dzh. (1993) *Audit* [Audit]. Moscow: Auditorskaya firma «Kontakt». P. 26. (In Russian).

11. Savina, N. V., Duganova, E. A. (2024) Prakticheskoe primenenie metodov i instrumentov vnutrennego finansovogo audita [Practical Application of Methods and Tools of Internal Financial Audit]. *Upravlencheskij uchët – Management Accounting*. No. 3. P. 410. (In Russian) EDN: ATBIQD

12. Sikorskaya, L. V. (2021) Puti povysheniya effektivnosti osushchestvleniya vnutrennego finansovogo audita [Ways to Improve The Effectiveness of Internal Financial Audit]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' – Economic Security*. Vol. 4. No. 4. Pp. 1223–1236. (In Russian). DOI: 10.18334/ecsec. 4.4.113475

13. Suhareva, L. A., Retyunskih, E. B. (2005) *Vnutrennij audit mezhdunarodnogo departamenta banka: metodologiya, organizaciya i metodika*: Monografiya [Internal Audit of The Bank's International Department: Methodology, Organization and Methodology: Monography]. Doneck: DonGUET. P. 123. (In Russian).

14. Truhina, N. V. (2021) Risk-orientirovannyj vnutrennij finansovyj audit v sovremennoj strukture gosudarstvennogo upravleniya [Risk-based Internal Financial Audit in The Modern Structure of Public Administration]. *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal – St. Petersburg Economic Journal*. No. 3. P. 34. (In Russian). DOI: 10.24412/2307-5368-2021-3-85-90. EDN: NQDRCA

15. Chistov, I. V., Grigor'ev, A. V. (2023) Vnutrennij finansovyj audit kak instrument povysheniya effektivnosti raskhodov byudzheta na obespechenie oboronosposobnosti gosudarstva [Internal Financial Audit as a Tool to Increase the Efficiency of Budget Expenditures to Ensure the Defense Capability of The State]. *Voennyj akademicheskij zhurnal – Military Academic Journal*. No. 2 (38). P. 99. (In Russian) EDN: RBOTDR

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Литвинова Юлия Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-0535-7602, e-mail: litvinovaym@gmail.com

Шпитальная Елена Александровна, Администрация Красносельского района, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1828-1701, e-mail: schpitalnaja@mail.ru

About the authors

Yulia M. Litvinova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-0535-7602, e-mail: litvinovaym@gmail.com

Elena A. Shpitalnaya, Administration of Krasnoselsky District of St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1828-1701, e-mail: schpitalnaja@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.07.2025

Принята к публикации: 11.08.2025

Опубликована: 29.09.2025

Received: 02 July 2025

Accepted: 11 August 2025

Published: 29 September 2025

Феномен времени в праве

М. Н. Пригон

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность статьи состоит в сформулированных выводах о свойствах времени в праве. Проанализирована правовая действительность как сложная динамическая система с уникальными свойствами. Рассмотрена возможность применения по аналогии исследования свойств времени в естественных науках. Обосновано наличие проблемных вопросов сущности времени в праве. Применение сформулированных выводов имеет перспективу дальнейшего междисциплинарного исследования феномена времени в праве.

Ключевые слова: время в праве, обратная сила закона, правовая действительность, системный подход.

Для цитирования: Пригон М. Н. Феномен времени в праве // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 122–137. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_122. EDN: QAYWDG

The Phenomenon of Time in Law

Maksim N. Prigon

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the article lies in the formulated conclusions about the properties of time in law. Legal actuality is analyzed as a complex dynamic system with unique properties. The possibility of applying the study of time properties in natural sciences by analogy is considered. The existence of problematic issues of the essence of time in law is substantiated. There is potential for the application of the formulated conclusions in further interdisciplinary research of the phenomenon of time in law.

Key words: time in law, retroactivity of law, legal actuality, systematic approach.

For citation: Prigon, M. N. (2025) Fenomen vremeni v prave [The Phenomenon of Time in Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 122–137. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_122. EDN: QAYWDG

Введение

Понятие времени используется в праве для установления момента возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей, исчисления сроков, установления юридических фактов, определения нормативного акта, применимого к правоотношениям сторон, при решении других юридических вопросов во всех отраслях права. Отсутствие обратной силы закона, невозможность изменить прошлое общепризнаны, вместе с тем остаются неисследованными вопросы о сущностных свойствах времени, причинах таких, как будто бы очевидных закономерностей времени.

Вопрос о свойствах времени является значимым для естественных наук, которые более, чем теория права, преуспели в исследовании феномена времени, установив связь течения времени и общих законов устройства окружающего мира. Представляет теоретический и практический интерес использовать междисциплинарный подход и определить применимость естественно-научных достижений в исследовании феномена времени в праве. Изучение сущности времени в праве позволяет выявить основные свойства данной категории, обогатить теорию права результатами естественных наук, поскольку человеческое общество является частью природы, общие законы которой действуют как на физические тела, так и на человека.

Время в теории права

Так, С. Г. Абрамовым время рассматривается как традиционная философская категория, определяется как «объективная длительность, порядок, направление событий» [1, с. 8] и предлагается учитывать при формулировании стратегий развития государства, законодательной деятельности. Е. А. Кочеткова приходит к выводу об объективной взаимосвязи и взаимовлиянии категорий «время» и «право», использует категорию «правовое время». Она полагает, что

«однолинейность в понимании течения времени в юриспруденции неприемлема, т. к. правовые предписания могут регулировать уже прошедшие юридические факты, приостанавливать течение времени, регламентировать правовые ситуации, которые мы только ожидаем», а также что «в отличие от физического мира время в праве может останавливаться, восстанавливаться, возвращаться назад, идти вперед на опережение» [9, с. 42–44].

В. Г. Голубцов и О. А. Кузнецова исследуют разные типы действия норм права во времени: перспективного, ретроактивного и ультраактивного, заключают, что «вступившая в юридическую силу норма права применительно к конкретным отношениям, правам и обязанностям может обладать либо перспективным (немедленным), либо ретроактивным (обратным) действием» [5, с. 351]. В. В. Плотников и В. В. Плотников приходят к выводу, что «классическая онтология права недооценивала темпоральный, динамический аспект права... фактическое несоответствие идеи права актуальному уровню правоотношений в обществе оценивалось как факт несовершенства мира» [12, с. 127] и отмечают, что «в современном пространстве философско-правовой мысли все более закрепляет свои позиции темпоральная онтология права... время перестает быть периферийным предметом философского познания, превращаясь в важнейший концепт новой парадигмы описания действительности» [4, с. 128].

Вопрос о возможности применения обратной силы закона рассматривался Конституционным судом Российской Федерации, допустимость применения обратной силы ставится в зависимость от субъектного состава участников правоотношений, указывается на возможность его применения преимущественно в отношениях между индивидом и государством в ин-

тересах человека, в отличие от правоотношений между физическими и юридическими лицами¹.

Правовая действительность как сложная динамическая система

С.С. Алексеев определяет правовую действительность как всю «совокупность юридических правовых явлений, существующих в обществе, в конечном счете выходящих на субъективные юридические права», выделяет в правовой действительности правовую систему, включающую три правовых явления: писаное право, юридическую практику (в первую очередь судебную), правовую идеологию [2, с. 83]. «Будучи явлением идеального порядка, право должно быть отнесено к явлениям объективной реальности... Посредством практического применения права субъектом, оно входит в область объективной реальности, кроме этого, для индивидуального сознания субъекта, других форм общественного сознания право проявляет себя как объективная социальная данность, которая существует независимо от мнения субъекта, позиций ученых правоведов» [2, с. 86].

Сложность правовых явлений обусловлена непосредственным участием в них человека, которому присуща свобода воли и который одновременно осознает право и руководствуется им (позитивная юридическая ответственность). И. Кант формулирует всеобщий правовой закон: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [7, с. 254]. Г. Гегель полагает, что «право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли» [4, с. 32].

¹ См. напр. По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого: постановление Конституционного суда РФ от 15.02.2016 № 3-П // Вестник Конституционного суда РФ. № 3. 2016.

В поведении человека в правовой действительности можно увидеть аналогию с динамикой сложных систем, изучаемых естественными науками. Результаты проявления свободной воли человека в правоотношениях имеют вероятностный характер, поскольку в момент принятия решения субъект выбирает одно действие из нескольких имеющихся вариантов, при этом основываясь на личных интересах и руководствуясь собственным правосознанием. Динамические системы в общем случае не обладают одной единственной траекторией, а имеют ансамбль состояний, соответствующих разным типам возможных траекторий, и вместо точки так называемого фазового пространства, описывающего состояние системы, в естественных науках используется понятие области фазового пространства [13, с. 234].

Система правовой действительности является предметом научных исследований в теории права. А. В. Петров и М. К. Горбатова определяют правовую реальность как «смешанный поток существенного и несущественного, необходимого и случайного, закономерного и стихийного, в котором действительное существует как сторона и потенция развития; этот смешанный поток образуется потому, что существенное в праве всегда является наряду с искаженными аномальными сторонами прав» [11, с. 21].

Естественные науки изучают биологические системы, поведение которых обусловлено сложным слаженным взаимодействием множества клеток или микроорганизмов. Правовая действительность отличается своеобразием и наличием уникальных составных частей, поскольку является не только социальной, но и политической системой. Органы судебной власти являются примером особенного института в правовой действительности, рассматривая уже состоявшиеся события, правоотношения на предмет соответствия законодательству. В сложных си-

стемах, изучаемых естественными науками, состоявшиеся события, например химическая реакция, либо процесс теплообмена, уже произошли в силу природных законов, применение которых не может быть пересмотрено впоследствии независимым «арбитром», вещества не имеют мнения о своих действиях в ходе химической реакции или распределения тепла. Напротив, толкование применимых нормативных актов сторонами спора имеет значение, поскольку, исходя из понимания закона, правосознания, стороны совершают действия, реализуют права и исполняют обязанности, а судебная система выносит свое собственное решение по спору, которое обязательно к исполнению, даже если стороны с ним не согласны.

Право является динамической системой. А. В. Корнев исследует трансформацию права, отмечает, что одной из причин изменений в праве являются противоречие, неустойчивость и разбалансировка системы, «в этом смысле право находится в постоянном движении» [8, с. 23]. Сложность системе правовой действительности обусловлена также несовершенством законодательной деятельности, в то время как законы природы не создаются человеком, а только открываются им. Актуальным направлением правовых наук остается выявление дефектов законодательства. А. А. Петров рассматривает недостатки вводных законов, сопровождающих принятие кодексов, отмечает, что обществу не всегда предоставляется достаточное время для «подготовки к трансформациям, которые олицетворяются новыми кодексами» [10, с. 20].

Направленность времени, обратимость и необратимость

Предметом изучения естественных наук являются как обратимые (классическая и квантовая динамика), так

и необратимые процессы (термодинамика). Наука не считает противоречием одновременное наличие в окружающем мире обратимости и необратимости. И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что «мы вынуждены принять плюралистический мир, в котором обратимые и необратимые процессы сосуществуют» [13, с. 229].

Обратимые явления в физическом мире позволяют человеку управлять множеством процессов прикладного значения, обеспечивают технический прогресс. Некоторые явления, изучаемые естественными науками, принципиально не могут быть обратимыми. Поскольку правовая действительность является частью окружающего мира, заслуживает отдельного внимания вопрос об обратимости во времени процессов, протекающих в правовой действительности.

Время в праве в большинстве процессов в правовой действительности имеет направленность, которую в естественных науках называют «стрела времени». Этот термин обозначает направленность времени и наличие в силу законов природы барьера, препятствующего обращению времени вспять. И. Пригожин и И. Стенгерс приходят к выводу, что «стрела времени ассоциируется с переходом из настоящего в будущее именно потому, что будущее не содержится в настоящем, и мы совершаем переход из настоящего в будущее» [11, с. 245].

В правовой действительности, как и в других областях окружающего нас мира, можно наблюдать как обратимые, так и необратимые процессы. Наиболее ярким примером стремления общества обратить время в праве может быть практика придания закону обратной силы. Согласно правовой позиции КС РФ о действии закона, «основным принципом существования его в времени является немедленное действие... обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые

возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида»¹.

Обращением хода времени в правовой действительности может рассматриваться расследование уголовного дела, где изучаются доказательства по делу, выясняется, имело ли место деяние, совершил ли его подозреваемый (обвиняемый, подсудимый), форма вины лица, совершившего это деяние, и другие обстоятельства дела. Наличие в судебной системе многоступенчатого механизма обжалования решения по уголовному делу, практическая осуществимость пересмотра решений, подтверждают сложность обратного хода времени и выяснения обстоятельств уже совершившихся событий. С точки зрения исследования обратимости времени в праве и состава правовой действительности представляют интерес процессуальные действия по определению обстоятельств, связанных с личностью подозреваемого, его внутренним отношением к содеянному, поскольку указанные обстоятельства находятся в сфере правосознания, а не в физическом мире.

Законодательство содержит механизмы внесения изменений в нормативный акт, признания нормативного акта утратившим силу, признания акта не соответствующим Конституции Российской Федерации, что может рассматриваться как стремление обратить во времени правовую действительность, но только отчасти, поскольку в период действия нормы права она уже регулировала правоотношения между субъектами и оставила свой «след» в правовой действительности.

При исследовании обратимости времени представляет интерес подход к пересмотру решений органов судебной власти, применяемый в случае признания

¹ По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики отказа в рассмотрении в судебном порядке трудовых споров об увольнении, разрешенных по действовавшему до 21 июня 1990 года законодательству о труде вышестоящими в порядке подчиненности органами: решение Конституционного суда РФ от 01.10.1993 № 81-р // Вестник Конституционного суда РФ. № 6. 1994.

КС РФ нормативного акта, либо отдельных его положений не соответствующими Конституции¹: решения могут быть пересмотрены по новым обстоятельствам². Новое обстоятельство, хотя и возникло после события, являвшегося предметом изучения в завершившемся судебном разбирательстве, фактически позволяет иначе рассматривать обстоятельства в прошлом в правовой действительности и по-другому квалифицировать событие, что позволяет предположить, по крайней мере о частичной обратимости хода времени.

Отдельные процессы в правовой действительности можно рассматривать как обратимые. Примером обратимого процесса может быть периодическое формирование выборного коллегиального органа государственной власти, которое в большинстве современных демократических государств является эффективным средством обеспечения народовластия. Обратимым может рассматриваться признание утратившей силу нормы права, к примеру признание утратившей силу ст. 129 УК РФ (клевета) Федеральным законом РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ. При этом обратимость проявляется лишь отчасти, поскольку изменение правосознания происходит по другим механизмам, а также в правовой действительности остаются «следы» утратившей силу нормы³.

В. А. Зелик и В. В. Чибизов отмечают дискуссионность теоретических и практических вопросов определения времени совершения преступления и действия обратной силы уголовного закона, сложность правоприменения, подчеркивают, что острая проблема возникает когда после совершения преступления уголовный закон изменился

¹ О Конституционном суде Российской Федерации: федер. конституционный закон РФ от 21.07.1994 // Российская газета. № 138–139. – 23.07.1994. ч. 1 ст. 87

² См. напр. ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

³ Состав преступления «клевета» вновь введен в УК РФ Федеральным законом РФ от 28.07.2012 № 141-ФЗ – новой ст. 128.1.

один или несколько раз. При этом, кроме положений закона, правовое значение приобретают разъяснения ВС РФ, которые могут начинать действовать как до, так и после вступления обвинительного приговора суда [6, с. 172–177].

И. А. Андреев заключает, что большая часть исследователей в области гражданского процессуального права придерживается позиции об отсутствии обратной силы гражданского процессуального законодательства и вместе с тем признается, что «обратная сила гражданского процессуального закона допускается, во-первых, в исключительных ситуациях, во-вторых, при наличии прямого указания об этом в нормативном акте» [3, с. 21]. Отметим возможность изменения общего правила «в исключительной ситуации» как уникальное отличие системы правовой реальности от иных сложных динамических систем, которые следуют законам природы и не могут решать, является ли их ситуация исключительной.

Необратимость процессов в правовой действительности обусловлена тем, что участником правоотношений является человек, соединяющий в себе как материальный физический мир, так и сферы, не входящие в мир материальных объектов, в том числе право, находящееся в сфере культуры, общественное правосознание. Необратимыми являются моральные или физические страдания человека (моральный вред), которые юридически могут быть компенсированы только в денежной форме в размере, определяемом судом, поскольку не представляется возможным восстановить положение, существовавшее до нарушения права, повлекшего моральный вред.

Непрерывность или дискретность времени

Время в праве преимущественно дискретно в том смысле, что для решения практических юридических вопросов, более значимы права, обязанности и от-

ветственность участников правоотношений в юридически значимые моменты начала и окончания дискретных сроков (исчисляемых часами, днями, месяцами и т. д.). При этом не требуется математически сформулированная функция динамического описания статуса в зависимости от момента времени, позволяющая рассчитать интересующий параметр системы в любой произвольный момент. В естественных науках представляют интерес именно такие функции с возможностью подставить значение параметра времени. Например, если необходимо получить координаты объекта в произвольный текущий момент, движущегося с известной скоростью, ускорением в заданном направлении от известного места в пространстве, для этого с помощью соответствующего математического аппарата определяется функция, подставляя в которую параметр времени, можно получить координаты объекта в этот момент, либо выполнять над этой функцией другие математические преобразования.

Естественные науки для исследования сложных систем, проявляющих свойства необратимости во времени, применяют математический аппарат, разработанный выдающимся русским математиком академиком А. А. Марковым, – так называемые марковские процессы. Моделирование динамики сложных систем на основе марковских процессов учитывает вероятностный характер многошаговых процессов эволюции сложных систем и позволяет прогнозировать направление и результаты эволюции.

Для изучения феномена времени в правовой действительности представляют интерес математические выводы о свойствах марковских процессов, поскольку проявление выявленных математически свойств сложных систем можно наблюдать в правовой действительности, например, что поведение системы по мере своей эволюции все меньше зависит от начальных условий. Допуще-

ние дискретности времени в праве поможет в дальнейшем упростить применимый математический аппарат.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- время в праве является существенным параметром правовой действительности, обладает сходством со временем в естественных науках, возможно применение междисциплинарного подхода к исследованию времени в праве; перспективой указанного подхода представляется дополнение теории права новыми подходами к объяснению явлений правовой действительности, возможности исследования динамических аспектов правоотношений;
- правовая действительность представляет собой сложную систему, в которой проявляется феномен времени, происходят как обратимые, так и необратимые процессы;
- в правовой действительности проявляется действие второго начала термодинамики, постулирующего в качестве закона природы существование энтропии, которая не может убывать, а только возрастает для необратимых процессов, либо остается неизменной для обратимых процессов;
- время в праве обладает направленностью, наблюдается так называемая «стрела времени», ограничивающая возможность обратить время вспять, природа устанавливает непреодолимый энтропийный барьер, не позволяющий восстановить прошлое состояние системы правовой действительности на основании ее состояния в настоящем;
- основным фактором, определяющим сложность системы правовой действительности, является участие в ней человека, обладающего свободой воли, участвующего в правоотношениях в собственных интересах, обладаю-

щего собственным правосознанием, руководствующегося в своих действиях нормами права;

- система правовой действительности обладает особенностями, отличающими ее от сложных систем в сфере внимания естественных наук, в том числе биологических систем, поскольку включает социальную и политическую сферу деятельности человека в обществе, а также право как часть сферы культуры; указанные особенности не упрощают, а наоборот, придают системе правовой действительности еще большую сложность;

- для изучения феномена времени в праве представляется перспективным применить математический аппарат, используемый в естественных науках;

- время в праве преимущественно является дискретной величиной, определяет юридически значимые сроки, исчисляемые по правилам, установленным нормами права;

- применение результатов естественно-научных исследований свойств времени позволяет объяснить правовой принцип «закон обратной силы не имеет» на основании свойств времени и общих законов устройства окружающего мира;

- феномен времени представляет интерес для дальнейшего теоретического исследования, поскольку позволяет с помощью междисциплинарного подхода, применяя результаты естественных наук, выявить свойства времени, особенности его проявления в правовой действительности, определить проявление законов устройства окружающего мира в сфере общественных отношений, урегулированных правом.

Список литературы

1. Абрамов С. Г. Действие современного права и философская категория «пространство-время» // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 2А. – С. 7–18.

2. Алексеев С. С. Теория права. – М., 1995. – 320 с.
3. Андреев И. А. Действие гражданского процессуального закона во времени по гражданскому процессуальному праву Российской Федерации // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 19–23. EDN: KCDHHG.
4. Гегель Г. Философия права. – М., 2021. – 292 с.
5. Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 348–371. EDN: WNKZYU
6. Зелик В. А., Чибизов В. В. Проблемы применения обратной силы уголовного закона // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина: сб. материалов международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2024. – С. 171–178. EDN: WJGHJP
7. Кант И. Сочинения в 8-и томах. Том 6. – М., 1994. – 613 с.
8. Корнев А. В. Трансформация права во времени и пространстве // Правосудие. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 14–32. EDN SJULFA
9. Кочеткова Е. А. Соотношение категорий право и время // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (51). – С. 42–46. EDN: URULUP
10. Петров А. А. Введение в действие федеральных кодексов: практика и проблемы законодательного обеспечения // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 1(104). – С. 16–24. EDN CNESoy
11. Петров А. В., Горбатова М. К. Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. № 9А. – С. 18–25. EDN: PSFZSX
12. Плотников В. В., Плотников В. В. Категория времени в онтологии права // Общество и право. – 2022. – № 4 (82). – С. 127–131. EDN: WBBENS
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 2003. – 310 с.

References

1. Abramov, S. G. (2018) Deistvie sovremennogo prava I filosofskaya kategoriya "prostranstvo-vremya" [The operation of modern law and philosophical category of "space – time"]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodno prava. – Matters of the Russian and International Law*. Vol. 8. No. 2A. Pp. 7–18. (In Russian).
2. Alekseev, S. S. (1995) *Teoriya prava* [The Theory of Law]. Moscow. (In Russian).
3. Andreev, I. A. (2022) Deistviye grazhdanskogo protsessual'nogo zakona vo vremeni po grazhdanskomu protsessual'nomu pravu Rossiyskoi Federatsii [The Effect of Civil Procedural Law in Time under the Civil Procedural Law of the Russian Federation]. *Problemy zaschity prav: istoria i sovremennost* [Problems of Rights Development]. Materials of the XVI International Scientific Practical Conference. Sankt-Peterburg. Pp. 19–23. (In Russian). EDN: KCDHHG
4. Gegel', G. (2021) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow. (In Russian).
5. Golubtsov, V. G., Kuznetsova, O. A. (2022) Tipy deistviya norm prava vo vremeni [Types of Action of Legal Norms in Time]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal sciences*. No. 57. Pp. 348–471. (In Russian). EDN: WNKZYU
6. Zelik, V. A., Chibizov, V. V. (2024) Problemy primeneniya obratnoi sily ugolovno go zakona [Problems of Retroactive Application of Criminal Law]. *Institutsional'nye osnovy ugolovno go prava RF: k 70-letnemu yubileyu professor V. P. Konyakhina*

[Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V. P. Konyakhin]. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Krasnodar. Pp. 171–178. (In Russian). EDN: WJGHJP

7. Kant, I. (1994) *Sochineniya v 8-i tomakh* [Works in 8 volumes]. Vol. 6. Moscow. (In Russian).

8. Kornev, A. V. (2023) Transformatsiya prava vo vremeni i prostranstve [Transformation of Law in Time and Space]. *Pravosudie*. Vol. 5. No. 3. Pp. 14–32. (In Russian). EDN: SJULFA

9. Kochetkova, E. A. (2022) Sootnoshenie kategoriy pravo i vremya [The co-relation between the categories of law and time]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii – Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*. No. 1 (51). Pp. 42–46. (In Russian). EDN: URULUP

10. Petrov, A. A. (2024) Vvedenie v deistviye federal'nykh kodeksov: praktika i problem zakonodatel'nogo obespecheniya [Enforcement of Federal Codes: Practice and Problems of Legislative Support]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Bulletin*. No. 1 (104). Pp. 16–24. (In Russian). EDN: CNESoy

11. Petrov, A. V., Gorbatova, M. K. (2023) Pravovaya deistvitel'nost i pravovaya real'nost: problem sootnosheniya [The Legal Actuality and Legal Reality: Problems of Co-relation]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of the Russian and International Law*. Vol. 13. No. 9A. Pp. 18–25. (In Russian). EDN: PSFZSX

12. Plotnikov, V. V., Plotnikov, V. V. (2022) Kategoriya vremeni v ontologii prava [The Category of Time in the Ontology of Law]. *Obschestvo i pravo – Society and Law*. No. 4 (82). Pp. 127–131. (In Russian). EDN: WBBENS

13. Prigozhin, I., Stengers, I. (2003) *Poryadok iz khaosa: novyi dialog cheloveka s prirodoy* [The Order from Chaos: New Dialogue Between Man and Nature]. Moscow. (In Russian).

Об авторе

Пригон Максим Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2282-4863, e-mail: mprigon@yandex.ru

About the author

Maksim N. Prigon, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2282-4863, e-mail: mprigon@yandex.ru

Поступила в редакцию: 04.06.2025
Принята к публикации: 01.07.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 04 June 2025
Accepted: 01 July 2025
Published: 29 September 2025

Рецепция латинской юридической терминологии в системах европейского (романо-германского) и российского публичного права

Р. А. Ромашов,¹ З. Ф. Сафин²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

В статье дается характеристика государственно-правовой системы Древнего Рима с акцентированием внимания на проблемных вопросах соотношения теоретического и прикладного, публичного и частного права, физических и юридических лиц, отношения к собственности и т. д. Обосновывается гипотеза «культурной совместимости» римской цивилизации с «постримскими» государственно-правовыми публичными формированиями (варварскими империями и королевствами), что позволило осуществить рецепцию римского права в формирующееся европейское, а это в свою очередь обеспечило придание латинской юридической терминологии статуса интернационального (мирового) языка публичного и частного права. Проводится сопоставление европейской (романо-германской) и российской правовых систем. Делается вывод об нетождественности европейского и российского публичного права. Последнее, представляя собой самостоятельное цивилизационное образование, не рецепировало, а экстраполировало латинскую юридическую терминологию, наполняя заимствуемые понятийные формы собственным, качественным образом отличающимся от аутентичного, содержанием.

Ключевые слова: государственно-правовая система, правовая семья, римское право, романо-германское право, система публичного права, латинская юридическая терминология, государство-цивилизация, рецепция, экстраполяция.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Сафин З. Ф. Рецепция латинской юридической терминологии в системах европейского (романо-германского) и российского публичного права // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 138–155. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_138. EDN: SECVYD

The Reception of Latin Legal Terminology in the Systems of European (Romano-German) and Russian Public Law

Roman A. Romashov¹, Zavdat F. Safin²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia

² Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

The article characterizes the state-legal system of "ancient" Rome, focusing on problematic issues of the relationship between theoretical and applied, public and private law, individuals and legal entities, attitudes towards property, etc. The hypothesis of the "cultural compatibility" of Roman civilization with "post-Roman" state-legal public formations (barbarian empires and kingdoms) is substantiated, which made it possible to implement the reception of Roman law into the emerging European one, and this, in turn, ensured that Latin legal terminology was given the status of international (world) the language of public and private law. A comparison of the European (Romano-German) and Russian legal systems is carried out. The conclusion is made about the non-identity of European and Russian public law. The latter, representing a self-sufficient civilizational education, did not synthesize, but extrapolated Latin legal terminology, filling the borrowed conceptual forms with its own, qualitatively different from the authentic content.

Key words: state-legal system, legal family, Roman law, Romano-Germanic law, public law system, Latin legal terminology, state-civilization, reception, extrapolation.

For citation: Romashov, R. A., Safin, Z. F. (2025) Retseptsiya latinskoy yuridicheskoy terminologii v sistemakh evropeyskogo (romano-germanskogo) i rossiyskogo publichnogo prava [The Reception of Latin Legal Terminology in the Systems of European (Romano-German) and Russian Public Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 3 (81). Pp. 138–155. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_138. EDN: SECYDI

Введение

Актуальность проблематики предопределившей выбор темы статьи объясняется ее научно-теоретической и практической значимостью. Правовая система, сложившаяся в древнеримском государстве, будучи разрушенной вместе с ним, частично «возродилась» путем рецепции в формирующееся буржуазное право отдельных институтов, принципов, категорий римского права. При этом названные фрагменты не просто «механически» переносились из одной социально-исторической культуры в другую, но адаптировались к ней тем самым приобретая новые существенные свойства (модернизируясь), не утрачивая, однако, своего первоначального значения.

Российская государственно-правовая система имперского типа сформировалась под влиянием европейской культуры. Французский язык выступал в качестве средства речевого общения дворянской элиты. Латынь изучалась в гимназиях и университетах как профессиональный язык юристов и медиков, в то время как древнегреческий язык служил в качестве лингвистической основы русского православия, противопоставляемого языку «католиков – латинян».

Формирование государства «нового исторического типа» – советской социалистической республики (РСФСР/СССР) повлекло за собой качественную переоценку места и роли России в процессе исторического развития человеческой цивилизации. Из «жандарма Европы»¹ и «оплота самодержавия». Советское государство превратилось в «локомотив коммунистического строительства» [2, с. 52–27] ведущего «все прогрессивное человечество» к «коммунистическому раю», который в отличие от «рая божественного» предполагалось создать в реальной «земной» жизни. Естественно, что при такой целевой

¹ Диунов М. Задушить революцию: как Россия стала жандармом Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://warhead.su/2020/06/06/zadushit-revolyutsiyu-kak-rossiya-stala-zhandarmom-evropy> (дата обращения: 03.05.2025).

установке необходимо было создавать новые, качественно отличные от «буржуазных» европейских аналогов государственно-правовые институты, а это в свою очередь повлекло создание первоначально национальной, а затем и мировой системы социалистического права, просуществовавшей вплоть до распада СССР (1991 г.).

Провозгласив себя «демократическим правовым государством» (ст. 1 Конституции РФ 1993 г.), Российская Федерация на новом этапе исторического развития, первоначально продемонстрировала свое стремление к восприятию и внедрению западных либеральных ценностей. С этим стремлением было связано понимание российской правовой системы в качестве составной части романо-германской правовой семьи и, как следствие, усиление интереса к проблемам рецепции римского права, рассматриваемого в контексте исторической предпосылки формирования вышеназванной системной общности. Однако изменения, связанные с переосмыслением процессов соотношения и взаимодействия России с коллективным Западом, обусловили отказ от идеи всемирной глобализации, основанной на доминировании западного «радикального неолиберализма»¹ путем противопоставления ей концепции национальной идентичности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях². В современных условиях проблема безусловного отнесения России к романо-германской (западноевропейской) правовой семье приобретает в достаточной степени дискуссионный характер, а это в свою очередь актуализирует проблему целесообразности рецепции латинской юридической термино-

¹ Путин раскритиковал «радикальный неолиберализм» Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1563752/2023-08-24/putin-raskritikoval-radikalnyi-neoliberalizm-zapada> (дата обращения: 03.05.2025).

² Путин нашел, что противопоставить ценностям Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YzrmwGeHKV8VmL7z> (дата обращения: 03.05.2025).

логии в национальную (русскую по своему языковому наполнению) правовую систему.

Теоретическая модель рецепции права

Понимание рецепции права как средства формирования и трансформации национальных правовых систем в отечественной теоретико-правовой науке носит неоднозначный характер. Так, З. М. Черниловский в своих рассуждениях о «миграции правовых норм» предлагает рассматривать рецепцию в качестве этапа «миграционного процесса», происходящего в странах, принадлежащих к одной общественно-экономической формации. По мысли ученого, следует разграничивать рецепцию (заимствование) правовой нормы, института, идеи у «государств – доноров» и их восприятие (иммиграцию) «государствами-реципиентами» [10, с. 139]. По мнению Н. В. Паршковой, в качестве рецепции права следует рассматривать «процесс восприятия в том или ином государстве элементов правовой системы другого государства», что основным вопросом при понимании рецепции является предметная область, определяющая, что подлежит заимствованию: «отдельные правовые институты, элементы юридической техники, практики правоприменительной деятельности и т.п.» [6, с. 47]. Автор полагает, что «В современной российской литературе рецепция рассматривается как безликий правовой инструмент по модернизации права» [6, с. 47]. На наш взгляд, нельзя согласиться ни с тем, что механизм рецепции может быть задействован исключительно в формационном контексте, ни с утверждением о его абстрагированной от национально-культурных особенностей «безличности». Безусловно, эффективность рецепции во многом определяется культурной «совместимостью» правовых систем го-

сударства – «донора» и государства – «реципиента». Однако говорить о том, что такая совместимость возможна исключительно в рамках одной формации, на наш взгляд, нельзя. Свою наибольшую известность в качестве средства национального правообразования рецепция получила применительно к заимствованию норм и принципов римского права, сформировавшегося в условиях рабовладельческой формации, европейскими государствами, относящимися к феодальной и буржуазной формациям, что наглядно свидетельствует о том, что рецепция возможна применительно к различным историческим типам государств. В свою очередь ошибочность утверждения об «обезличенности» рецепции права основывается на исторической школе правопонимания, в рамках которой национальное право представляет собой уникальный в своей содержательной сущности продукт социализации и аккумуляции, в своем возникновении и развитии аналогичный языку, уникальному и неповторимому для каждой национальной общности. Как и язык, национальное право заимствует у иностранных аналогов отдельные нормативные конструкции, принципы правотворческой и правоприменительной деятельности, средства и методы юридической техники и т. п.

Рассмотрение рецепции права в контексте теоретико-исторического моделирования целесообразно осуществлять в рамках системного анализа с выделением в качестве взаимосвязанных элементов: объекта и предмета, субъектного состава, содержательной составляющей [9, с. 5–12].

Объектом рецепции являются иностранные (иновременные) правовые системы с полным, либо частичным копированием которых связываются осуществляемые в рамках рецепционных коммуникаций заимствования.

Предмет рецепции в совокупности образуют фрагментарные проблемные блоки, посредством познания которых осуществляется конкретизированная и углубленная характеристика объекта. И объект, и предмет определяют целеполагания (общие и конкретные) рецепции, определяя тем самым ее направленность.

Субъектный состав общественных отношений в сфере рецепции представлен двумя сторонами – «донором» и «реципиентом». Такой точки зрения, в частности, придерживается Ю. Н. Фольгерова предлагающая рассматривать рецепцию права как «участие, по крайней мере, двух субъектов – правового донора (владельца правового опыта) и реципиента (государства, заимствующего опыт правового регулирования)»¹.

Основной проблемой в данной области является правосубъектность государства – «донора». В связи с этим следует хотя бы в общих чертах коснуться теоретического аспекта государственной правосубъектности. Как известно, правосубъектность включает две качественных составляющих – правоспособность и дееспособность. Считается, что у физических лиц эти качества разделены во времени (правоспособность возникает с рождения, дееспособность – с совершеннолетия, либо с возраста, законодательно установленного в качестве формального требования по той или иной должности). Кроме того, дифференцируется общая и специальная дееспособность. Применительно к государству его правосубъектность детерминирована таким специфическим признаком, как суверенитет [1, с. 39–40]. При этом внутренний суверенитет означает верховенство государственной власти в системе публичного управления, а внешний суверенитет предполагает признание государства на международной арене и его самостоятельность

¹ Фольгерова Ю. Н. Приемственность и рецепция в конкурсном процессе стран Западной Европы и России: историко-сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10.

в вопросах определения и реализации внешней политики. В современных условиях наряду с государствами, в статусе которых представлены как внутренний, так и внешний суверенитет существуют так называемые «непризнанные» государства (Абхазия, Турецкий Северный Кипр, Палестина и др.), которые вряд ли могут претендовать на роль «доноров». Также возникает вопрос о том, какой из субъектов выступает в качестве инициатора рецепции. Для того чтобы дать ответ, следует воспользоваться гипотезой, в соответствии с которой все государства подразделяются на «сверхдержавы» – государства имперского (цивилизационного) типа и не относящиеся к таковым [9, с. 30–33]. Последние находятся в сфере геополитических интересов «сверхдержав» и добровольно либо вынужденно заимствуют у них нормы и принципы государственного устройства и правопорядка. При этом «переход» из сферы влияния одной «сверхдержавы» к другой, влечет изменение в ценностных приоритетах, целеполаганиях и содержательных особенностях государственно-правовой рецепции.

Говоря о субъектном составе обусловленных рецепцией права общественных отношений, нельзя не остановиться на еще одном немаловажном обстоятельстве. Общеизвестно, что понимание правосубъектности непосредственным образом связано с восприятием субъекта в качестве «живого» (действующего). В свою очередь, представление о праве как о совокупности формальных источников, оказывающих результативное регулятивно-охранительное воздействие на поведение вовлеченных в правоотношения физических и юридических лиц, предполагает рассмотрение в качестве источника «правовой энергии» текстуального акта, наделенного «живущим» в данный исторический период государством действительной юридической силой. Правовые тексты, по тем или иным причинам не обладающие юридической силой,

в качестве юридических форм национального и международного права, по идее рассматриваться не должны. Вместе с тем пример рецепции римского права наглядно свидетельствует о том, что заимствоваться могут не только действующие на момент рецепции государственно-правовые институты, принципы, технологии, но и исторические артефакты, а также теоретические конструкции, которые вплоть до внедрения их в ту или иную нормативную систему, юридической силой не обладали. В качестве примеров последних можно привести конституционные проекты американских «отцов-основателей», при подготовке которых активно задействовались идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье. Наибольшую известность приобрела модель разделения властей и основанная на ней система сдержек и противовесов [11, с. 276–299], используемая вплоть до настоящего времени в конституционных конструкциях демократических правовых государств, к числу которых относится и Российская Федерация.

Содержание рецепции права складывается из разнонаправленных интересов, обусловленных статусным положением «донора» и «реципиента». Как ранее отмечалось, процесс рецепции может носить как добровольный, так и принудительный характер и соответственно предполагает возможность инициации каждой из сторон. Добровольная рецепция осуществляется по инициативе «реципиента», рассматривающего правовую культуру «донора» в качестве прогрессивной по отношению к собственной. При этом и «реципиент», и «донор» являются действующими субъектами, сосуществующими в «современном» контексте и совместимыми в социально-культурном и политико-правовом выражении. В том случае, если предметом рецепции выступают нормы и принципы архаических (не существующих в «настоящее время») государственно-правовых систем,

то в качестве целевой установки, которой в своем стремлении руководствуется «реципиент», декларируется «возврат к корням» и «возрождение традиции», сформированной «героическими предками».

Принудительная рецепция осуществляется «донором», который таким образом пытается осуществить правовую аккультурацию «реципиента» путем фактического «навязывания» ему с последующим принудительным обеспечением воспринимаемых в качестве «единственно верных» базовых принципов и ценностных приоритетов, на которых выстраивается соответствующая государственно-правовая система. При этом рассуждения «донора» относительно целесообразности и эффективности осуществляемой рецепции сводятся к одностороннему волюнтаризму: «Все мнения делятся на два: мое и неправильное».

В своем фундаментальном труде «Основные правовые системы современности» выдающийся французский компаративист Р. Давид обращает внимание на возможность сочетания добровольной и принудительной рецепции. В частности, по его утверждению: «В результате колонизации романо-германская система распространилась на обширные территории, где в настоящее время действуют правовые системы, принадлежащие к этой семье или родственные ей. Вместе с тем происходила и ее добровольная рецепция, в результате которой мы сталкиваемся с романо-германской системой в ряде стран, которые не были под господством европейцев, но куда проникали европейские идеи и где были сильны прозападные тенденции» [3, с. 41].

Исторические этапы рецепции латинской юридической терминологии в процессе генезиса системы европейского (романо-германского) права

Термин «правовая семья» ввел в юридический оборот ранее упомянутый Р. Давид, с «легкой руки» которого данный

фразеологический оборот вошел практически во все юридические словари современного мира. В наиболее общем понимании правовая семья означает совокупность национальных правовых систем, сходных как по формальным, так и по содержательным (традиционным) критериям.

Система европейского (романо-германского) права возникла как следствие стремления европейских стран к возрождению правовой традиции Великого Рима [7, с. 12–16]. Причем тот исторический факт, что римская государственная цивилизация была разрушена «варварскими народами», инициировавшими впоследствии рецепцию римского права, апологетами романо-германской правовой семьи рассматривается не как деструктивный, а как конструктивный фактор, сыгравший роль культурно-правового «катализатора», обусловившего трансформацию «римской государственной цивилизации» в европейскую (романо-германскую).

По мнению Р. Давида, формирование европейской (романо-германской) правовой семьи было связано с появлением и активным «включением» в процессы политико-правового развития «европейских университетов, которые выработали и развили, начиная с XII в. на базе кодификации императора Юстиниана, общую для всех юридическую науку, приспособленную к условиям современного мира» [3, с. 41].

Главенствующим средством, используемым в процессе создания семьи европейского (романо-германского) права, являлась латинская юридическая терминология, выступавшая одновременно и в качестве «строительного материала», и «скрепляющего раствора» во образуемой интернациональной правовой общности. Отдельные латинские термины – *lex* (закон), *ius publicum et privatum* (публичное и частное право), *praecedens iudiciale* (судебный прецедент), *casus delicti* (противоправное деяние),

particeps criminis (соучастник преступления), *poena ultima* (высшая мера), *veto* (персонифицированный запрет, к примеру президентское вето) и др., были задействованы при подготовке и принятии законов, ставших основными юридическими формами европейского права [4, с. 346–350].

В неразрывной связи с латинской терминологией находилась фразеология римского права, ставшая в прямом смысле этого слова неиссякаемым кладезем правовой мудрости для многих поколений юристов: *iustitia fundamentum regnōrum* (юстиция – фундамент государства), *non bis ad eadem rem sit actio* (нельзя дважды наказывать за одно деяние), *sublātā causā tollitur effectus* (с устранением причины устраняется следствие), *consuetūdo est optimum interpres legum* (традиция – лучший толкователь законов), *nemo iudex in propria causa* (никто не судья в собственном деле), *dura lex, sed lex* (закон суров, но это закон). Эти и другие «крылатые» выражения продолжают оставаться актуальными и значимыми и в юридической науке, и в образовании, и в практике правотворческой и правоприменительной деятельности.

Говоря о рецепции латинской терминологии и фразеологии в европейское право как о явлении, развивающемся во времени, пространстве и по кругу лиц, представляется возможным выделять следующие этапы (эпохи): эпоху глоссаторов, эпоху комментаторов (интерпретаторов), эпоху кодификаторов [5, с. 5–23]. Полагая системный анализ выделенных этапов предметом самостоятельного научного исследования, в рамках данной статьи нами будет дана лишь обобщенная их характеристика, целью которой является выстраивание логической последовательности задействования латинской терминологии в процессе генезиса европейского права, продолжавшегося около 600 лет (с XII по XVIII в.). При этом несмотря на то что «исходным материалом» рецеп-

ции на всех ее этапах являлись римские дигесты, представляющие собой сборники обобщений конкретных судебных дел, а также выводы и позиции выдающихся римских юристов, восприятие и, что самое главное – практическое применение этих источников римского права носило неоднозначный характер.

Глоссаторы рассматривали дигесты в качестве своего рода «догматических канонов», информация о которых принималась и передавалась подобно тому, как воспринимались религиозные догматы, с той лишь разницей, что на месте жрецов и монахов находились университетские профессора, которые вели преподавание на латыни, при этом основной «преподавательской методикой» было механическое заучивание студентами, с последующими пересказом преподавателям положений дигестов, воспринимаемых в качестве не подлежащих интерпретации и, уж тем более, критике аксиоматических конструкций.

В эпоху интерпретаторов дигесты рассматривались в качестве первоисточников, практическое значение которых обуславливалось расширительным толкованием, имевшем целью адаптацию исторических артефактов к изменившимся политико-правовым реалиям.

Следует отметить, что и глоссаторы, и интерпретаторы рассматривали дигесты, а значит и латинскую терминологию, в качестве средств преимущественно образовательной и научной деятельности. Ситуация качественным образом меняется, когда институты и принципы римского права начинают рассматриваться в качестве нормативных элементов кодифицированных нормативно-правовых актов, послуживших основой романо-германской правовой семьи и в подобном качестве сохраняющих свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Латинская юридическая терминология и римская правовая традиция в генезисе российской государственно-правовой системы

В истории российской государственно-правовой системы следует выделять три самостоятельных циклических этапа: имперский, советский, постсоветский. С учетом того, что предложенная Р. Давидом классификация была впервые представлена в 60-х гг. XX в., когда мир был «разделен» между двумя системными формированиями – капитализмом и социализмом, выраженным в одноименных государственно-правовых системах, романо-германская правовая семья, как и англосаксонская, рассматривалась в качестве форм выражения буржуазного (капиталистического) права. Противопоставляемое буржуазному социалистическое право рассматривалось Р. Давидом как самостоятельная, а значит «не европейская» система, в основу которой были положены не реципируемые, а экстраполируемые латинские термины и фразеологические формы, наполняемые в условиях советской политико-правовой действительности отличным от аутентичного римского права содержанием. Суть этих отличий обозначил «отец – основатель» советской государственно-правовой системы В. И. Ленин. В своем получившем широкую известность письме наркому юстиции Д. И. Курскому он четко обозначил свое отношение к классическому гражданскому праву: «Не перенимать старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать... *новое* гражданское право, новое отношение к "частным" договорам и т. п. Мы ничего "частного" не признаём, для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹.

Распад социалистической правовой семьи повлек формальное «переименование» российского права,

¹ Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому 20.02. 1922 г. «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220313230518/http://libelli.ru/works/44-1.htm> (дата обращения: 03.05.2025).

которое, перестав быть «социалистическим», в настоящее время идентифицируется как «романо-германское» (европейское). На наш взгляд, с такой характеристикой можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, Европа как важнейший системный элемент коллективного Запада, по определению, не может выступать в качестве «образца для подражания». Во-вторых, Россия как «самобытное государство-цивилизация»¹ формирует собственную правовую систему, не противопоставляемую европейской, однако не тождественную ей. Наконец, в-третьих, современное российское право основывается на собственной традиции «Российской Федерации с ее тысячелетней историей» (ст. 67.1 Конституции РФ 1993 г.), не сопоставимой с традицией римского права, положенной в основу романо-германской правовой семьи. Перечисленные отличия не означают принципиальной несовместимости российской и европейской правовых систем и не препятствуют включению латинской юридической терминологии в понятийный аппарат российского (как частного, так и публичного) права. Однако нельзя забывать о том, что внедряемые термины должны подвергаться детальной интерпретации и наполняться содержанием, соответствующим современным российским политико-правовым реалиям.

Заключение

1. Институт рецепции представляется целесообразным осуществлять посредством метода теоретического моделирования, предполагающего выделение объекта и предмета, субъектного состава и содержания. Каждый из выделенных элементов необходимо рассматривать применительно к конкретному историческому периоду

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 03.05.2025).

и социально-культурным особенностям государств «доноров» и государств «реципиентов».

2. Рецепция латинской юридической терминологии и фразеологии представляет собой важный элемент механизма формирования системы европейского (романо-германского) права. Следует выделять три основных этапа (эпохи) рецепции римского права: эпоху глоссаторов, эпоху интерпретаторов, эпоху кодификаторов. При этом собственно юридическое значение имеет только кодификационный период, в рамках которого выраженные в терминах и фразах институты и принципы римского права получают нормативное выражение и задействуются в законотворческой деятельности.

3. Современная российская государственно-правовая система представляет собой явление, связанное с европейской (романо-германской) правовой семьей, однако не тождественное ей. Латинская юридическая терминология используется как в общетеоретической, так и в отраслевой (как публичной, так и частной) российской юриспруденции. Однако с учетом различия правовых традиций Европы как составной части коллективного Запада и России, как самобытного государства-цивилизации, следует не просто «механически вставлять» иностранные терминологические конструкции в систему отечественного публичного и частного права, а творчески подходить к этой проблеме посредством их адресной интерпретации, имеющей своей целью адаптацию терминологических конструкций римского права к современной российской политико-правовой практике.

Список литературы

1. Выков Р. Х. К вопросу о правосубъектности государства // Интернаука. – 2023. – № 8–4(278). – С. 39–40. EDN: KADQLS
2. Герштейн И. З. Фактор мессианизма во внешней политике СССР // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 52–57. EDN: SHAOHN

3. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
4. Купцова О. Б. Топические основания латинской юридической терминологии в текстах форм права: традиции и инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 346–350. EDN: BFRJTD
5. Метелев С. Е., Зульфугарзаде Т. Э. Основные этапы рецепирования Римского права в Европейскую юриспруденцию // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 5–23.
6. Паршкова Н. В. Рецепция права: общетеоретический аспект // Новый университет. – 2011. – № 10. – С. 47–50.
7. Рассказов Л. П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юрист-Правоведь. – 2014. – № 5 (66). – С. 12–16. EDN: TGUUQN
8. Ромашов Р. А., Панченко В. Ю. Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности // Юридическая наука. – 2025. – № 1. – С. 30–33. EDN: ABTORZ
9. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 5–12.
10. Черниловский З. М. Методологические проблемы всеобщей истории государства и права // Сов. государство и право. – 1979. – № 10. – С. 139.
11. Филимонова М. А. Рецепция политической философии просвещения в США и России: виги и декабристы // "Свой" / "Чужой" в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. – СПб.: Алетей, 2019. – С. 276–299. EDN: AMRRNV

References

1. Vykov, R. H. (2023) K voprosu o pravosub'ektnosti gosudarstva [On the issue of the legal personality of the state]. *Internauka – Internauka*. No. 8–4 (278). Pp. 39–40. (In Russian). EDN: KADQLS
2. Gershtejn, I. Z. (2014) Faktor messianizma vo vneshnej politike SSSR [The factor of Messianism in the foreign policy of the USSR]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvenno-gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*. No. 4. Pp. 52–57. (In Russian). EDN: SHAOHN
3. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
4. Kupcova, O. B. (2021) Topicheskie osnovaniya latinskoj yuridicheskoy terminologii v tekstah form prava: tradicii i innovacii [Topical foundations of Latin legal terminology in the texts of forms of law: traditions and innovations]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technology*. No. 15. Pp. 346–350. (In Russian). EDN: BFRJTD.
5. Metelev, S. E., Zul'fugarzade, T. E. (2019) Osnovnye etapy recipirovaniya Rimskogo prava v Evropejskuyu yurisprudenciyu [The main stages of the Roman law's conversion into European jurisprudence]. *Pravoprimenenie – Law enforcement*. Vol. 3. No. 4. Pp. 5–23. (In Russian).
6. Parshkova, N. V. (2011) Recepciya prava: obshcheteoreticheskij aspekt [Reception of law: a general theoretical aspect]. *Novyj universitet – The new university*. No. 10. Pp. 47–50. (In Russian).
7. Rasskazov, L. P. (2014) Romano-germanskaya pravovaya sem'ya: genезis, osnovnye cherty i vazhnejshie istochniki [The Romano-German legal family: genesis, main features and most important sources]. *Yurist"–Pravoved" – Jurist-Jurist*. No. 5 (66). Pp. 12–16. (In Russian). EDN: TGUUQN

8. Romashov, R. A. (2025) *Sovremennaya gosudarstvenno-pravovaya sistema imperskogo tipa: ponyatie i osobennosti* [Modern state-legal system of the imperial type: concept and features]. *Yuridicheskaya nauka – Legal science*. No. 1. Pp. 30–33. (In Russian). EDN: ABTORZ
9. Rybakov, V. A. (2007) *Receptiya prava: obshcheteoreticheskij aspekt* [Reception of law: a general theoretical aspect]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of Omsk University. The Pravo series*. No. 4 (13). Pp. 5–12. (In Russian).
10. Chernilovskij, Z. M. (1979) *Metodologicheskie problemy vseobshchej istorii gosudarstva i prava* [Methodological problems of the universal history of the state and law]. *Sov. gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*. No. 10. P. 139. (In Russian).
11. Filimonova, M. A. (2019) *Receptiya politicheskoi filosofii prosveshcheniya v SShA i Rossii: vigi i dekabristy* [Reception of the political philosophy of Enlightenment in the USA and Russia: The Whigs and the Decembrists]. *"Svoj" / "Chuzhoj" v kross-kul'turnyh kommunikacijah stran Zapada i Rossii* ['Ours' / 'Others' in cross-cultural communications between Western countries and Russia]. Saint Petersburg: Aletejya. Pp. 276–299. (In Russian). EDN: AMRRNV

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Сафин Завдат Файзрахманович, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6010-618X, e-mail: zsafin56@gmail.com

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Zavdat F. Safin, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6010-618X, e-mail: zsafin56@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.07.2025
Принята к публикации: 21.08.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 06 July 2025
Accepted: 21 August 2025
Published: 29 September 2025

К вопросу о преюдициальности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу

Е. А. Нахова

Северо-Западный филиал РГУП имени В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуются проблемы преюдициальности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу. Также рассматриваются вопросы преюдициальности в аспекте концепции бесспорных обстоятельств по гражданским делам. Предлагается дуалистическое понимание бесспорных обстоятельств: узкое – неоспариваемые сторонами факты, notorious факты, факты умолчания; широкое – совокупность фактов, не подлежащих доказыванию, что включает в себя в том числе преюдициальные факты, которые анализируются как основания освобождения от доказывания. Обоснованы цель, субъективные и объективные пределы действия преюдиции. По итогам исследования заключается, что сложившаяся правоприменительная практика придерживается позиции, согласно которой преюдициальность распространяется исключительно на те обстоятельства, которые установлены во вступившем в силу судебном акте, обладают юридической значимостью, составляли часть предмета доказывания в первоначальном процессе.

Ключевые слова: цивилистический процесс, судебные акты, бесспорные обстоятельства, преюдициальность фактов.

Для цитирования: Нахова Е. А. К вопросу о преюдициальности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 156–175. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_156. EDN: XTFGVR

On the Issue of the Prejudice of Facts Established by a Judicial Act That Entered Into Force in a Previously Considered Case

Elena A. Nakhova

North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedeva
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the problems of the problem of prejudice of facts established by a judicial act that entered into force in a previously considered case. The author explores the problems of prejudice in the aspect of the concept of indisputable circumstances in civil cases. The author's position presupposes a dualistic understanding of indisputable circumstances: narrow – facts that are indisputable by the parties, butor facts, facts of omission; broad – a set of facts that cannot be proved, including, among other things, prejudicial facts. The prejudicial facts are analyzed as grounds for exemption from proof. The purpose, subjective and objective limits of prejudice are substantiated. According to the results of the study, the established law enforcement practice adheres to the position that prejudice applies exclusively to those circumstances that are established in the judicial act that entered into force, have legal significance, and formed part of the subject of evidence in the initial process.

Key words: civil procedure, judicial acts, indisputable circumstances, prejudicial nature of facts.

For citation: Nakhova, E. A. (2025) K voprosu o prejudicial` nosti faktov, ustanovlenny` x vstupivshim v zakonnyu silu sudebny` m aktom po ranee rassmotrennomu delu [On the Issue of the Prejudice of Facts Established by a Judicial Act That Entered Into Force in a Previously Considered Case]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 3 (81). Pp. 156–175. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_156. EDN: XTFEVR

Введение

Теория преюдиции тесно соприкасается с концепцией бесспорных обстоятельств в гражданском процессе, корни которой уходят в труды правоведов дореволюционной эпохи [31, с. 85; 30, с. 315]¹. В российской правовой доктрине сформировались два подхода к трактовке бесспорных фактов: узкий (ограниченный признанными и неоспариваемыми обстоятельствами либо только признанными) и широкий (охватывающий все обстоятельства, освобожденные от доказывания) [27, с. 173].

В советский период институт бесспорных обстоятельств не получил должного развития в гражданском процессе. Подобная ситуация объяснялась смешанной следственно-состязательной природой судопроизводства, где доминирующая роль суда существенно ограничивала процессуальную инициативу сторон. При этом детальная законодательная регламентация таких обстоятельств характерна именно для классической состязательной модели гражданского процесса [27, с. 263].

Современные исследователи единодушно рассматривают бесспорные обстоятельства как органичную составляющую классической состязательной модели судопроизводства [7, с. 26–27]. Стороны соглашались не только с существованием самого факта, но и с его ключевыми параметрами (временем возникновения, количественными и качественными показателями). Как правило, бесспорный характер носят отдельные факты, обосновывающие исковые требования, тогда как обстоятельства, приводимые в возражениях, признаются значительно реже [7, с. 26–27].

Между тем указанная теория не является общепризнанной. В юридической литературе встречается позиция, согласно которой название «бесспорные обстоятельства»

¹ См.: Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1904. С. 123; Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 325.

не совсем корректно отражает суть явления, учитывая возможность разногласий как по вопросу общеизвестности, так и преюдициальной природы фактов [2, с. 114]. Теория бесспорных обстоятельств в гражданском процессе сохраняет свою актуальность, особенно в условиях снижения судебной инициативы в сфере доказывания, что существенно повышает ее практическую значимость.

Преюдициальные факты как основания освобождения от доказывания

Анализ указанной категории фактов сохраняет свою научную значимость в контексте современных тенденций развития теории гражданского процессуального права [26, с. 235–241; 4, с. 122–135; 28; 24, с. 30–38; 17, с. 62–67; 16, с. 28–32; 5, с. 23–27; 19, с. 76–83; 8, с. 75–86; 18, с. 96–110; 23, с. 38–45; 3, с. 187–201; 1, с. 15–20; 13, с. 49–54; 29; 6, с. 4–12; 22; 14, с. 108–112; 12, с. 175–188]¹.

Для лиц, не участвовавших в первоначальном процессе, фактические обстоятельства, установленные судебным актом, не обладают обязательной силой. Такие участники вправе представлять доказательства, уточнять или оспаривать данные факты. Преюдициальное значение приговора суда строго ограничено – без дополнительного доказывания принимаются лишь объективная сторона состава преступления и сведения о субъекте преступления. Иные обстоятельства подлежат самостоятельному установлению. Для придания факту преюдициального статуса требуется приобщить заверенную копию соответствующего судебного акта к материалам дела.

¹ См.: Малых Е. В. Проблемы преюдиции в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005; Буданова М. А. Процессуальные льготы в доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; Мацкевич П. Н. Преюдиции в гражданском и административном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017; Мальченко К. Н. Преюдиция судебных постановлений в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

Научные исследования в области гражданского процессуального права предлагают рассматривать преюдицию через призму ее конечных целей, в объективных и субъективных пределах ее действия. Институт преюдиции призван избавить участников процесса от обязанности повторно обосновывать факты, получившие надлежащее судебное подтверждение (цель преюдиции). Субъективные пределы преюдиции определяются принадлежностью к числу участников предыдущего дела, выступавших в процессуальном статусе истца, ответчика, третьего лица или заявителя. Объективные пределы преюдиции определяют её действие как направленное исключительно на четко обозначенные в судебном акте фактические обстоятельства, их правовые последствия и правоотношения¹. В научных трудах глубоко изучен вопрос о преюдициальной силе процессуально-правовых фактов [2, с. 116–117], включая их действие при вынесении решений международными арбитражными учреждениями и третейскими судами [32, с. 164–169; 171–178].

Факты процессуального характера приобретают преюдициальную силу при условии их подтверждения вступившим в силу судебным актом. Аналогичный эффект возникает в отношении обстоятельств, отраженных в судебных определениях и протоколах, когда судебный орган неоднократно рассматривает идентичный процессуальный вопрос с участием тех же субъектов [32, с. 164–169; 171–178].

Преюдициальный статус присваивался следующим вступившим в законную силу определениям: об утверждении мирового соглашения; о принятии отказа от иска; за частными определениями, за заключительными; за определениями о применении санкций [32, с. 164–165].

Нормы подведомственности позволяют судам принимать без дополнительной проверки процессуально значимые

¹ См.: Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. М., 2013. С. 526.

факты, установленные актами несудебных органов, при соблюдении двух условий: данные обстоятельства относятся к исключительной компетенции соответствующих юрисдикционных инстанций, их достоверность не становится предметом спора в рассматриваемом деле [32, с. 169]. Существует и противоположная точка зрения, представленная О. В. Исаенковой, которая рассматривает указанные акты как разновидность письменных доказательств [10].

Преюдициальная сила арбитражных решений [9, с. 125–132] возникает исключительно после их признания и приведения в исполнение в рамках государственной судебной системы. Преюдициальную силу имеют обстоятельства, зафиксированные в судебном акте арбитражного суда, утвердившего приведение в исполнение постановления международного коммерческого арбитража [32, с. 175]. Третейские суды учитывают в качестве преюдиции факты, подтвержденные вступившими в силу решениями государственных судов [20, с. 43–51].

Применение преюдициального механизма в качестве инструмента оптимизации фактической базы представляется обоснованным и заслуживающим внимания. Его использование способствует сокращению временных затрат, а также обеспечивает согласованность элементов в рамках сложных фактических систем [11, с. 67].

В научных трудах встречается позиция, согласно которой обстоятельства, установленные в судебном акте, обретшем юридическую силу, не подлежат изъятию из процесса доказывания, так как это противоречит основополагающему принципу свободной оценки доказательств [21, с. 35; 2, с. 118–119]. Разделяя позицию О. В. Баулина, отметим, что отрицание преюдициальной силы судебных актов, вступивших в законную силу, способно подорвать авторитет правосудия и девальвировать саму суть судопроизводства. Действительно, если вынесенное

решение вызывает сомнения в своей обоснованности, возникает закономерный вопрос о его практической ценности и необходимости такого акта вообще [2, с. 116].

Проблемы преюдициальности в судебной практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов

Сложившаяся правоприменительная практика придерживается позиции, согласно которой преюдициальность распространяется исключительно на те обстоятельства, которые установлены во вступившем в силу судебном акте, обладают юридической значимостью, составляли часть предмета доказывания в первоначальном процессе. Преюдициальной силой наделяются фактически установленные обстоятельства, которые легли в основу ранее принятого и вступившего в силу судебного акта, сохраняют юридическую значимость для последующего спора, при этом преюдиция касается исключительно фактической стороны дела, а не правовой оценки этих обстоятельств¹.

Подобный подход судебных органов закреплен в актах судебного толкования, например: в п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ № 10, пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010², в определении Конституционного суда РФ от 29.10.2024 № 2785-О³, определении Верховного суда РФ от 28.05.2024 № 18-КГ24–20-К4 (УИД 23RS0003–01–2022–004983–32)⁴.

Так, ОАО «Агростроительная компания "Мосагропромстрой"» обратилось в Арбитражный суд Московской области с иском о признании незаключенными с открытым

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 февраля 2021 г. № Ф08–12392/20 по делу № А61–1659/2020 // СПС Гарант.

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) // СПС Консультант Плюс.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плахотника Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом законоположений: определение Конституционного суда РФ от 29.10.2024 № 2785-О // СПС Консультант Плюс.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 28.05.2024 № 18-КГ24–20-К4 (УИД 23RS0003–01–2022–004983–32) // СПС Консультант Плюс.

акционерным обществом «Акционерный коммерческий Сберегательный банк Российской Федерации» в лице Клинского отделения 2563 генерального соглашения от 16.12.99 № 1, дополнительных соглашений к нему № 1–3, договоров от 16.12.99 № 1, от 17.01.2000 № 2, от 31.01.2000 № 3 и 29.02.2000 № 4 о предоставлении кредитов в виде овердрафта; взыскании со Сбербанка России неосновательно списанных по безденежным кредитам 11421476 р. 19 к. и 2203740 р. 94 к. процентов за пользование чужими денежными средствами. Удовлетворяя искивые требования компании, суды трех инстанций исходили из вступившего в силу решения арбитражного суда по другому делу (№ А41-К1–8049/00) между теми же сторонами. В основание этого решения фактически положено постановление следственного управления при Клинском УВД от 19.02.01; указания, содержащиеся в акте ревизии о проведении банком фиктивных операций по счету и представлении им выписок, недостаточно обосновывающих кредитование счета. Однако постановления следственных органов не могут иметь преюдициальной силы. Арбитражный суд должен оценивать их наряду с другими доказательствами¹.

По ходатайству истца суд вправе приостановить рассмотрение дела до даты признания должника банкротом либо прекращения производства по делу. В случае прекращения процедуры банкротства по любым основаниям, за исключением утверждения мирового соглашения, суд уполномочен возобновить судопроизводство по исковому заявлению – как по собственной инициативе, так и по заявлению любого из участников процесса – с последующим продолжением разбирательства. Если кредитор ранее предъявлял свои требования в деле о банкротстве, суд обязан учитывать преюдициальную силу

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2002 № 7286/01 по делу № А41-К1–5047/01 // Вестник ВАС РФ. 2002. № 7.

актов по делу о несостоятельности – установленные ими обстоятельства (в том числе касающиеся существования требований кредитора) освобождаются от повторного доказывания (ч. 2 ст. 69 АПК РФ)¹.

На стадии подготовки к судебному разбирательству дела о взыскании по договорным обязательствам арбитражный суд устанавливает перечень юридически значимых фактов, включая факты заключения и действительности соглашения, подтверждение соблюдения процедуры его оформления, проверки полномочий сторон, подписавших договор. В процессе разбирательства дела суд анализирует обстоятельства, которые при наличии вступившего в силу судебного решения (ч. 2 ст. 69 АПК РФ) освобождаются от повторного доказывания в споре об оспаривании договора между теми же сторонами. При рассмотрении исков о взыскании и оспаривании договора (независимо от совпадения состава участников) суд принимает во внимание факты, установленные в первом деле. В случае расхождения выводов требуется обязательная мотивировка².

Заслуживают внимания некоторые сформировавшиеся в практике арбитражных судов позиции по вопросам налогового и таможенного права в аспекте реализации норм о преюдиции. Факты, свидетельствующие о правомерности налоговых вычетов, установленные решением арбитражного суда, отменившим постановление ИФНС о доначислении НДС, пеней и штрафов (в котором подтверждены: представление всех необходимых документов, реальность экспорта и обоснованность примене-

¹ О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 17.12.2024) // Вестник ВАС РФ. № 8. 2012; определением Верховного суда РФ от 08.07.2016 № 262-ПЭК16 по делу № А51-29511/2014 // СПС Консультант Плюс.

² О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств: постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57. П. 2. // Вестник ВАС РФ. № 9. 2009; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 29.11.2021 по делу № 305-ЭС21-14392, А40-185033/2020 // СПС Консультант Плюс.

ния нулевой ставки), имеют преюдициальное значение и не подлежат повторному доказыванию в процессе о возврате излишне уплаченных сумм¹.

При разрешении спора о зачете излишне уплаченного НДС не подлежат повторному доказыванию факты, установленные вступившими в силу судебными актами по делам о признании недействительными требований налогового органа о взыскании недоимки и пеней за тот же период, где обязанность налогоплательщика по уплате налога была признана исполненной, а оспариваемые акты инспекции – необоснованными².

Смена налогового органа при постановке на учет не освобождает новую инспекцию от обязательств по возмещению НДС, не исполненных предыдущей инспекцией в отношении правопродшественника. Правовые выводы и установленные судом факты о праве предшествующей организации на налоговые вычеты сохраняют обязательную силу для инспекции, в которой теперь состоит налогоплательщик³.

Позиция суда об отсутствии преюдициальной связи между решением по делу об оспаривании отказа таможенни в принятии временной декларации и спором о возврате излишне уплаченных таможенных платежей представляется ошибочной, поскольку основана исключительно на различии субъектного состава участников данных процессов⁴.

Судебной практикой выработаны рекомендации, когда преюдициальность фактов не усматривается при возникновении аналогичных фактических ситуаций. Вывод суда,

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 17520/07 по делу № А53-226/2007-С6-48 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 7.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 23.09.2008 № 6673/08 по делу № А07-431/07-А-РСА // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 17520/07 по делу № А53-226/2007-С6-48 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 12.05.2009 № 17440/08 по делу № А40-3479/08-79-27 // СПС Консультант Плюс.

согласно которому фактические обстоятельства спора считаются установленными судебным актом по другому делу, поскольку ответчик по тому делу признал иск и суд принял такое признание, не соответствует положениям Арбитражного процессуального кодекса РФ. Из положений ч. 5 ст. 49, ч. 4 ст. 170 АПК РФ следует: если ответчик признает иск, в судебном акте не указываются материально-правовые основания удовлетворения исковых требований, так как дело не рассматривается по существу¹.

Анализ ст. 69 АПК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии преюдициального эффекта судебных актов для сторон, не участвовавших в соответствующем процессе. В конфликте между поставщиком электроэнергии и предприятием-потребителем сетевая организация не фигурировала в качестве участника, поэтому выводы по указанному делу не могут быть учтены, сетевая компания была лишена возможности представить доказательства по вопросам объемов энергоперетоков. Следовательно, представленные сетевой компанией доказательства, касающиеся определенного периода, оцениваются в рамках данного дела².

Рассмотренное ранее дело по спору между бытовой компанией и предприятием закончено мировым соглашением. Обстоятельства, установленные в рамках этого дела, не могут быть положены в основу судебных решений. Судом вообще не устанавливались какие-либо обстоятельства, поскольку дело было закончено мировым соглашением. В таких случаях допускается компромисс сторон, а судебная оценка доказательств и установление

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 25.05.2010 № 17099/09 по делу № А58-3515/08 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 9.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 15.12.2014 по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012 // Вестник ВАС РФ. 2015. № 1; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 15.10.2014 по делу № 308-ЭС14-91, А53-16593/2013 // СПС Консультант Плюс.

обстоятельств дела не осуществляются¹. Правовые выводы, квалификация сделки или обстоятельств дела, данная арбитражным судом по ранее рассмотренному делу, не имеют преюдициального значения при рассмотрении арбитражным судом другого дела².

В соответствии с ч. 2 ст. 69 АПК РФ для суда, рассматривающего дело, преюдициальное значение имеют обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу решением суда. Вопросы применения норм материального права преюдициального значения не имеют³.

Как было указано выше, арбитражный суд не связан выводами других судов о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм. Правовая оценка, данная в судебных актах, не может являться основанием для освобождения от доказывания в рамках настоящего дела. Правовые выводы не могут рассматриваться в качестве обстоятельств, не требующих доказывания.

Признание правовых выводов, содержащихся в решениях арбитражных судов по ранее рассмотренным делам, обстоятельствами, которые не требуют доказывания, ошибочно⁴.

Преюдиция не применяется к факту обладания акциями при оспаривании различных собраний. Учитывая возможные изменения в реестре акционеров, заявитель должен представлять доказательства своего участия

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 15.10.2014 по делу № 308-ЭС14-91, А53-16593/2013 // СПС Консультант Плюс.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 11.08.2022 по делу № 310-ЭС22-5767, А09-1667/2020; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 29.01.2019 № 304-КП18-15768 по делу № А46-18028/2017; Определение Верховного суда РФ от 02.12.2024 № 327-ПЭК24(2) по делу № А40-143247/2022; Постановление Верховного суда РФ от 17.11.2014 № 303-АД14-3647 по делу № А04-2341/2014 // СПС Консультант Плюс.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 29.03.2016 по делу № 305-ЭС15-16362, А40-152245/2014 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 13.03.2019 № 306-КП18-19998 по делу № А65-7944/2017 // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 № 3318/11 по делу № А40-111672/09-113-880 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11; Определение Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О «По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 31.01.2006 № 11297/05 по делу № А40-38660/04-114-376 // СПС Консультант Плюс.

в обществе на дату проведения каждого конкретного оспариваемого собрания¹.

Наличие установленных по ранее рассмотренному делу предшествующих положительных заключений госорганов по спорным заявкам само по себе, только в силу факта более ранней выдачи, не может опровергать наличие последующих отрицательных заключений по тем же заявкам или служить безусловным основанием недействительности или незаконности этих более поздних заключений. Если суд при рассмотрении другого дела по существу не установил, что выдача отрицательных заключений была обусловлена произвольным немотивированным пересмотром либо отменой положительных заключений, бывших предметом исследования по ранее рассмотренному делу, то исследование судом по другому делу отрицательных заключений не может рассматриваться как повторное доказывание обстоятельств, установленных решением по раннему делу, а следовательно, не может свидетельствовать о нарушении судом требований ч. 2 ст. 69 АПК РФ².

Преюдициальное значение фактов по ч. 2 ст. 69 АПК РФ не препятствует их дифференцированной правовой оценке в контексте особенностей каждого конкретного правового спора³. Повторная оценка документов, уже исследованных арбитражным судом в рамках иного судебного разбирательства, противоречит положениям ст. 69 АПК РФ⁴. Если судебный орган приходит к иным выводам относительно доказательств, игнорируя их оценку в ранее

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 03.07.2007 № 1115/07 по делу № А76-3844/2006-16-131 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 9.

² Определение Верховного суда РФ от 26.11.2014 по делу № 305-КП4-684, А40-98649/2013 // СПС Консультант Плюс.

³ По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 302-ЭС19-473(13) по делу № А33-4262/2017 // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 N 3318/11 по делу № А40-111672/09-113-880 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 25.03.2008 № 12664/07 по делу № А29-2753/06-1э // Вестник ВАС РФ. 2008. № 6.

рассмотренном деле с идентичным кругом лиц, это не соответствует ч. 2 статьи 69 АПК РФ¹. Сущность преюдициальности раскрыта КС РФ через призму конституционно-правового анализа в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П² и определении от 6 ноября 2014 г. № 2528-О³.

Особого внимания заслуживают правовые позиции относительно обязательной силы фактов, установленных актами судов общей юрисдикции в рамках гражданского судопроизводства (ч. 3 ст. 69 АПК РФ). Выводы суда общей юрисдикции относительно обстоятельств, установленных в производстве по административному или уголовному делу в отношении физического лица (включая дела об оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности), учитываются арбитражным судом при рассмотрении аналогичных правонарушений, совершенных юридическими лицами (в том числе в процессах по обжалованию решений о привлечении организаций к административной ответственности)⁴.

Арбитражный суд не связан выводами других судов о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм. Правовая оценка (квалификация) отношений, данная судом общей юрисдикции, не исключает возможности иной правовой оценки тех же отношений арбитражными судами⁵. Решение районного суда принято не по гражданскому

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2005 № 225/04 по делу № А14-1234-03/39/1 // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // СПС Консультант Плюс.

³ По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности ч. 2 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О // СПС Консультант Плюс.

⁴ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Верховного суда РФ от 17.08.2015 N 308-АД15-8967 по делу № А32-38213/2014 // СПС Консультант Плюс; Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017) // Вестник ВАС РФ. № 8. 2004.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 14.06.2016 по делу № 309-ЭС16-1553, № А50-4727/2012 // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 10.06.2014 № 18357/13 по делу № А41-45919/12 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 10.

делу, а по делу об административном правонарушении, рассмотренному в порядке, предусмотренном КоАП РФ, поэтому оно применительно к правилам ст. 69 АПК РФ не носит преюдициального характера¹.

Заслуживает внимания позиция о преюдициальном значении обстоятельств, установленных приговором суда общей юрисдикции (ч. 4 ст. 69 АПК РФ). Обвинительный приговор в отношении руководителя филиала компании-ответчика освобождает юридическое лицо от необходимости доказывать факты противоправных действий своего представителя, придает установленным судом обстоятельствам преюдициальное значение, играет ключевую роль в разрешении спора о взыскании задолженности по договору услуг².

Поскольку согласно п. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения, приговор в отношении генерального директора общества освобождает инспекцию от обязанности доказывать факты совершения им действий, на основании которых общество может быть привлечено к налоговой ответственности³.

В соответствии с ч. 4 ст. 69 АПК РФ для арбитражного суда, рассматривающего дело о взыскании ущерба, причиненного вследствие дорожно-транспортного происшествия, которое произошло по вине работника ответчика, преюдициальное значение имеет только факт совершения определенных действий определенным лицом. Иные обстоятельства, которые имеют значение для привлече-

¹ Определением Верховного суда РФ от 27.10.2022 N 337-ПЭК22 по делу № А17-5367/2020 // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 07.02.2012 № 11746/11 по делу № А76-18682/2010-12-587 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 № 15555/07 по делу № А81-609/2005 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 9.

ния к гражданско-правовой ответственности юридического лица как владельца источника повышенной опасности, в том числе наличие вины других лиц, участвовавших в дорожно-транспортном происшествии, ее влияние на определение размера причиненного ущерба, не могут считаться преюдициально установленными в приговоре суда по уголовному делу. Они устанавливаются арбитражным судом при рассмотрении дела о возмещении ущерба с использованием всех необходимых доказательств¹.

При рассмотрении иска о взыскании ущерба с партнерства арбитражных управляющих, причиненного неправомерными действиями управляющего в процедуре банкротства компании, суд не вправе основывать свое решение исключительно на обвинительном приговоре, которым к управляющему применено уголовное наказание в виде штрафа без указания конкретного размера подлежащего возмещению вреда².

Заключение

Таким образом, проблематика преюдициальности обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу, свидетельствует о неоднозначных подходах в понимании их правовой природы в доктрине процессуального права, а также о неоднозначной судебной практике применения анализируемых норм. Вместе с тем в судебной практике имеются случаи наделения суда дискрецией для того, чтобы самостоятельно решать вопрос оценки обстоятельств, установленных в деле, которое рассмотрено раньше. Если суд, рассматривающий вто-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Бина» на нарушение конституционных прав и свобод частью 4 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 21.12.2006 № 564-О // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 09.07.2009 № 4/09 по делу № А13-575/2008 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 10.

рое дело, придет к иным выводам, он должен указать соответствующие мотивы.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф., Борисов М. С. К вопросу о связи обязательности и преюдициальности судебного решения, вступившего в законную силу // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2014. – № 7. – С. 15–20.
2. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 266 с.
3. Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в системе общего права // *Закон.* – 2020. – № 4. – С. 189–204; 2020. – № 5. – С. 187–201.
4. Голуб Е. И. Преюдициальная сила решения арбитража // *Третейский суд.* – 2021. – № 1. – С. 122–135.
5. Дегтярев С. Л. Влияние преюдиции на судебное доказывание в современном арбитражном процессе // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2007. – № 1. – С. 23–27.
6. Елисеев Н. Г. Основные понятия доказательственного права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2007. – № 1. – С. 4–12.
7. Зайцев И. М., Афанасьев С. Ф. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах // *Российская юстиция.* – 1998. – № 3. – С. 26–27.
8. Ильин А. В. К вопросу о содержании преюдициальности – свойства законной силы судебного решения // *Закон.* – 2015. – № 3. – С. 75–86.
9. Ильичев П. А. Проблемы преюдиции в третейском разбирательстве // *Актуальные проблемы российского права.* – 2020. – № 2. – С. 125–132.
10. Исаенкова О. В. Доказательства в процессе: интервью // *эж-ЮРИСТ.* – 2009. – № 41.
11. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов, 1980. – 128 с.
12. Костин А. А. Применение правила issue estoppel в международном коммерческом арбитраже // *Закон.* – 2020. – № 4. – С. 175–188.
13. Кузнеценко С. Ю. Преюдициальность решений (приговоров) судов зарубежных государств // *Законодательство.* – 2020. – № 7. – С. 49–54.
14. Лескина Э. И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе // *Российский юридический журнал.* – 2018. – № 1. – С. 108–112.
15. Лукьянова И. Н. Проблемы института преюдиции как инструмента правовой определенности в современном гражданском судопроизводстве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 12. – С. 28–32.
16. Лукьянова И. Н. Проблемы преюдициальности в административном судопроизводстве: в поиске правовой определенности // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2016. – № 5. – С. 26–31.
17. Любченко М. Я. К вопросу о преюдициальности обстоятельств, установленных судами при рассмотрении дел об административных правонарушениях // *Закон.* 2014. – № 10. – С. 62–67.
18. Мацкевич П. Н. Еще раз к вопросу о преюдиции в гражданском судопроизводстве // *Закон.* – 2019. – № 2. – С. 96–110.
19. Мацкевич П. Н. Преюдициальное значение обстоятельств, установленных в рамках производства по делам об административных правонарушениях // *Актуальные проблемы российского права.* – 2016. – № 10. – С. 76–83.

20. Молчанов В. В., Молчанов В. В. Преюдиция в арбитраже (третейском разбирательстве) // Законодательство. – 2022. – № 6. – С. 43–51.
21. Папкова О. А. Судебное доказывание и усмотрение суда в гражданском процессе // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 35–37.
22. Плюхина (Куликова) М. Арбитражная аксиома, или повторное доказывание в процессе // эж-ЮРИСТ. – 2004. – № 21.
23. Постыляков С. П. Современный взгляд на проблему объективных преюдиций в гражданском судопроизводстве // Законодательство. – 2018. – № 1. – С. 38–45.
24. Решетникова И. В. Преюдиция и бремя доказывания в современном арбитражном процессе // Закон. – 2018. – № 4. – С. 30–38.
25. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве. – М., 2019. – 510 с.
26. Рыжков К. С. Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм: соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 235–241.
27. Фокина М. А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. Домодедово, 2000. – 222 с.
28. Шестакова Е. В. Доказывание в арбитражном процессе. – М.: Право Достапа, 2021.
29. Юдин А. В. Проблемы взаимосвязанности гражданских дел // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.
30. Яблочков Т. М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник памяти Г. Ф. Шершеневича. – М., 1915. – 44 с.
31. Яблочков Т. М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал министерства юстиции. – 1915. – № 3. – С. 84–139.
32. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М., 2012. – 608 с.

References

1. Afanas`ev, S. F., Borisov, M. S. (2014) K voprosu o svyazi obyazatel`nosti i prejudicial`nosti sudebnogo resheniya, vstupivshego v zakonnuyu silu [On the relationship between the obligation and prejudice of a court decision that has entered into legal force]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 7. Pp. 15–20. (In Russian).
2. Baulin, O. V. (2004) *Bremya dokazy`vaniya pri razbiratel`stve grazhdanskix del* [The burden of proof in civil proceedings]. Moscow: Gorodecz. (In Russian).
3. Volodarskij, D. B., Kashkarova, I. N. (2020) Processual`ny`j e`stoppel` v sisteme obshhnogo prava [Procedural estoppel in the system of common law]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 189–204; No. 5. Pp. 187–201. (In Russian).
4. Golub, E. I. (2021) Prejudicial`naya sila resheniya arbitrazha [The prejudicial force of an arbitration award]. *Tretejskij sud – Arbitration Court*. No. 1. Pp. 122–135. (In Russian).
5. Degtyarev, S. L. (2007) Vliyanie prejudicii na sudebnoe dokazy`vanie v sovremennom arbitrazhnom processe [The influence of prejudice on judicial evidence in the modern arbitration process]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 1. Pp. 23–27. (In Russian).
6. Eliseev, N. G. (2007) Osnovny`e ponyatiya dokazatel`stvennogo prava [Basic concepts of evidentiary law]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice]. No. 1. Pp. 4–12. (In Russian).
7. Zajcev, I. M., Afanas`ev, S. F. (1998) Bessporny`e obstoyatel`stva v grazhdanskix delax [Indisputable circumstances in civil cases]. *Rossijskaya yusticiya – Russian Justice*. No. 3. Pp. 26–27. (In Russian).

8. Il'in, A. V. (2015) K voprosu o soderzhanii preyudicial'nosti – svojstva zakonnoj sily sudebnogo resheniya [On the issue of the content of prejudice – the properties of the legal force of a court decision]. *Zakon – Law*. No. 3. Pp. 75–86. (In Russian).

9. Il'ichev, P. A. (2020) Problemy preyudicii v tretejskom razbiratel'stve [Problems of prejudice in arbitration proceedings]. *Aktual'ny'e problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No. 2. Pp. 125–132. (In Russian).

10. Isaenkova, O. V. (2009) Dokazatel'stva v processe interv'yu [Evidence in the process: interview]. *e'zh-YuRIST – ej-LAWYER*. No. 41. (In Russian).

11. Isakov, V. B. (1980) *Fakticheskij sostav v mexanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov. (In Russian).

12. Kostin, A. A. (2020) Primenenie pravila issue estoppel v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Application of the issue estoppel rule in international commercial arbitration]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 175–188. (In Russian).

13. Kuznechenko, S. Yu. (2020) Preyudicial'nost' reshenij (prigovorov) sudov zarubezhny'x gosudarstv [Prejudice of decisions (sentences) of courts of foreign states]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. No. 7. Pp. 49–54. (In Russian).

14. Leskina, E. I. (2018) E'stoppel' v rossijskom civilisticheskom processe [Estoppel in the Russian civil process]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 1. Pp. 108–112. (In Russian).

15. Luk'yanova, I. N. (2015) Problemy instituta preyudicii kak instrumenta pravovoj opredelennosti v sovremennom grazhdanskom sudoproizvodstve [Problems of the institution of prejudice as a tool of legal certainty in modern civil proceedings]. *Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 12. Pp. 28–32. (In Russian).

16. Luk'yanova, I. N. (2016) Problemy preyudicial'nosti v administrativnom sudoproizvodstve: v poiske pravovoj opredelennosti [Problems of prejudice in administrative proceedings: in search of legal certainty]. *Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 5. Pp. 26–31. (In Russian).

17. Lyubchenko, M. Ya. (2014) K voprosu o preyudicial'nosti obstoyatel'stv, ustanovlenny'x sudami pri rassmotrenii del ob administrativny'x pravonarusheniyax [On the issue of prejudice of circumstances established by the courts when considering cases of administrative offenses]. *Zakon – Law*. No. 10. Pp. 62–67. (In Russian).

18. Maczkevich, P. N. (2019) Eshhe raz k voprosu o preyudicii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Once again on the issue of prejudice in civil proceedings]. *Zakon – Law*. No. 2. Pp. 96–110. (In Russian).

19. Maczkevich, P. N. (2016) Preyudicial'noe znachenie obstoyatel'stv, ustanovlenny'x v ramkax proizvodstva po delam ob administrativny'x pravonarusheniyax [The prejudicial significance of the circumstances established in the framework of proceedings on administrative offenses]. *Aktual'ny'e problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No. 10. Pp. 76–83. (In Russian).

20. Molchanov, V. V., Molchanov, V. V. (2022) Preyudiciya v arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) [Prejudice in arbitration (arbitration proceedings)]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. No. 6. Pp. 43–51. (In Russian).

21. Papkova, O. A. (2000) Sudebnoe dokazyvanie i usmotrenie suda v grazhdanskom processe [Judicial evidence and discretion of the court in civil proceedings]. *Gosudarstvo i parvo – State and law*. No. 2. Pp. 35–37. (In Russian).

22. Plyuxina (Kulikova), M. (2004) Arbitrazhnaya aksioma, ili povtornoe dokazyvanie v processe [The arbitration axiom, or repeated proof in the process]. *e'zh-YuRIST – ej-LAWYER*. No. 21. (In Russian).

23. Postylyakov, S. P. (2018) Sovremennyj vzglyad na problemu ob'ektivny'x predelov preyudicii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Modern view on the problem

of objective limits of prejudice in civil proceedings]. *Zakonodatel`stvo – Legislation*. No. 1. Pp. 38–45. (In Russian).

24. Reshetnikova, I. V. (2018) Prejudiciya i bremya dokazy`vaniya v sovremennom arbitrazhnom processe [Prejudice and the burden of proof in modern arbitration]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 30–38. (In Russian).

25. Reshetnikova, I. V. (2019) *Razmy`shlyaya o sudoproizvodstve* [Reflecting on judicial proceedings]. Moscow. (In Russian).

26. Ry`zhkov, K. S. (2022) Prejudiciya i edinoobraznoe primenenie sudami pravovy`x norm: sootnoshenie ponyatij v grazhdanskom i arbitrazhnom processe [Prejudice and uniform application of legal norms by courts: the relationship of concepts in civil and arbitration proceedings]. *Aktual`ny`e problemy` gosudarstva i prava – Actual problems of the state and law*. Vol. 6. No. 2 (22). Pp. 235–241. (In Russian).

27. Fokina, M. A. (2000) *Teoriya i praktika dokazy`vaniya v sostyazatel`nom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Theory and practice of evidence in adversarial civil proceedings]. Domodedovo. (In Russian).

28. Shestakova, E. V. (2021) *Dokazy`vanie v arbitrazhnom processe* [Proving in the arbitration process]. Moscow: Pravo Dostupa. (In Russian).

29. Yudin, A. V. (2013) Problemy` vzaimosvyazannosti grazhdanskix del [Problems of interconnectedness of civil cases]. *Vestnik Vy`sshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No. 8. (In Russian).

30. Yablochkov, T. M. (1915) K ucheniyu ob osnovny`x principax grazhdanskogo processa [On the doctrine of the basic principles of civil procedure]. *Sbornik pamyati G. F. Shershenevicha – Collection in memory of G. F. Shershenevich*. Moscow. (In Russian).

31. Yablochkov, T. M. (1915) Material`ny`e priznaki ponyatiya sudebnogo priznaniya v grazhdanskom processe [The material features of the concept of judicial recognition in civil proceedings]. *Zhurnal ministerstva yusticii – Journal of the Ministry of Justice*. No. 3. Pp. 84–139. (In Russian).

32. Yarkov, V. V. (2012) *Yuridicheskie fakty` v civilisticheskom processe* [Legal facts in the civil process]. Moscow. (In Russian).

Об авторе

Нахова Елена Александровна, доктор юридических наук, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru.

About the author

Elena A. Nakhova, Dr. Sci. (Law), North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedeva, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Поступила в редакцию: 14.07.2025
Принята к публикации: 20.08.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 14 July 2025
Accepted: 20 August 2025
Published: 29 September 2025

Государственно-правовая система: опыт теоретического моделирования, структурирования, функционирования (аналитический обзор выступлений участников межвузовского научно-теоретического семинара с международным участием: Санкт-Петербург (г. Пушкин), 30 апреля 2025 г.)

Р. А. Ромашов, С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проведён анализ выступлений участников межвузовского научно-теоретического семинара с международным участием, состоявшегося в Санкт-Петербурге (г. Пушкин) 30 апреля 2025 г. По его итогам участниками сделан вывод о необходимости признания государственно-правовой системы как объекта исследования, обладающего наивысшим уровнем научной абстракции среди всех политико-правовых явлений, что делает государственно-правовую систему основным понятием науки теории государства и права.

Ключевые слова: государственно-правовая система, статический аспект системы, динамический аспект системы, общественные идеалы, права и свободы личности.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Архипов С. В. Государственно-правовая система: опыт теоретического моделирования, структурирования, функционирования (аналитический обзор выступлений участников межвузовского научно-теоретического семинара с международным участием: Санкт-Петербург (г. Пушкин), 30 апреля 2025 г.) // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 176–188. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_176. EDN: YAFABB

REVIEWS

Review
UDC 340
EDN: YAFABB
DOI: 10.35231/18136230_2025_3_176

State and Legal System: Experience of Theoretical Modeling, Structuring, and Functioning (Analytical Review of the Presentations by Participants of the Interuniversity Scientific and Theoretical Seminar With International Participation: Saint Petersburg (Pushkin), April 30, 2025)

Roman A. Romashov, Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the presentations of the participants of the interuniversity scientific and theoretical seminar with international participation, which took place in St. Petersburg (Pushkin) on April 30, 2025. Based on the results of the seminar, the participants concluded that it is necessary to recognize the state-legal system as an object of research that has the highest level of scientific abstraction among all political and legal phenomena, which makes the state-legal system the main concept of the science of state and law theory.

Key words: state and legal system, static aspect of the system, dynamic aspect of the system, social ideals, and individual rights and freedoms.

For citation: Romashov, R. A., Arkhipov, S. V. (2025) Gosudarstvenno-pravovaya sistema: opyt teoreticheskogo modelirovaniya, strukturirovaniya, funktsionirovaniya (analiticheskiy obzor vystupleniy uchastnikov mezhvuzovskogo nauchno-teoreticheskogo seminar s mezhdunarodnym uchastiem: Sankt-Peterburg (g. Pushkin), 30 aprelya 2025 g.) [State and Legal System: Experience of Theoretical Modeling, Structuring, and Functioning (Analytical Review of the Presentations by Participants of the Interuniversity Scientific and Theoretical Seminar With International Participation: Saint Petersburg (Pushkin), April 30, 2025)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 176–188. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_176. EDN: YAFABB

30 апреля 2025 года на базе юридического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А. С. Пушкина состоялся межвузовский научно-теоретический семинар «Государственно-правовые системы: история и современность».

В его работе приняли участие представители вузов Российской Федерации и Республики Кыргызстан.

В ходе обсуждения были затронуты следующие проблемные вопросы:

- определение актуальности и значимости концепции государственно-правовой системы для современной юридической науки. Динамический аспект государственно-правовой реальности;
- сравнительный анализ понимания и соотношения феноменов «правовая система», «государственно-правовая система», «цивилизация»;
- рассмотрение типологизации государственно-правовых систем современности как метода научного познания государственно-правовой реальности;
- исследование формально-юридических и культурно-исторических аспектов формирования государственно-правовых систем, а также определение причинно-следственных факторов их конвергенции и дивергенции;
- выявление особенностей соотношения и взаимодействия государственно-правовых систем с институтами гражданского общества и отдельными личностями;
- конструирование теоретической модели формирования государственно-правовой личности в современной России.

В качестве основных докладчиков на семинаре выступили профессор Р. А. Ромашов и доцент С. В. Архипов.

В докладе **«Государственно-правовая система: статика формы и динамика состояния»** завкафедрой теории и истории государства и права ЛГУ им. А. С. Пушкина,

доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ **Р. А. Ромашова** основной акцент был сделан на базовых концептуальных положениях понимания государственно-правовой системы как целостного механизма социально-организационной и публично-властной деятельности, в рамках которого государство и право выступают в качестве неразрывно связанных институциональных образований, не способных к автономному обособленному функционированию. В подобном представлении государство это специфическая форма организации государственно-организованного (гражданского) сообщества и одновременно механизм публичной политической власти, создаваемый и действующий в рамках порядка, закрепленного и охраняемого посредством национального права. Последнее, в свою очередь является режимом регулятивно-охранительного воздействия на общественные отношения, основывающимся на совокупности легализуемых государством юридических форм (источников), обеспечиваемых в процессе реализации и защиты государственными гарантиями и санкциями.

Государственно-правовая система может рассматриваться как в статике юридической формы (формы государственного правления, формы государственного (административно-правового) устройства, системы форм (источников) национального (государственного устройства), так и в динамике историко-культурного состояния. Рассматриваемые в комплексе статические и динамические характеристики обуславливают возможность дифференциации государственно-правовых систем традиционного и переходного типов. Традиционные государственно-правовые системы складываются при условии относительной неизменности (традиционного постоянства) вышеназванных формальных характеристик. Для формирования традиции необходимо «выстраива-

ние» непротиворечивого взаимного приятия трех и более поколений (ориентировочно 70–75 лет), где «старшее» поколение выступает в качестве «хранителей» традиции, а последующие («среднее» и «младшее») – как ее «продолжатели». Переходные государственно-правовые системы формируются вследствие кризисных проявлений, которые могут иметь своим результатом либо эволюционное обновление традиционной системы, либо ее разрушение, которое, в свою очередь выступает в качестве «точки отсчета» новой государственно-правовой истории.

Рассмотрение государственно-правовой системы в динамике ее фактического состояния предполагает разграничение мира и войны. Мирное состояние основывается на модели правового партнерства в сфере межгосударственного, корпоративного и межличностного восприятия. Состояние войны предполагает конфликтную модель межсубъектной коммуникации, в рамках которой субъекты идентифицируются в качестве врагов, по отношению к которым допустимы и обязательны действия, неприемлемые в рамках правового партнерства (уничтожение живой силы противника, разрушение объектов инфраструктуры, завладение против воли юридических владельцев предметами собственности и т. п.).

Доцент кафедры теории и истории государства и права ЛГУ им. А. С. Пушкина, кандидат юридических наук
С. В. Архипов в докладе «**Общественные идеалы и индивидуальные права государственно-правовых систем**» уделил внимание основным факторам построения государственно-правовых систем.

Помимо прав и свобод как условий формирования и развития личности, понимаемых также как общие принципы, правила и возможности правового взаимодействия человека и государства, необходимо говорить о наиндивидуальных общественных идеалах функ-

ционирования и развития государственно-правовых систем. Содержание общественных идеалов не является результатом рационального осмысления социальной реальности, а выступает следствием исторического и культурного развития конкретной нации. Таким образом, общественные идеалы являются внешним выражением национальной культуры общества и одновременно выступают системообразующим фактором для государственно-правовых систем. На необходимость такого фактора в иерархически сложных саморазвивающихся системах указывал немецкий математик и теоретик науки К. Гёдель. Ограничительные теоремы К. Гёделя позволяют утверждать принципиальную логическую невыводимость понятия системообразующего фактора из категорий других элементов системы. В то же время сам системообразующий фактор оказывает влияние на другие элементы системы.

Указанное обстоятельство позволяет говорить о подчиненном положении прав и свобод личности по отношению к общественным идеалам, выступающим системообразующим фактором. Права и свободы обладают относительной ценностью, значимость которой определяется эффективностью реализации общественного идеала посредством самореализации личности. По этой причине абсолютизация прав и свобод ведёт к разрушению государственно-правовых систем, атомизации общественного устройства, утрате обществом социальных и нравственных ориентиров.

Так, например, отстаивание «права на смерть» приводит к очевидному противоречию, когда смерть индивида, прекращающая всякое развитие личности, подается как условие её развития; свобода слова понимается как «право на ложь», «право на дезинформацию», «право на святотатство», свобода творчества порождает амо-

ральные деяния, в конечном итоге отрицающие существующие общественные идеалы.

Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат исторических наук
Ковалев В. А. в своем выступлении **«Проблемы типологизации государственно-правовых систем»** предложил разделить государственно-правовые системы на «парадигмальные» и «революционные». Данные термины методологически связаны с концепцией «научных революций» Томаса Куна. При этом революционные системы необязательно подразумевают происходящую социальную революцию, хотя их установление чаще всего сопровождается ею. Речь идет о замене причинности (айтиологичности) парадигмального права телеологичностью («революционной сознательностью»): административную волю как основной источник норм в революционном праве в противовес традиционным, не зависящим от воли власти источникам норм в парадигмальном, приоритет легитимности как ориентированности на запросы общества над легальностью как вниманием к формальной норме и т. д.

Проблематика, связанная с типологизацией государственно-правовых систем, была продолжена *завкафедрой частного права, сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента* **Петровой Е. А.**, в докладе **«Основные тенденции типологизации государственно-правовых систем современности»**. Было отмечено, что юридическая карта современного мира должна быть представлена комплексными политико-правовыми конструкциями, а предлагаемые исследователями критерии типологизации правовых систем могут быть экстраполированы не только на институты права, но и формы государства. Предлагаемый подход позво-

ляют рассматривать в качестве объекта классификации не просто правовые, а именно государственно-правовые системы. По мнению Е. А. Петровой, классический подход к дифференциации государственно-правовых систем, базирующийся на «идее трихотомии» Р. Давида и использующий два основных критерия – юридико-технический и идеологический, не утрачивает своей актуальности по сей день, отражаясь так или иначе в большинстве современных типологизаций, поскольку именно данные критерии показывают сущностные черты права конкретного государства. В то же время происходящие на правовой карте мира интеграционные процессы приводят к пересмотру системы традиционных критериев классификации. Основными тенденциями в генезисе теории классификации государственно-правовых систем на современном этапе выступают преобладание «многоуровневых» подходов к типологизации и использование преимущественно культурно-идеологических (ценностных) критериев, определяющих специфику национальных государственно-правовых систем, а также усиление прикладного характера компаративистских исследований, направленных на выработку практических рекомендаций по рецептированию государственно-правовых институтов.

В докладе **«Особенности государственно-правовой системы США»**, сделанном преподавателем юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, адвокатом, кандидатом юридических наук **Е. Н. Тонковым** была представлена позиция, в рамках которой предлагалось рассматривать эволюцию государственно-правовой системы США как наглядную демонстрацию пути развития государственных и правовых формализованных институтов и механизмов, в основу организации и функционирования которых была положена прецедентная традиция. При этом стремление

«порвать» со своим «английским прошлым» после принятия Конституции США (1787 г.) оказало значимое воздействие на формирование нормативности в отдельных штатах, активно использующих в своем развитии рецепцию европейского («континентального») права.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор
Р. Ф. Степаненко сделала доклад на тему **«Маргинальные государственно-правовые системы»**. Осуществив общетеоретическую характеристику маргинальности как «пограничного» (формально не являющегося противоправным, однако по сути тяготеющего к нему) состояния, пребывание в котором традиционно рассматривается применительно к типичным субъектам юридически значимых отношений (физическим и юридическим лицам), Р. Ф. Степаненко предложила внедрить вышеназванную категорию в понятийный аппарат, используемый в ходе познания государственно-правовых систем. Оценка государственно-правовой системы в качестве маргинальной в одинаковой степени применима как к традиционным, так и к дискретным конструкциям. В качестве примеров Р. Ф. Степаненко предложила рассматривать государственно-правовую систему Советской России на этапе ее становления, когда к власти пришла партия большевиков, находившаяся в Российской империи на нелегальном положении, а также государственно-правовую систему современного Афганистана, где высшая государственная власть принадлежит представителям движения «Талибан», признанного в Российской Федерации террористической организацией.

В докладе **«Государственная служба как инструментальная составляющая государственно-правовой системы»**, сделанном *доцентом кафедры правоведения*

Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидатом юридических наук **Г. Т. Ромашовой**, отмечалось, что система государственной службы в современной России представляет собой категорию, находящуюся в перманентно изменяющемся состоянии, что не позволяет рассматривать ее как устоявшуюся и завершенную в концептуальном понимании конструкции. В контексте структурно-содержательной характеристики государственно-правовой системы институт государственной службы следует рассматривать в качестве инструментальной составляющей в своей организации и функционировании, формально подчиненной выраженному в национальном законодательстве позитивному праву, а в реальности выстраивающей свою деятельность в соответствии с императивными предписаниями, исходящими от «вышестоящих» начальствующих субъектов, зачастую руководствующихся в своей деятельности не нормативными положениями и принципами, а эгоистическими либо узкокорпоративными интересами.

Докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Лясевич Т. Г.** в своем докладе на тему: **«О проблемах периодизации государственно-правовой системы России первой четверти XX века»** отметила, что проблема периодизации развития отечественной государственно-правовой системы России XX столетия связана с выбором критериев ее этапизации. Такими критериями выступают типологические признаки государства и права как взаимосвязанных элементов системы, изучение которых способствует более глубокому раскрытию сущности государственно-правовой системы конкретного типа и специфики ее

развития на том или ином историческом отрезке. Развивая идейно-теоретическую концепцию профессора Р. А. Ромашова о типологии государственно-правовых систем, Т. Г. Лясович дает характеристики двум типам государственно-правовых систем: традиционной и переходной, акцентируя внимание на последней, а также формулирует понятие переходной государственно-правовой системы, определяет ее основные признаки и особенности, и на основе ряда критериев (трансформации формы правления, национально-территориального устройства, идеологического фактора) выделяет ряд этапов развития отечественной государственно-правовой системы первой четверти XX в. с точки зрения выявления в ней признаков традиционности и переходности.

В докладе **«Правопорядок как цель организации и функционирования государственно-правовой системы»** заместителя начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидата юридических наук, доцента **Е. В. Свирина** отмечалось, что рассмотрение правопорядка как компонента государственно-правовой системы имеет важное значение, поскольку позволяет экстраполировать феномен основанного на правовых нормах режима социального регулирования в область системного анализа государства и права, что в свою очередь позволит оптимизировать непростую задачу баланса интересов и взаимного контроля в соответствующей коммуникативной сфере.

Преподаватель кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук **М. Р. Ромашова** в выступлении на тему **«Конституционное правопонимание как фактор национальной идентичности государственно-правовой системы»** охарактеризовала

феномен конституционного правопонимания и показала его значение как фактора, определяющего содержание национальной государственно-правовой традиции. Отмечалось, что на всех этапах своего исторического генезиса Россия всегда оставалась именно ГОСУДАРСТВОМ, в модели которого преобладали персонифицированные формы правления, в рамках которых государство и право, независимо от юридических форм внешнего выражения, в реальности являли собой продукт волеизъявления фактического главы государства (государя), независимо от названия высшего должностного лица и вместе с тем высшего органа государственной власти.

Соискатель кафедры теории и истории государства и права СПб университета ГПС МЧС РФ Туганбаев М. А. выступил с докладом на тему **«Инструментальная концепция механизма государственно-правового регулирования»**. Анализ научных подходов в рамках инструментальной концепции позволяет сделать вывод о имеющем место смешении понятий «механизм» и «последовательность/этапность» правового регулирования. Действительно, если рассматривать перечисленные элементы в контексте динамики правового воздействия, получается следующая схема: конструирование модельного формального источника права, в котором получают свое закрепление соответствующие поведенческие нормы, формирование круга потенциальных субъектов регулятивно-охранительных правоотношений, представленных правосубъектными индивидами (физическими лицами) и корпорациями (юридическими лицами), наличие фактического основания (юридического факта, презумпции, фикции) возникновения правоотношения, возникновение (изменение, прекращение) правоотношения, оформление результатов правоотношения посредством издания правоприменительного акта.

В заключительной части семинара его организаторами и модераторами были подведены итоги и сделаны обобщающие выводы по вынесенным на обсуждение проблемным вопросам. Также участникам семинара был презентовано издание «Государственно-правовые системы современности», выпущенное издательством «Юрайт» (2025) и рекомендованное УМО высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Arkhipov Sergey Vladimirovich, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

*Поступила в редакцию: 31.07.2025
Принята к публикации: 19.08.2025
Опубликована: 29.09.2025*

*Received: 31 July 2025
Accepted: 19 August 2025
Published: 29 September 2025*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (81)
2025

Редакторы **Т. Г. Захарова, А. А. Титова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 29.09.2025. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 2060

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru